ISSN 0131–0097

АВГУСТ № 35 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

МОДУ ВЗЯЛИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 35 (3345)
24—31 августа

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фото Алексея ВЕЙЦЛЕРА. (См. в номере материал «Шинели «от кутюр».)

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 05.08.91. Подписано к печати 20.08.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 756. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ОНИ НЕ ПРОЙ

ДУТ!

Анатолий ГОЛОВКОВ

ПЕРЕВОРОТ

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА и Марка ШТЕЙНБОКА

19 августа, как бы ни сложилась судьба Отчизны, навеки останется черным днем календаря. Днем политического коварства и предательства. Днем крушения последних иллюзий. Несостоявшихся надежд.

Сознание человеческое устроено так, что трудно быстро свыкнуться с мыслью: для огромной измученной страны начался новый отсчет времени. По ту сторону остались наши планы на будущее, наши попытки примкнуть к мировой цивилизации, чтоб перестать быть почти неконтролируемым ядерным пугалом? Позади — отмеренный временем шанс на создание нормального, не «демократизированного», а демократического общества? Неужто по эту сторону — обкатанный поначалу в Закавказье и уверенно примененный в стране режим чрезвычайного положения?..

Ведя еще пару недель назад разговоры об «угрозе диктатуры», вряд ли кто-нибудь мог предположить, каким окажется день «Х». Оставим в стороне цинизм восьмерки, захватившей власть: «бархатных», «честных» государственных переворотов не бывает. И в первые же часы его реакция тех, для кого предназначен новый порядок, оказалась вполне предсказуемой. Одни заперлись в обморочной тишине квартир, слушая однообразные радиовоззвания, другие ложились под танки возле здания российского парламента. Одни поспешили на всякий случай одобрить инициативу новоявленных вождей, другие пошли строить баррикады.

Всякий путч — это испытание человеческой совести. Ибо события такого рода не могут оставить в стороне никого. Трудно сказать, как бы все это могло произойти пару лет назад. Но сегодня — твердо убежден в этом! — не каждый рабочий может согласиться стоять у станка под дулом автомата. Не всякий журналист готов пойти в услужение путчистам. Не каждый человек в военной форме готов стрелять в безоружных соотечественников. Не каждый милиционер или омоновец, офицер КГБ станет содействовать террору и насилию, строительству нового ГУЛАГа.

Говорят, народ бывает достоин своего правительства. Что ж, возможно, настал час, когда любой из нас обязан разделить ответственность за случившееся. Поздновато нынче объяснять себе и другим, какие были у нас замечательные, добрые намерения. Налицо результат. А он таков, что Президент лишен права на слово. А усевшийся в его кресло «друг» будто бы только и озабочен тем, как сохранить предшественнику здоровье. Результат таков, что все выстраданное обществом за шесть лет перестройки просто-напросто отменено. Что мы не сумели отстоять, защитить свою свободу и, как ни горько об этом говорить, оказались ее лишены.

Наглое попрание Конституции, ложь, изначально взятая за основу «новой политики», лицемерие и предательство одних и отчаянный героизм одиночек — ничто по сравнению с участью, которая нас ожидает. Однако даже и сегодня каждому честному гражданину еще не поздно спросить себя, к чему он готов. Поддерживать противозаконную власть, рабски потворствовать ей, молчаливо наблюдать, как диктатура давит все и вся гусеницами танков, или все-таки попытаться вернуться на демократический путь. Вернуться повзрослевшими, поумневшими, более опытными и трезвыми, чтобы больше никакой переворот не застал нас врасплох. Постараться хотя бы в будущем застраховать себя от того, чтобы уже никто не смог в считанные часы накинуть на Родину нашу информационную удавку, запугать, унизить, навязать свою волю, не считаясь с мнением общественности.

Что же для нас всех важнее сегодня — дрожать от страха, ожидая, какое еще «постановление» подарит путч, или заняться поисками возможных шансов? Риторический вопрос. Шанс не надо искать, он перед нами: это великая Россия, выбравшая суверенитет и независимость, это ее парламент, это законно и впервые в истории всенародно выбранный нами российский Президент. Позиция, занятая руководством самой большой республики Союза, тверда, определенна и непоколебима. И, несмотря на информационный террор, она услышана страной. «Призываем граждан России,— сказано в обращении Ельцина, Силаева и Хасбулатова,— дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию». Она услышана московскими рабочими, выстроившими баррикады для защиты законной российской власти, услышана обществом, которое не согласно на рыночную экономику под пушечным дулом, честными офицерами армии, которые не желают стрелять в свой народ.

Всем нам, очевидно, предстоит немало испытаний. Не нужно быть пророком, чтоб предугадать, как, утвердившись в кремлевских кабинетах, новые диктаторы попробуют доказать, что этот режим не так уж плох. И могут снизить цены на спиртное, и откроют потайные закрома, заполнив магазины продуктами из неприкосновенного запаса, телевизорами, холодильниками, стиральными машинами, всем прочим ширпотребом, которым забиты военные склады. И напечатают деньги, чтоб «повысить» зарплату, и станут заигрывать с пенсионерами и инвалидами при помощи подачек: режиму потребуются многочисленные сторонники. Но все это лишь ускорит экономический крах, распад государства, обнищание людей.

Беда, когда народ плохо помнит уроки собственной истории. Настоящее горе, когда он не в состоянии сделать из них выводы. И все-таки, как ни старались авторы государственного переворота, время для него упущено. То, что было возможно вчера, трудно осуществимо сегодня, ибо нация уже никогда не сможет забыть глоток свободы.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действуют законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действия Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль
19 августа 1991 года

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР,

Вице-президент СССР — Янаев Г. И.
Премьер-министр СССР — Павлов В. С.
Председатель КГБ СССР — Крючков В. А.
Министр внутренних дел СССР — Пуго Б. К.
Министр обороны СССР — Язов Д. Т.
Председатель крестьянского союза — Стародубцев В. А.
Первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне — Бакланов О. Д.
Президент ассоциации промышленности, строительства и связи — Тизяков А. И.

и их сообщники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 70[1], 72 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона.

На основании вышеизложенного постановляю:

Сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку.

Судьба России и Союза в ваших руках.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль
19 августа 1991 года

Вадим БАКАТИН

«ЭТО БЕЗЗАКОНИЕ»

20 августа, в 15-40, мы позвонили Вадиму Бакатину, бывшему министру внутренних дел СССР, бывшему члену бывшего Совета безопасности.

— Вадим Викторович, что происходит в стране?

— Беззаконие. Группа людей самозванно захватила власть откровенно неконституционно, беззаконно. Самое страшное — обстановка может выйти из-под контроля инициаторов этого хаоса.

— Вы пытались связаться с Михаилом Сергеевичем?

— Два дня пытаюсь. Отвечают, что связь повреждена.

Эдуард ШЕВАРДНАДЗЕ:

«ТАНКАМИ СТРАНУ НЕ НАКОРМИШЬ»

На пресс-конференции в Москве президент Внешнеполитической ассоциации Э. Шеварднадзе сказал:

— Произошел переворот. Это национальная трагедия для всех народов Советского Союза. Это серьезная угроза всеобщему миру и спокойствию.

Что практически можно сделать для спасения демократии и предотвращения гражданской войны (ибо инициаторы переворота ведут именно к гражданской войне)?

Есть единственный способ: объединение всех демократов, всех порядочных людей.

Я очень надеюсь, что прогрессивная часть нашей армии, милиции, КГБ не будет открывать огонь против своих отцов, братьев, сестер. Я уверен в этом! Я уверен, что случившееся не останется без должного реагирования в других республиках.

Только демократический строй может гарантировать человеческие условия жизни для любой семьи. Сейчас трудно предугадать образ действий инициаторов переворота. Уже в Москве танки, БТРы. Предотвращение этой страшной угрозы тоталитаризма в интересах всего человечества.

— Как вы думаете, заговорщики готовы пролить кровь?

— Они верят, что эту страну можно удержать танками. Хотя это глупо! Это авантюристическая политика! Я уверен: она провалится.

— Вы уверены в поддержке Запада? Какой реакции вы ждете от ООН?

— Я думаю, ООН будет действовать очень осторожно. Мы должны справиться сами. Но мы вправе ожидать моральной, политической поддержки всего человечества. Смотрите, какое в заявлении путчистов пренебрежительное отношение к международному содружеству... А где они собираются, на каком рынке покупать хлеб?! Страна идет к голоду. Танками ее не накормишь.

— Что вы ожидаете в ближайшие дни?

— Если путчисты удержатся у власти, то у меня самые мрачные прогнозы. Ожидаю репрессивных мер. Прежде всего могут быть арестованы лидеры демократических реформ. Я ко всему готов. Чувство страха мне не знакомо. Не знаю, хорошо это или плохо.

МОСКВА. 19 августа

Небольшой группой уходим в город, словно ныряем во взбаламученное море. Колонны БТРов и танков, рассекающих потоки машин. Митинги на Манежной, у Дома Советов. Гарь моторов. Исковерканный гусеницами асфальт. Плакаты. Аплодисменты и свист. Мегафонные голоса. Все это — Москва 19 августа 1991 года.

На Тверской офицеры уговаривают двух женщин с плакатами оставить машину. Бесполезно. Столкнуть, стащить силой? «Не срамись, капитан!» — кричат с тротуара. БТР трогается, неся на своей броне развернутые плакаты.

У солдат и офицеров виноватые, трагические глаза. О чем думает этот парень в шлеме, глядя из танкового люка на город, который ему приходится завоевывать? А этот майор, опустивший взор? Отдых после ратного труда?

Ну, как двигаться дальше, как выполнять приказ, не по живым же людям... А они уже лезут на броню, затыкают газетами смотровые щели, кричат, требуют, корят.

Танк вздрагивает, чуть сдвигается его нагретая, жарко дышащая махина. Вздох толпы, крик, люди отпускают машину, отступают перед ней на шаг и снова вцепляются руками в металл. Надо видеть эти внезапно побледневшие лица, стиснутые губы. Лютую решимость в глазах. На Новоарбатском мосту танки стоят. А у Библиотеки Ленина две машины пошли на толпу на скорости. Рассыпался народ, криками, проклятиями провожая их.

Город-то каков в летнем своем облике. Изгиб Москвы-реки. Сталинский высотный «торт» вдали. Широко распахнутая громада Дома Советов с его алтарными лестницами. Но бешеная сшибка страстей... На броне люди с поднятыми руками. Два растопыренных пальца — знак виктории, победы. Победа ли? И чья победа?

На Манежной у микрофона ораторы Российского народного фронта. «Фашизм не пройдет!» «КПСС — под суд!» Балконы гостиницы «Москва» забиты людьми. С одного из них машет рукой Жириновский. Одни аплодируют ему, другие свистят. Третьи скандируют: «Долой!», «Козел!»

На Кутузовском останавливают рейсовый «Икарус». Водителю суют обращение «К гражданам России». Растерянно читает, потом открывает двери, выпускает пассажиров и подруливает к обочине. А на Калининском уже толкают троллейбус — зародыш баррикады. Движение перекрыто. Группа парней, сцепившись руками, идет по мостовой к Дому Советов, за ними густеет толпа, вырастает колонна. «Ох, накален народ»,— вздыхает кто-то над ухом.

* * *

— Все равно не проедешь. Все равно...

Как заклинание, он повторял эти слова, уперевшись жилистыми руками в передок урчавшего танка. На вид ему было лет сорок пять, только, видно, рано начал лысеть — редкие волосы на большой голове слиплись от дождя, прядями падая на глаза. Но руки были заняты танком, и он с ненавистью глядел на железную громадину, не откидывая упавших волос. На руке у него висела обычная авоська с талонным «Дымком» и буханкой черного. Одет он был в какую-то кофту сизого цвета незатейливой домашней вязки, старые, заношенные брюки и сандалеты на босу ногу.

С белым от страха и напряжения лицом, он словно прирос к танку, не слушая уговоры милиционера, сопровождавшего колонну, и подполковника-комбата. Наконец он повернул к ним голову и, смерив глазами, хрипло выдохнул:

— А ты... отойди, фуфло... Все равно не проедешь.

Танк затрещал, выпустил целую дымовую завесу и дернулся вперед, отбросив мужика сильнейшим толчком. Толпа ахнула, но он, казалось, побелев еще сильнее, снова кинулся к осевшему на тормозе танку и снова уперся в броню.

— Все равно!.. Все равно не проедешь!..— гаркнул он не кому-нибудь, а именно танку, как некоему живому врагу.

— Отойдите,— тихо и убедительно сказал ему незаметный гражданин в рубашке апаш и, взяв за локоть, потянул в сторону.

— А ты кто такой?! — риторически вопросил гражданина один из толпы.

— Я из КГБ,— с какой-то напевной нежностью ответил субъект.

— Ну и хромай отсюда!— с ненавистью ответил ему стройный хор голосов.

Все это происходило 19 августа около полудня на спуске к Краснопресненской набережной у подножия лестницы Верховного Совета России.

Утром, собравшись в редакции напротив Савеловского, мы в молчании проводили глазами колонну БТРов, деловито проследовавших в сторону вокзала под нашими окнами, и разъехались по городу. Наверное, те же ощущения испытывали военные корреспонденты пятьдесят лет назад, отправляясь к местам вторжения. С одной, впрочем, существенной разницей — у них, несомненно, не было и не могло быть тяжелейшего чувства предательского удара в спину: в тот день в машинах, крошивших асфальт, сидели не сыновья, а иноземцы. Испить эту чашу выпало нам с вами...

Вообще это был странный день. Странный своей внутренней раздвоенностью, словно двоевластие, в одночасье сложившееся в городе, получило реальное, видимое воплощение. С одной стороны — толпы людей, окруживших «Белый дом», как окрестили резиденцию российского парламента, строивших здесь баррикады, буквально голыми руками останавливавших военную технику. С другой — внешний покой на улицах, очередь за арбузами на Самотеке, водочный «хвост» в переулке. Как будто случившееся разделило людей не только на два лагеря, но на два биологических вида — зрячих и слепых. И слепые, не ведая, что творится вокруг, продолжают жить прежней покойной жизнью, а зрячие, бросив все дела, отбросив себя прежних, идут на отринутое прошлое.

Прошлое это предстало перед глазами десятков журналистов, допущенных на пресс-конференцию так называемого «политического руководства» страны, укрывшегося за аббревиатурой ГКЧП. Восемь человек, составившие этот неудобозвучный термин советского новояза, сначала продемонстрировали свои аргументы на улицах Москвы. Аргументы, что и говорить, весомые, учитывая вес даже одного танка... В пять часов пополудни они посчитали необходимым подкрепить их изустными объяснениями. Увы, кулак так и остался их единственным убедительным аргументом: явленная на встрече с журналистами беззастенчивая демагогия была настолько неприкрытой, что в зале то и дело звучал смех.

Не станем здесь пересказывать хода знаменательной пресс-конференции — весь мир имел возможность наблюдать эту демонстрацию нравственного позора людей, предавших собственный народ и нарушивших долг. Надеюсь, что судьей им будет не только Господь Бог. Надежду на это внушают и тот парень с авоськой, упиравшийся в бронированный лоб танка, и тысячи людей, ночевавших в эту ночь у парламента, и миллионы зрячих в несчастном нашем Отечестве. Дай Бог прозреть слепым...

* * *

Разговор с кинорежиссером Станиславом ГОВОРУХИНЫМ в 4.30 утра в «Белом доме»

— Вы здесь почему?

— Здесь мои друзья, у стен этого дома решается судьба России.

— Когда снималась картина «Так жить нельзя», предполагали ли вы, что все может обернуться именно таким образом?

— Честно говоря, тогда мне казалось, что страна и народ дошли до ручки и требуется чрезвычайное положение. Но я был уверен, что это должно исходить только от законной власти. И, естественно, мне и в голову не приходило, что кучка авантюристов путем военного переворота лишит Президента власти и вообще вернет нас всех к тоталитарному ужасу... Хотя, конечно, вся интеллигенция обсуждала возможность военного переворота. Но никто всерьез в это не верил. Думали, не хватит наглости. Но они же одноклеточные! У них хватило всего...

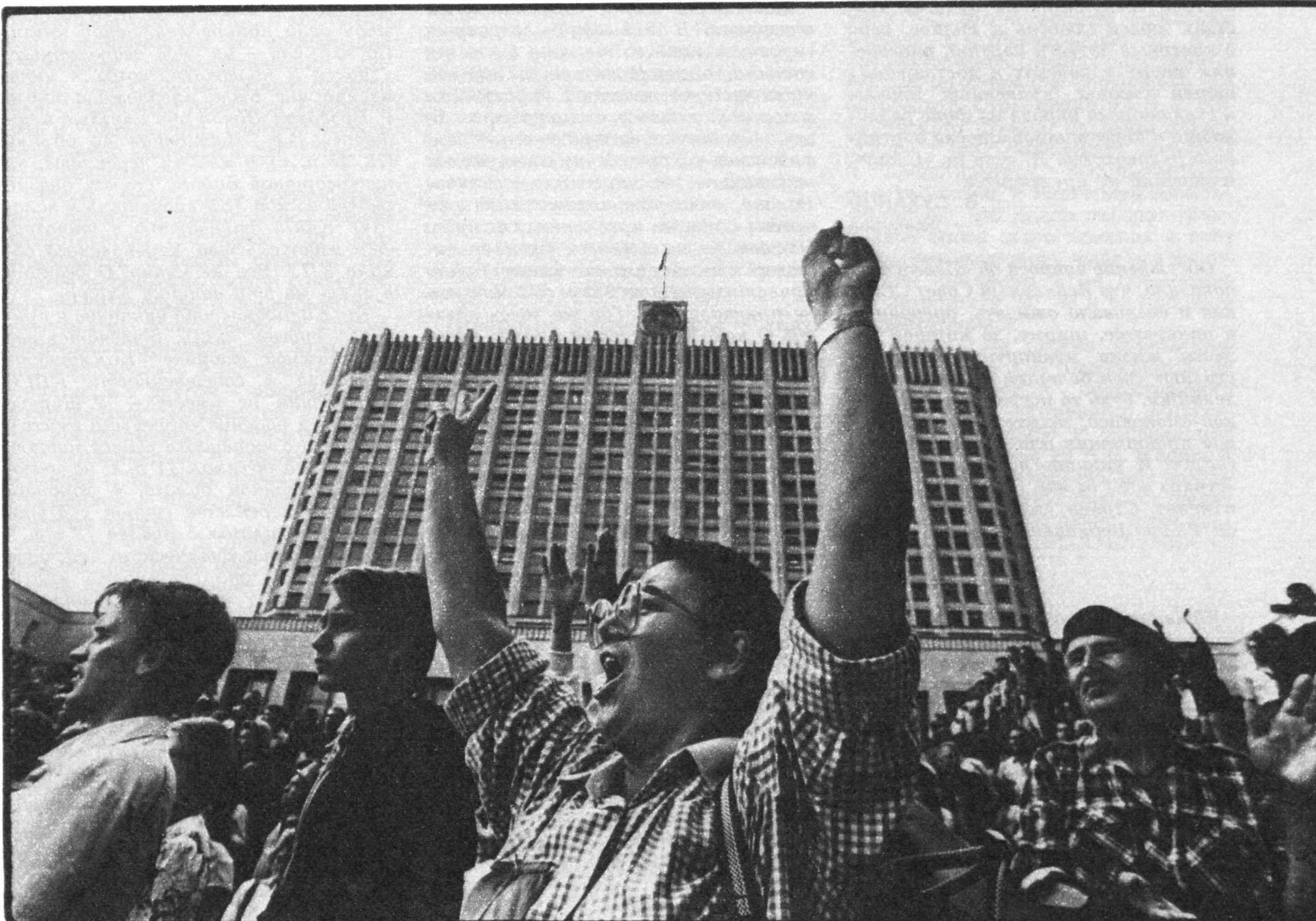
И когда группа людей с явно авантюрными целями покушается на законно и всенародно избранного Президента, когда осаждают законный Дом правительства России,— я понимаю, что это мой последний оплот. Я должен быть здесь, что бы ни случилось. Получается: надо либо помереть, либо завоевать надежду на будущее.

**Материалы подготовили:
Михаил ЗАРАЕВ,
Константин СМИРНОВ,
Илья МИЛЬШТЕЙН,
Анастасия НИТОЧКИНА,
Георгий РОЖНОВ**

ОБРАЩЕНИЕ РАДИО РОССИИ

Внимание, сограждане!

Радио России выходит в эфир с позывными любительской радиостанции «Радио-3 Анна», круглые сутки на коротких волнах. Утром и вечером частота 14175 килогерц, диапазон 40 м. Днем 7040 килогерц, диапазон 20 м. Ночью 3640 килогерц, диапазон 80 м.

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Смысл указа «О департизации» понятен и никаких пояснений не требует. Считаю действия КПР и ЦК КПСС, которые вставляют палки в колеса Президенту России, грубыми и циничными. Не надо обвинять Ельцина и поливать его грязью. И не надо ссылаться на народ, ведь выступающие члены компартии не знают мнения народа, да и никогда с ним не считались.

А. БОЧАРОВ
Орел

Мы так приучены делить крохи, что забыли о необходимости создавать. Нам привили логику грабителей, как детям прививают оспу. В результате — больное общество. Люди, у которых с детства отнято чувство сопричастности к судьбам своего народа.

С. МАНДЕЛЬШТАМ
Ленинград

Всенародные выборы Президента России, явившиеся, по сути дела, сплошным социологическим опросом населения республики о его отношении к «социалистическому выбору», наглядно продемонстрировали, что ни о какой, якобы присущей народам России, особой приверженности социализму всерьез говорить не приходится.

С. ПАНКИН
Саратов

«Слово к народу», опубликованное в газете «Советская Россия» 23 июля с. г.,— еще одно доказательство лживости и трусливости нашей «славной» компартии. 74 года бестолкового, некомпетентного руководства — годы сокрытия истинного положения во всех сферах общественной жизни страны, «железного занавеса», бессовестной спекуляции на лучших чувствах людей (любовь к Родине, вера в красивые лозунги партии), присвоения заслуг в победах и достижениях нашей страны, купленных кровью и страданиями народа на фоне разложения и коррумпированности партийного руководства. И, судя по «Слову», изменений не предвидится.

В. СУХАНОВ
Ленинград

Обсуждение вопроса об «Известиях» показало, что Верховный Совет СССР, как и следовало ожидать, превращен в прикрытие, ширму, за которой хозяева жизни планируют и осуществляют свои большие и малые деладелишки, будь то погромы штурмовиков-омоновцев, захват средств массовой информации или «приватизация» госдач. И никакие вопли о том, что «страна ждет от нас...», этого факта не изменят. Страна уже ничего не ждет от членов Верховного Совета.

В. ВРЕВСКИЙ
Ярославль

Покаяние — это личное дело каждого человека и нужно только ему самому. Если сын или дочь палача в состоянии безмятежно жить, зная о злодеяниях своего отца, пусть живут. И уж никому не надобно раскаяния КПСС. Если В. Солоухин верующий, то должен знать, что дьяволу отказано в спасении. Так что каяться бесполезно.

А. ДУБИНИНА
Москва

■

Газета «Советская Россия» известна своей реакционностью. В этом я окончательно убедился в день выборов Президента России. Именно 12 июня она, поправ закон, агитировала на своих страницах за кандидатов КПСС — Рыжкова, Бакатина и прочих, одновременно поливая грязью Б. Н. Ельцина.

На первой странице среди откликов читателей о кандидатах в президенты помещена грязная, провокационного характера заметка, что-де Ельцин, став Президентом, начнет «физически уничтожать коммунистов», а Травкин назначит час. И подписана эта заметка моим именем (специально узнавал в справочном бюро — второго Амосова И. К. в Ангарске не оказалось).

Вот так, уважаемые читатели, никогда с этой газетой не имел никаких контактов, даже не читаю ее, как и все уважающие себя мои коллеги-журналисты. Как же появилась эта анонимка? Активно участвовал в предвыборной кампании, опубликовал серию статей в защиту демократических сил и Б. Н. Ельцина с критикой в адрес команды «бронепоезда». И вот ответный залп.

Одновременно с обращением к вам отправил заявление в Прокуратуру России с требованием о привлечении к судебной ответственности главного редактора «Советской России» Чикина, расследования факта появления провокационной анонимки и публикации опровержения.

В заключение не могу не сообщить, что несмотря на бешеную активность ангарского партаппарата, 69 процентов жителей Ангарска проголосовало за Б. Н. Ельцина, как и вся республика, сделав свой выбор.

И. АМОСОВ,
член Союза журналистов СССР
Ангарск Иркутской области

■

Мой отец, дед и бабушка жили в особняке. В 1925 году были репрессированы лишь за то, что были честными, порядочными людьми, чуть-чуть пограмотнее других. Дом и все имущество у них отобрали. Я, мой брат и сестра не живем, а ютимся в хрущевских клетушках, как почти все коренные москвичи. На то, что принадлежало нашим предкам, мы не имеем никаких прав. Но почему-то бывший премьер-министр и его окружение имеют право приватизировать даже то, что им не принадлежит. Где же здесь логика? О каком равенстве может идти речь? И какая это будет приватизация, если все, что нужно, уже загодя прибрано к рукам?

Г. МАКСИН
Москва

■

В последнее время в печати, по телевидению часто слышишь обвинение, что мы «пропили страну». Я, рабочий, проработавший 32 года, категорически не согласен с ним. Эти слова оскорбляют меня и моих покойных родителей, моих товарищей по работе, большинство из которых не пьет: на нищенскую зарплату много не выпьешь. У моих родителей было 8 человек детей. Как им было неимоверно трудно! Страшно вспомнить свое детство. Перед глазами встают мать и отец, которые, кроме работы и нужды, в жизни ничего не видели. Жили в деревне, а как там измывались над людьми, вы знаете. Работали почти бесплатно. О выпивке не было и речи. Ни разу я отца не видел пьяным. Он прошел две войны от начала до конца.

Когда стали сносить неперспективные деревни, мы забрали родителей в город. Отца устроил к себе в цех. Проработал он там 4 года, послали его выполнять не свою работу. Сорвалась секция, он хотел ее удержать и от перенапряжения получил кровоизлияние в мозг — через неделю умер. А незадолго до этого умерла мама. Прожили они по 57 лет. Все им обещали, что скоро заживем хорошо. Врали десятилетиями, обкрадывали, эксплуатировали их нещадно. И вот теперь они же и оказались виноватыми.

Не они пропили страну. Развал государства — это результат бездарного руководства на протяжении 74 лет. Никогда государство не заботилось о рабочем человеке. 28 лет я проработал на одном участке, и никаких новшеств, все по старинке, и все хуже и хуже. Я вот с трудом дотянул до пенсии. А сколько не дотянуло? Или выйдут на пенсию и скоро умирают — совсем не от пьянства. В стране буйствует промышленный геноцид. Условия труда адские. Никому нет дела, как мы живем, как питаемся. Местное и заводское руководство заботится лишь о себе. В 1989—1990 годах на заводе погибли трое молодых рабочих, несколько человек получили тяжелые увечья — это на заводе, где работает 2000 человек. Виновные в их гибели получили лишь символические наказания. И никого, ни партийных, ни профсоюзных дармоедов, наши беды не волнуют.

П. БЕРСЕНЕВ
Челябинск

■

Среди льгот, которые пожалованы инвалидам войны, есть и такая, как продажа один раз в месяц в книжном магазине, к которому инвалид для этой цели прикреплен, одной книги. По замыслу — из ряда дефицитных.

Долго я колебался, когда в июне месяце мне была предложена книга Р. Брэдбери «Были они смуглые и золотоглазые». Небольшая по объему (18, 48 п. л.), в мягком переплете, на низкосортной бумаге, стоит она 10 рублей 45 коп. (с 5-процентным налогом). Книга отпечатана в типографии издательства Харьковского обкома КПУ. Все же купил. О реакции в семье на эту покупку умолчу.

Так случилось, что накануне я приобрел другую книгу, отпечатанную на книжной фабрике «Коммунист» (название к собственности КПСС отношения не имеет),— У. Ширера «Взлет и падение «третьего Рейха», которую с интересом сейчас читаю. Эта книга объемом 41 п. л. на высококачественной бумаге, в хорошем твердом переплете стоит с 5-процентным налогом 5 рублей 78 коп.

Путем арифметического подсчета я выяснил, что стоимость книги, выпущенной книжной фабрикой, в 4 раза меньше, чем стоимость книги, выпущенной издательством Харьковского обкома КПУ (не учитывая еще, что тираж книги У. Ширера — 100 тысяч экземпляров, а книги Р. Брэдбери — полмиллиона).

В чем же причина такого несоответствия? И уместно ли здесь взывать к совести «перестроившихся» предпринимателей Харьковского обкома КПУ? Неужели и впредь мы безропотно будем взирать на то, как присвоенное партаппаратом имущество используется им для дальнейшего обогащения за счет грабежа потребителей, в том числе и инвалидов Отечественной войны, не исключая и рядовых членов этой партии, у которых не хватает разумения понять своей жалкой роли пособников собственных бед?

Б. ЛИТВИНОВ
Харьков

■

Мне представляется юридически неправомерным и лингвистически неправильным требование некоторых молодых государств или заново утвердивших свой суверенитет республик о наименовании их на других языках в транскрипции своего языка.

Названия стран и народов звучат на разных языках по-разному — в соответствии со сложившейся веками традицией и законами соответствующего языка. Тем более это касается старых языков и культур, где выработались развитая терминология и круг наименований. Если киргизы называют себя «кыргызами», а свою страну «Кыргызстан», то фонетически это точно и на их языке необходимо, но это не очень благозвучно с точки зрения русской фонетики и ряда других тоже (а как быть народам, в языке которых, как например, в армянском, отсутствует звук «ы»?). И ничего обидного, на мой взгляд, не было бы, если бы в русском языке употреблялось бы по-прежнему «Киргизия» и «киргиз». Следуя этой логике, все должны были бы говорить «Айастан», хотя никто, кроме самих армян, Армению так не называет, «Сакартвело», «Ээстимаа» и т. д.

Та же закомплексованность, принимаемая за патриотизм, охватила и некоторые молодые зарубежные государства. Подобные претензии можно довести до абсурда. А потому в ответ на пылкие декларации, принятые в атмосфере вполне понятной эйфории, другие правительства не должны спешить им подчиняться, а вежливо разъяснять, что каждый язык функционирует в соответствии со своими внутренними законами и многовековыми традициями национальной и мировой культуры.

В. ХАЧАТУРЯН,
кандидат исторических наук
Ереван

■

СССР приходится иметь дело с различными вариантами «западной модели». Понятно, что ни один из них нельзя перенести на советскую почву, и то, к чему придут в конце концов СССР и республики, будет представлять собой продукт синтеза: отовсюду понемногу. Но совместимы ли западные технологии с восточной неторопливостью, рыночные механизмы — с традиционно сильной ролью административного аппарата, открытость всему миру — с остро ощущаемой национальной самобытностью? На этот вопрос было бы сложно ответить, если б не опыт Израиля.

Прежде всего высокоразвитая экономика Израиля носит ярко выраженный многоукладный характер. Параллельно существуют и эффективно взаимодействуют различные формы собственности: частная, чисто национальная и принадлежащая иностранным и межнациональным компаниям, государственная, корпо-

ративная, кооперативная с разной степенью обобществления.

Будучи в основе своей рыночной и свободной, экономика Израиля тем не менее подвержена сильному государственному регулированию. Национальная валюта — шекель — является ограниченно конвертируемой, и в стране эффективно действуют параллельные системы расчетов в шекелях и долларах.

По-видимому, экономика Союза и республик также будет в обозримом будущем многоукладной и регулируемой со стороны государства, рубль станет конвертируемым с известными ограничениями.

Значительная часть финансовой базы израильской экономики представляет собой инвестиции и прямую финансовую поддержку из-за рубежа, главным образом из США. Очевидно, методы и механизмы освоения этих средств представляют интерес для СССР, также рассчитывающего на иностранную помощь для преобразования экономики.

В силу исторических причин в Израиле, как и в СССР, высоки удельные расходы на оборону, действует всеобщая воинская обязанность.

Вот почему представляется, что именно израильский опыт хозяйствования, организации экономики может быть особенно ценен и для ваших республик, и для СССР.

Особые перспективы здесь открываются в области обучения и переподготовки кадров. Тем более что значительная часть населения Израиля говорит по-русски. В стране сильны культурные традиции, имеющие русские корни. Это создает уникальную культурно-языковую среду, чрезвычайно благоприятную для обмена идеями и опытом с Союзом, Россией, да и с другими республиками.

Д-р И. СИМКИН
Рэховот, Израиль

✉

Разрешите поблагодарить вас за статью А. Терехова «Сторона чужая, сторона родная» («Огонек» № 30, 1991 г.) хотя, прямо скажем, далеко не все в ней придется по душе людям, связанным с казачьим движением. Не все — это прежде всего несколько ернический, насмешливый тон, как будто автор видит в современном казачестве один лишь балаган с переодеванием и каких-то фигляров. Ах, и этого хватает. Недаром ведь «руководящая и направляющая сила» нашего общества поспешила понасадить во главе организаций (вроде так называемого «Союза казаков») своих работников и марионеток. Цель-то именно эта самая: дискредитировать казачество в глазах страны и ее общественных движений, выставить казачество эдаким защитником социалистического выбора. Уверен, что статья А. Терехова дает хорошую возможность продолжить серьезный разговор о казачестве и его будущем, позиции большинства казачьих объединений России, для которых то, о чем вы пишете,— не игра. Это их боль, их надежда, их достоинство и честь.

Наверное, полезно увидеть себя глазами стороннего наблюдателя. Тем более — увидевшего подлинные проблемы движения. Поверьте, мы не менее А. Терехова боимся «фольклорного маскарада» или подчинения Казака чьим-либо партийным интересам, розыгрыша «казачьей карты» в большой политической игре. Когда мы только начинали, несколько человек из старинных казацких родов предупреждали: «Станичники! Понимаете ли вы, что делаете, какую силу, какие страсти вновь можете выпустить? Казачество умерло, не тревожьте могилу — неизвестно, что оттуда поднимется!..»

Но мы знаем — в казачестве скрыт огромный не востребованный еще страной потенциал исконного российского опыта народного самоуправления, и успешного хозяйствования на своей земле, и служения Отечеству... Оно нужно сегодня России! И мы уверены: России не подняться вновь без Казака, как и Казаку не быть без России.

Г. КОКУНЬКО,
член Правления землячества казаков в Москве

О ЛИТЕРАТУРНОМ ПРИЛОЖЕНИИ К «ОГОНЬКУ»

В редакцию приходят письма и телеграммы, раздаются телефонные звонки: читатели и почтовые работники недовольны тем, что количество выделенных на подписку собраний сочинений приложения к «Огоньку», по их мнению, недостаточно.

Редакция вынуждена напомнить, что, как сообщалось в № 32, подписка на приложение остается по-прежнему лимитированной, а тираж книг — фиксированным. И хотя преимущественное право на получение приложения имеют прежде всего подписчики «Огонька», но владельцами его, как уже сейчас можно предполагать, станут не все. Это продиктовано печальной ситуацией с бумагой и полиграфическими мощностями, которое сложилось в стране.

Напоминаем, что ПОДПИСКА ПРОВОДИТСЯ ЦЕНТРАЛЬНЫМ РОЗНИЧНО-ПОДПИСНЫМ АГЕНТСТВОМ В ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.

Индексы изданий — А. Конан Дойл — 71204, Ф. Скотт Фицджеральд — 71205, В. Ходасевич — 71206, Библиотека сатиры и юмора — 71207.

А ПАРТАКТИВЫ ПРЕДПОЧИТАЮТ ЖИРИНОВСКОГО

Итоги июльского опроса Службы изучения общественного мнения VP (руководитель — профессор Б. А. Грушин)

1. Процедура опроса.

Опрос проводился по телефону с 15 по 25 июля по заказу журнала «Огонек». Из 750 предусмотренных выборкой лидеров общественного мнения, принимающих активное участие в формировании и выражении взглядов населения нашей страны, было опрошено 729.

Важная особенность исследования состояла в том, что в нем, как всегда, выяснялось не личное отношение респондентов к предложенному списку деятелей, а оценка ими преобладающих в обществе мнений на этот счет. Более подробно с процедурой опроса можно ознакомиться в №№ 8 и 12 журнала за текущий год.

2. Результаты опроса.

Ответы на первый вопрос — «Кто именно из названных людей привлек к себе наибольшее внимание населения?» (в % к общему числу опрошенных, по мере убывания величин):

1.	Шеварднадзе Э. А.	— 32
2.	Жириновский В. В.	— 27
3.	Горбачев М.С.	— 12
4.	Яковлев А. Н.	— 5
5.	Павлов В. С.	— 4
6.	Бакатин В. В.	— 1
7.	Язов Д. Т.	— 0,7
8.	Лукьянов А. И.	— 0,6
9.	Пуго Б. К.	— 0,6
10.	Крючков В. А.	— 0,4
	Другие ответы	— 13
	Затруднились ответить	— 3
	Отказались отвечать	— 0,7

При оценке меры популярности государственных и общественных деятелей следует учитывать, что в июльском списке отсутствовало имя Б. Н. Ельцина. Дело в том, что наш опрос происходил сразу после завершения выборов Президента РСФСР, где население России уже выразило свое отношение к этой политической фигуре.

Зафиксированное в опросе лидерство Э. А. Шеварднадзе — это, во-первых, результат его устойчивого и довольно высокого авторитета, сохраняющегося в различных слоях населения, а во-вторых, следствие недавнего выхода из КПСС и выступления с инициативой об организации «Движение демократических реформ». Оба события широко освещались средствами массовой информации и, безусловно, способствовали оживлению интереса к деятельности Э. А. Шеварднадзе.

Второе место В. В. Жириновского — примечательный штрих нашей общественной ситуации. За ним скрывается, с одной стороны, неудовлетворенность людей современным политическим и социально-экономическим положением в стране, действиями официальных, властных законодательных и исполнительных структур, а с другой — широкое распространение люмпенской психологии, восприимчивой к сверхупрощенным объяснениям и отзывчивой на призывы к насилию, поиску «козлов отпущения» и посулы «ежедневной дешевой водки».

Отметим, что Э. А. Шеварднадзе отдали предпочтение все, кроме активистов партий и общественных движений РСФСР (36% — за В. Жириновского, 32% — за Э. Шеварднадзе) и Москвы (36% и 25% соответственно). Причем подобное распределение голосов обусловили в первом случае представители партий РСФСР (кроме КПСС), среди которых 65% отдали предпочтение В. В. Жириновскому и лишь 13% — Э. А. Шеварднадзе. Во втором — активисты горкома и райкомов КПСС Москвы (45% и 32% соответственно), а также активисты других партий, функционирующих в столице (43% и 17%).

М. С. Горбачев всякий раз, когда он включался в список претендентов, неизменно оказывался в наших опросах в лидирующей группе. Однако — примечательная вещь! — он ни разу не был первым (в апреле — 3-е место, в мае — 4-е). Подобные результаты представляются совершенно естественными. В предыдущих отчетах уже отмечалось, что в глазах населения Президент СССР ответствен за все происходящее, а происходящее в политике, экономике и других сферах жизни — явно неудовлетворительно. Отношения Президента страны с широкой публикой осложняются также непопулярностью этого поста. В связи со сложившейся в последнее время ситуацией М. С. Горбачев не выступает инициатором реформ, а как бы неохотно уступает необходимости их проведения. Такая роль, возможно, весьма целесообразная для мирного развития событий в обществе, не способствует росту популярности Президента СССР в глазах народа.

Ответы на второй вопрос — «Как сказались минувшие события на авторитете Э. А. Шеварднадзе (В. В. Жириновского, М. С. Горбачева) — он значительно повысился, несколько повысился, не изменился, понизился или значительно понизился?» (в % к числу отвечавших на вопрос):

	Э. А. Шеварднадзе	В. В. Жириновский	М. С. Горбачев
отвечали на вопрос	234	194	85
значительно повысился	16	32	8
несколько повысился	47	20	41
не изменился	16	10	37
понизился	12	19	13
значительно понизился	5	8	0
затруднились ответить	4	11	1

Отдавшие предпочтение Э. А. Шеварднадзе, В. В. Жириновскому или М. С. Горбачеву прежде всего считают, что авторитет всех этих деятелей у населения преимущественно повысился. Правда, в случае с В. В. Жириновским многие респонденты отмечали, что лидер Либерально-демократической партии был практически неизвестен до выборов Президента РСФСР, и поэтому говорить о повышении или понижении его авторитета довольно трудно (ср. 11% затруднившихся ответить).

Существенное различие между первыми фигурами заключается также в том, что назвавшие человеком месяца Э. А. Шеварднадзе во всех без исключения группах опрошенных неизменно отмечали повышение его авторитета. Сторонники же В. В. Жириновского отнюдь не были единодушны. Так, народные депутаты и представители исполнительной власти России, а также журналисты, считавшие, что лидер либерал-демократов более всего привлек к себе внимание населения, чаще все же отмечали снижение, а не повышение его авторитета (50, 48 и 53 процента соответственно).

В результате можно констатировать, что если Э. А. Шеварднадзе, по оценкам лидеров общественного мнения, имеет устойчивую положительную репутацию у большинства населения страны, то В. В. Жириновский воспринимается людьми по-разному. Правда, одной цели он достиг безусловно — стал лично известен.

ПРЕСС-СЛУЖБА VP

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ПРЕДПРИЯТИЯМ ПО ПОКУПКЕ И ПРОДАЖЕ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМОЙ ВАЛЮТЫ НА ВАЛЮТНОЙ БИРЖЕ.

СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМАЯ ВАЛЮТА — ЭТО ВАША РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАКЛЮЧИТЬ И ОПЛАТИТЬ КОНТРАКТЫ С ЗАРУБЕЖНЫМИ ФИРМАМИ.

ТЕЛЕФОН: 928-00-94
ТЕЛЕКС: 411716
ФАКС: 928-26-20

ЭСКАРТ

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Владимир РЕЗНИЧЕНКО

Это увлекательнейшее занятие: «на середине жизненной дороги», а то и ближе к ее концу перелистывать книги, прочитанные в далеком детстве. Будто бы производишь археологические раскопки внутри самого себя.

Мне сорок шесть лет, появился я на свет еще во время войны. Так что удалось пожить мне и «при Сталине», и «при Хрущеве», и «при Брежневе», но никогда еще — при настоящей демократии. И книжки, разумеется, я читал только те, которые государство считало полезным и позволительным мне читать.

Если кто-нибудь из моих сверстников и родился в рубашке, то уж точно — в рубашке смирительной. Но, подобно «деткам в клетке» на площадке молодняка, мы даже и не подозревали, что живем в неволе, поскольку никакая иная жизнь, кроме зоопарковой, нам была неизвестна. Мудрое провидение, заботясь о людях и о зверях, делает все, что в его силах, чтобы их детеныши не помирали от тоски.

В Новом завете есть рассказ о чудесном превращении Савла в Павла. Савл был злым человеком, он «терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу». Но однажды он увидел «с неба свет, услышал обращенный к нему голос Христа — и вдруг он прозрел» и стал великим праведником.

Аналогичную трансформацию — хотя и в прямо противоположном смысле — пыталась произвести с нами литература социалистического реализма. Причем мы, Савлы, должны были превратиться сразу в трех Павлов: Павла Власова, Павку Корчагина и Павлика Морозова,— именно эти три героя выдвигались в качестве эталонных образцов для подражания. Формирование «нового, коммунистического человека» начиналось с пеленок, интенсивно проводилось в детском саду, продолжалось в школьном классе и институтской аудитории — и так до самой смерти.

«Мы дружны с печатным словом, если б не было его, ни о старом, ни о новом мы не знали б ничего!» — утверждал поэт С. Михалков в придуманной им от нашего имени «Песенке юных читателей». И продолжал: «Книги дружат с детворою, книгу ценит пионер, и любимые герои для него всегда пример!» Вот так и происходил этот процесс — не просто «писатель пописывает, читатель почитывает», а литература должна была научить нас « делать жизнь с кого». И учила — по заранее разработанной методической программе, единой и обязательной для всех, от мала до велика.

Общаясь с иностранцами (и видя, как общаются с ними мои соотечественники), я не раз обращал внимание, что мы с большим трудом находим с ними общий язык, даже и зная языки друг друга. Несмотря на всю «дружбу народов», разговаривать порой оказывается просто не о чем, попытки задушевного общения заходят в тупик. Барьером становится некая психологическая несовместимость, одна из важных причин которой — различие культурных основ, служащих опорой строящейся человеческой личности. С детства мы учились по разным учебникам, смотрели разные фильмы, верили в разных богов (или кумиров) и поэтому зачастую по-разному смотрим на самые тривиальные вещи. И если разговор все-таки завязывается, нередко он сводится к обоюдному интервью: «У нас так, а у вас как?»

Попав к нам в страну, чужеземцы то и дело удивляются и разводят руками. Эту особенность их поведения точно уловили в своих книжках советские детские писатели, причем особенно любопытно, что удивление при виде советской действительности охватывает там даже сказочных героев, казалось бы, привыкших к любым чудесам — чего только не происходит в сказках!

«— У вас очень странная и непонятная для моего разумения страна,— буркнул Хоттабыч из-под кровати и замолчал...» Так отреагировал престарелый джинн из знаменитого романа Л. Лагина на поучения своего юного друга пионера Вольки, который пытался убедить его в преимуществах социализма. Идейный Волька, в частности, растолковывал Хоттабычу, что «зарабатывать деньги, торгуя в собственном магазине», неприлично. Что «частник — это тот же эксплуататор», а «эксплуататоров в нашей стране нет и не будет», потому что и так уже достаточно «попили нашей крови при капитализме...». 3700 лет прожил до выхода в свет книги джинн, но такого не слыхивал.

«— Что это за страна? Что же это такая за непонятная страна?..» Заметили: слова почти те же самые, что у Хоттабыча, но произносит их другой сказочный персонаж, опять же иностранец по своему происхождению,— Главный Буржуин из «Военной тайны» А. Гайдара. Он тоже никак не может понять Страны Советов и хочет эту мучающую его тайну выведать у Мальчиша-Кибальчиша, взятого в плен маленького героя-партизана. Но Мальчиш, даже закованный в цепи и посаженный в каменную башню, секрета не выдает и отделывается неясными намеками: «...а больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться».

В отличие от недальновидного Главного Буржуина мы, читатели гайдаровской прозы, пусть с опозданием, но все-таки догадывались, в чем тайна этой «непонятной страны», однако свое открытие до поры до времени предпочитали держать про себя, ведь цепи и каменные башни есть не только в буржуинском государстве...

«Кто обзывается, тот сам так называется»,— гласит широко распространенная детская поговорка. Миллионы советских людей были крайне удивлены и возмущены, когда узнали, что американский президент Рейган называет нашу страну «империей зла». Еще бы, с ранних лет им было доподлинно известно, что «империей зла» являются, как раз наоборот, Соединенные Штаты.

«На жадных стариков и крашеных старух все страны буржуазные похожи,— от них идет гнилой, тлетворный дух склерозных мыслей и несвежей кожи»,— писал В. Лебедев-Кумач. Самым отвратительным из всех этих разлагающихся государств всегда считалась Америка, а главнейшим среди ее бесчисленных пороков и язв был, судя по книгам, газетам и журналам, расизм.

Мы, советские дети, искренне переживали за своих несчастных негритянских братьев и сестер. У С. Михалкова есть стихотворение «Хижина дяди Тома» — с подзаголовком «быль»,— в котором рассказывается, как во время спектакля, поставленного по роману Бичер-Стоу (разыгрывалась сцена продажи рабов на аукционе), из зала выбежала девочка: «Все расступились перед ней, чуть не упал торгаш со стула, когда девчушка пять рублей ему, волнуясь, протянула...»

Совсем неудивительно поэтому, что упоминавшийся уже Волька, повстречав американского капиталиста, сразу же задает ему вопрос, что называется, в лоб и на засыпку: «Почему у вас в Америке линчуют негров?»

Вандендаллесу (так, сходно с фамилией тогдашнего госсекретаря США, звучит фамилия американца), понятно, нечего ответить советскому школьнику, он загнан в угол и старается «прекратить обсуждение этого щекотливого вопроса». Впрочем, уйти от справедливого возмездия расисту не удается: в наказание за нетерпимость к черным, а также за разные подлые поступки Хоттабыч, несколько глав спустя, превращает его в «облезлую рыжую шавку».

Отметим, что С. Маршак в отличие от Л. Лагина более милостиво обошелся со своим персонажем, тоже закоренелым расистом, мистером Твистером. Твистер, отказавшийся из-за своих расовых предрассудков поселиться в ленинградской гостинице «Англетер» — «там, где сдают номера чернокожим, мы на мгновенье остаться не можем!» — вынужден провести ночь на стуле в прихожей. Урок идет ему на пользу, и он вроде бы начинает перековываться. Что ж, в СССР и не таких еще ломали!..

Негритенок из кинофильма «Цирк», Поль Робсон, Патрис Лумумба, Анджела Дэвис — именно представители негроидной расы выставлялись в качестве главных жертв империалистических бесчинств (хотя постепенно в официальном мартирологе их начали вытеснять палестинцы). Детям, горячо сочувствовавшим этим униженным и оскорбленным людям, в то же время не полагалось ничего знать о жертвах национальной (точнее бы сказать, антинациональной) политики собственного тоталитарного режима. Ни слова о страшной участи народов, согнанных с родных мест. Ни намека об антисемитизме в СССР (как, впрочем, и упоминания о шести миллионах евреев, уничтоженных нацистами). Детская книга — да и взрослая тоже — была призвана служить не зеркалом, отражающим реальную жизнь, а ширмой, ее от читателя отгораживающей.

Все-таки истинная позиция властей по «национальному вопросу» нет-нет да и проглядывала со страниц учебных пособий. «Русский молодец — ста басурманам конец» — вот одна из немногих пословиц, которые «Родная речь» предлагала запомнить третьеклассникам. Не все дети, конечно, знали, кто такие «басурманы», поэтому в книге сделана сноска: басурман — это «человек другой веры, иноземец». То есть любой, если выражаться языком современного ленинградского телерепортера-омоновца, «не наш».

...«Не наш», разумеется, не всегда только по национальному, но также и по классовому признаку. «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу» — еще одна предназначенная малюткам пословица из той же книги.

«...Не орел, не лев, не львица собой украсили наш герб, а золотой узор пшеницы, могучий молот, острый серп»,— провозглашал С. Маршак. Внедрению в наше сознание партийно-государственной символики и атрибутики литература всегда уделяла особое внимание. «Не забывай, что ты рожден, товарищ молодой, под сенью ленинских знамен, под красною звездой»,— наставлял детвору С. Михалков. А если ты свято чтишь знамя, то должен беречь и пионерский галстук. «Он ведь,— как напоминал С. Щипачев,— с нашим знаменем цвета одного».

Каждый ритуальный предмет занимает в иерархической шкале коммунистических ценностей строго определенное ему место, и дети должны были это твердо усвоить. Зачем, к примеру, нужна октябрятская звездочка? «Чтоб мы умными стали! Чтобы везде добивались побед, чтобы сказал нам любимый наш Сталин: — Ленинским внукам привет!» — отвечает девочка в стихах В. Лебедева-Кумача. «Становясь умными» и «добиваясь побед», дети поднимаются по социально-политической лестнице к нагрудным знакам более высокого достоинства. «Что такое орден? Орден — это слава, на любовь народа дорогое право»,— разъясняет им С. Михалков.

Ореол святыни и соответствующие эзотерические свойства приобретали в культовом сознании не только предметы, специально предназначенные для обрядовых нужд, но и самые обыкновенные вещи, если к ним когда-то прикоснулась рука необыкновенного человека. «Как дорог нам любой предмет, хранимый под стеклом! Предмет, который был согрет его руки теплом!» — восклицает С. Михалков в стихотворении «В Музее В. И. Ленина». Здесь мы, кажется, сталкиваемся с той же самой верой в «заряженность» вещей, которая привела сегодня к массовому безумству вокруг чудодеев типа Чумака или Кашпировского... Вот, скажем, ничем не примечательный чайник, но как меняется наше отношение к нему, когда мы узнаем, что этим предметом кухонного обихода пользовался сам Ильич: «Уж в этом чайнике нельзя, должно быть, воду греть, но как нам хочется, друзья, на чайник тот смотреть!»

«Знакомая негаснущая трубка, чуть тронутые проседью усы» (А. Сурков) торчали из многих книг для детей. Рядом неизменно можно было увидеть «кресло Ильича и лампу на столе» (С. Михалков), его «Лицо... Часы... Жилет» (А. Жаров). «Океан да с океаном — братья кровные. Сталин Ленину да кровный брат»,— говорилось в «Народном сказе», который заучивали наизусть четвероклассники. Сейчас бы, наверно, сказали уже не «кровные» — «кровавые братья»...

«Великий Ленин в Сталине живет!» — писал прославленный акын Джамбул. «Словно мышка в норке!» — думал я, декламируя эти стихи на детском утреннике. Мог ли я тогда предположить, что четыре десятилетия спустя на Арбате появится в продаже политическая матрешка: Ленин в Сталине, Сталин в Хрущеве, Хрущев в Брежневе и т. д. Все, как в старой русской сказке: «нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет». Только вот доберутся ли нынешние Иван-Царевичи, отважно сотрясающие дуб, до той самой иголки, которой все и сшито?

Нося внутри себя Ленина, Сталин, естественно, воспринял лучшие его качества. Володя Ульянов «крепкий был» (М. Кузнецов), «делал гимнастику», «чудно плавал» (М. Зощенко)... Случилось так, что во время своего очередного побега из ссылки Сталин проваливается в прорубь. «Но ловкость и сила помогли ему... Нужно было иметь богатырскую силу, чтобы остаться живым после такого случая» (Г. Байдуков). Мало-помалу Иосиф Виссарионович начинает по всем параметрам превосходить Владимира Ильича.

Как Иисуса Христа, народ величает Сталина Учителем и самозабвенно внимает его проповедям. Вот как происходит, например, встреча новоявленного мессии с батумскими рабочими: «Все пили за здоровье товарища из Тбилиси... Учитель громко сказал: — Вот уже рассвело. Скоро встанет и солнце. Это солнце будет сиять для нас. Верьте в это, товарищи!» (О. Иваненко).

Но восходит вопреки ожиданиям не солнце, на небосводе вспыхивает сам Учитель в образе светила. В отличие от Людовика XIV, именовавшегося «коро-

лем-солнцем», Сталин становится «богом-солнцем», подобно египетскому Ра или греческому Гелиосу. Что и находит соответствующее отражение в советской мифологической литературе. Например, у М. Исаковского: «Как солнце весенней порою, он землю родную обходит... Весенние ясные зори зажег он над нашим жильем». Или у Янки Купалы: «Кто мог бы поверить,.. что ты, наш учитель, как ясное солнце, глаза мне откроешь на землю и небо... Свети ж, мое солнце, сияй мне в оконце, тебя я встречаю и солью, и хлебом!»

Для того, чтобы ученики лучше схватывали материал, в школьных «книгах для чтения» тексты сопровождались дидактическими вопросами и заданиями типа: «Перечитайте, что поется в песне о Сталине-полководце, великом дозорном, о самом родном человеке, о самом большом человеке». Ответьте: «Кто ведет страну к победам?» Отвечать, понятно, следовало, не колеблясь ни секунды...

Не буду говорить за других, но лично у меня эти уроки усваивались хорошо и крепко. Стихи я начал сочинять рано, лет в шесть, первое четверостишие, записанное моей собственной рукой на бумаге, было посвящено не маме и не папе, не кошечкам и не собачкам, а Великому Вождю. Позволю себе его привести (не все же цитировать других!), тем более что публикуется оно впервые: «Мы идем вперед за свою отчизну! Неуклонно Сталин нас ведет к победе коммунизма!»

А теперь растет у меня самого маленький — младший — сын. Дабы приобщить его к сокровищам словесности, приобрел я как-то «хрестоматию для чтения в семье и детском саду» — «для детей до пяти лет». Называется — «Твоя книга», выпущена издательством «Детская литература» в 1989 году, тираж — 100 000 экземпляров. И вот, перелистав страницы этой книги, я будто бы оказался в прошлом, в мире моего собственного детства. Ничего нового под солнцем — тем, которое олицетворял для вас вождь!

Как можно понять, в основу этой (как и других антологий такого рода) заложен древнейший педагогический принцип: повторение — мать учения. Сменяют друг друга имена авторов, варьируются жанры и стихотворные размеры, но слова остаются одними и теми же.

Одна из основных мыслей, которые предполагается внушить сегодняшним детям, звучит (в классической формулировке С. Михалкова) так: «Хорошая Родина есть у ребят, и лучше той Родины нет!» Казалось бы, все ясно, но тот же самый тезис в хрестоматии неоднократно повторяется — с обязательным восклицательным знаком на конце — устами других поэтов: А. Прокофьева — «Лучше Родины нашей нет на свете, друзья!», З. Александровой — «Нет лучше и краше Советской страны!», П. Воронько — «Лучше нет родного края!».

Естественно, что в «лучшей в мире стране» должен был появиться и «лучший в мире человек». Этим человеком, разумеется, был — и остается — Ленин. «Был он лучше всех на свете — и великий, и простой»,— утверждается в стихах Н. Саконской. «Лучший из людей»,— подтверждается в стихах О. Высотской. Соответственно и день, в который он родился, «всех других светлей» (та же О. Высотская), а день, когда празднуется годовщина совершенной им революции,— «самый лучший день для всей страны» (она же, но уже в другом стихотворении).

Детям, говорится в послесловии к хрестоматии, написанном ее составителем Л. Елисеевой, «хочется услышать о Владимире Ильиче Ленине» (о Сталине, по-видимому, теперь не хочется, поэтому о нем в книге нет ни слова), а разве откажешь ребенку? И взрослые дяди и тети рассказывают малышам о «лучшем из людей», причем — что примечательно — не столько о нем самом, сколько... о его изображениях.

«Наверно, нет в России дома, где б не висел его портрет!» (К. Ваншенкин)... «Поднимется солнце, заглянет ко мне — осветится ярко портрет на стене» (С. Погореловский)... «Это Ленин на портрете в рамке зелени густой» (Н. Саконская)... «Добрый и ласковый Ленин смотрит с портрета на нас» (М. Исаковский)... И, наконец, «в комнате на стене висит портрет» (это уже сама Н. К. Крупская)... Напоминаю, что все цитаты взяты только из одного сборника — «Твоей книги».

Здесь в контекст нашего разговора как нельзя кстати укладывается слово «иконография», в одном из значений — собрание изображений каких-либо важных лиц или сюжетов. Вера в магическую силу икон получила в стране воинствующего атеизма своеобразное преломление. Истоки этой обновленной традиции можно найти, например, в стихах В. Маяковского: «Двое в комнате: я и Ленин — фотографией на белой стене». При виде этого фотоснимка поэта охватывает неодолимый порыв. «Я встал со стула, радостью высвечен,— хочется идти, приветствовать, рапортовать!» Но если стихи Маяковского по своему духу несколько камерны (комнатная обстановка, общение с образом вождя с глазу на глаз), то в произведениях его литературных преемников тема приобретает гораздо более широкое и громкое звучание.

С особой плодовитостью трудился на этой иконографической ниве В. Лебедев-Кумач, творчество которого буквально загромождено портретами — именно портретами, а не фотографиями, что выглядит гораздо торжественней и парадней, причем значительно чаще Сталина, чем Ленина. «Так пусть на мильоны его портретов мильоны людей с любовью глядят»,— призывал стихотворец. «В дальних зимовках, покрытых снегами, в светлых дворцах академий наук — всюду он зримо присутствует с нами, вождь и учитель, товарищ и друг».

При этом возникает любопытный оптический — и психологический — эффект. Не только мы, простые смертные, созерцаем кумира, но и он, недоступное божество, глядит на каждого из нас. «Всюду на меня с улыбкой мудрой смотрит Сталин»,— сообщает Лебедев-Кумач. И мало того, что смотрит, но и дает оценки нашей деятельности: «плохо работал — он брови сдвигает, а хорошо — улыбнется в усы».

Эту особенность культовых изображений остроумно подметил в своей антиутопии «1984» Джордж Оруэлл. Уже на самой первой странице романа герой, поднимающийся по лестнице к себе в квартиру (лифт при описываемой политической системе, естественно, не работает), сталкивается с бесчисленными портретами самовластного лидера. «На каждой площадке со стены глядело все то же лицо. Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни стал, глаза тебя не отпускали. СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ,— гласила подпись».

Вот уже 1991 год на дворе, а пронзительный взгляд идола все еще преследует нас — теперь уже не только меня одного, но и моего ребенка. И мальчику остается лишь принять к исполнению призыв поэта С. Погореловского из той же «Твоей книги»: «Я ленинцем стать настоящим хочу, чтоб смело смотреть мне в глаза Ильичу!»

Отдельного и внимательного изучения требует вопрос о цветовой гамме советской детской литературы. Рассматривать его можно с разных точек зрения, в том числе и с такой: как реагирует детская психика на ту или иную часть цветового спектра? Помимо всего прочего, тема эта имеет и особую политическую актуальность. Как известно, Россия собирается менять свой флаг с монохроматически красного на более плюралистический трехцветный. Другие республики уже ввели свои собственные «триколоры».

Равноправие цветов в поэзии для детей пытался утвердить С. Маршак. В его «Разноцветной книге» есть и «зеленая», и «белая», и «синяя» страницы. Нет только «черной» — ее заменяет «ночная», на которой, однако, черный цвет ни разу впрямую не обозначен, наверно, из-за его траурности, чтобы не травмировать ребячьи души.

В «Твоей книге» тоже можно найти и многоцветье, и пестроту. Как, например, в песенке Я. Акима (сын ее поет в садике): «Разные-разные, голубые, красные, желтые, зеленые воздушные шары!» Но — если говорить о произведениях советских авторов в целом — не нужно обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить их преобладающую, всеподавляющую кумачовую окраску. Звезды и звездочки, знамена и флажки, демонстрации и парады — перед глазами плывут красные круги... Своего «обер-верха», как выражался Чехов, эта тенденция достигает в небольшом сочинении Я. Тайца, адресованном «детям до трех лет». Речь идет о малютке Маше, собирающейся принять участие в праздновании Дня международной солидарности трудящихся:

«Мама ее одела. Красное платье. Красный бант. В одной руке — красный флажок. В другой — красный воздушный шар. Все красное. Маша рада: — Я вся красная. Я пойду на Красную площадь!»

Замечу здесь, что лично я против красного цвета ничего не имею. Хотя и знаю: это не только цвет розы и гвоздики, но и цвет крови. И еще — сигнал светофора, означающий: «Стоп! Ни с места!» Читал я и про «маску красной смерти», убивающую людей. И видел, как на корриде красной тряпкой дразнят быка, прежде чем его заколоть.

Кстати, в русском фольклоре отношение к красному цвету неоднозначное. Среди пословиц и поговорок, собранных Владимиром Далем, можно найти и такую: «Рад дурак красному». Но есть и еще одна: «Вянет и красный цвет»... Так что, может, не стоит нам рядить наших детей в один только кумач?..

Да и вообще, разумно ли их всех одевать одинаково? Недавно из Кремля телевидение показывало встречу Президента с юнармейцами. Мальчики и девочки в военной форме выстраивались шеренгами, бодро маршировали, салютовали и рапортовали... Способна поразить приведенная при этом цифра: в стране четыре миллиона таких милитаризированных ребятишек. Однако, зная неискоренимую привычку нашей официальной статистики к припискам, испытываешь надежду, что переплавка детей в живых оловянных солдатиков все-таки не достигла еще такой массовости.

На встрече много говорилось о преемственности поколений. Согласен, преемственность — дело хорошее, надо лишь четко знать, что перенимать, с какой целью и у кого именно. К несчастью, прошлое не только освещает нам дорогу в грядущее, но часто и отбрасывает на это грядущее мрачную тень. Здесь мне вновь вспоминаются стихи непревзойденного В. Лебедева-Кумача: «Дети сталинской закваски, духом смелы и сильны, мы напишем наши сказки в светлом будущем страны».

Но не хватит ли этих сказок, упорно переползающих из вчерашнего в завтрашний день, не пора ли начать говорить нашим сыновьям и дочкам правду?

●

ПарКультуры

АЗ'АРТ

Шинели «от кутюр»

Путаный абсурд сегодняшней московской жизни разрешается просто — нужно поставить всю эту свистопляску на службу собственному развлечению! Карнавалу. А потом сделать карнавал не только своим. Втягивать в него людей: целые организации, народы, батальоны и армии. Возрожденную Распутиным деревню, заграницу, Балтийский флот, Первый отдел... Сегодня, когда каждый двадцатый житель гигантской страны знает, что «АНДРЕЙ» — это первый русский журнал для мужчин, а в американском «ТАЙМЕ» сообщают: «девушка «АНДРЕЯ» Наталья Грозная, кроме Михаила Булгакова и Римского-Корсакова, обожает еще и еженедельник «ОГОНЕК», я имею право на эти слова. Старт объявлен, ставки сделаны. И еще долго по перрону будет бежать за поездом опоздавший, обвешанный чемоданами гражданин...

Я создал журнал «АНДРЕЙ» отчасти потому, что люблю женщин. Это журнал сексуального большинства, в котором есть частичка прошлых моих развлечений Щукинского театрального училища, «Студенческого меридиана». И, как ни парадоксально, работы в крупнейшем католическом журнале «ФАМИЛИА КРИСТИАНА» под руководством блистательного сеньора Маддалони: немного реакционности, вольного венецианского дыхания и антикоммунизма. Католиков тоже удалось втянуть в карнавал — все больше красивых девушек стало появляться в наших репортажах из Союза.

Именно тогда я начал фотографировать моду (мои работы вы видите на вкладке «Огонька»). И именно тогда понял, что моды у нас нет. Есть авангардные открытия, национальный костюм, продавцы «клюквы». Есть героизм и валютная проституция. А моды нет. Как нет смысла в одежде на людях, нет тканей, пуговиц, «Кузнецкого моста» и Зайцева. Зачем лицемерить и тратить годы работы на легкую, как мотылек, очаровательную вещицу — гораздо правдивей одеться в мундиры ОМОНа, в желтые полосы милицейских машин, в кровавые звезды истребителей и заклепки танков. Но только высыпать порох из всех патронов.

Это будут последний писк и последняя точка. Конверсия всего нелюбимого. И пускай энергия смерти перетекает в кичевый стиль, а фобии эпохи Красного Октября кончают свой путь на подиумах в хохоте юпитеров и мелькании ножек.

Алексей ВЕЙЦЛЕР

Автор благодарит за сотрудничество модельеров Наталью Орскую, Тамару Мокееву, Ирину Стрельникову, Викторию Андрияновну, Валентина Юдашкина.

ОГОНЁК

М 6050 МО

XX
ВЕК

Фото Алексея ВЕЙЦЛЕРА

б

Сергей ШВЕДОВ,
кандидат исторических наук

«ОГЛОБЛИ ВЗЛЕТЯТ», ИЛИ ЛОГИКА ПРАВЫХ

При всем различии своих тенденций,.. органы этой печати держатся одного общего начала — стихийного и безыдейного национализма, который они принимают или выдают за истинный русский патриотизм; все они сходятся также и в наиболее ярком применении этого псевдонационального начала — в антисемитизме.

Вл. СОЛОВЬЕВ

Теперь мы больше не тешим себя званием самой читающей страны. Ничего, на фоне куда более серьезных потерь с утратой этого первенства — нами самими, кстати, придуманного и присвоенного — оказалось нетрудно смириться. Тем более что, не претендуя на первенство, мы все равно остались страной читающей, выписывающей периодику, покупающей книги.

Хорошо это или плохо, от тяги к культуре или от вынужденной социальной бездеятельности, но чтение в нашем обществе почти всегда обладало особым статусом. И многое, написанное пером, очень прочно укладывалось в сознании — иногда, правда, довольно причудливым образом и в головах совсем не тех читателей, к которым обращались авторы. Но тем не менее в отечественной культуре у печатных текстов нередко оказывалась очень долгая и замечательная судьба.

Потому и имеет смысл обращать внимание на многое из того, что пишется и публикуется. Необязательно на одни шедевры. Сошлемся здесь на слова Пушкина: «Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию...»

Самые простенькие тексты, наспех и неумело сляпанные, если циркулируют они достаточно широко, оказывают иногда исключительное воздействие на тех, кто с ними соприкасается. Казалось бы, многое ли можно выразить скупыми строками букваря? Но анализ, проведенный автором, показывает, насколько прочно были привиты нескольким поколениям советских людей — тем, кому сегодня за сорок,— такие представленные в учебниках сталинской поры ценности и установки, как твердая вера в гарантированное счастливое будущее, в заботу государства, в восхищенное внимание всего зарубежного мира, не говоря уже о любви к вождям, обязательном коллективизме и многом другом, так хорошо нам знакомом.

Приученные к сменам политического курса и социального настроя, мы легко соглашаемся, что «так жить нельзя», но тут же выясняется, что иначе мы не только не умеем, но и благодаря полученному воспитанию не хотим. И не в последней степени такое воспитание осуществлено в нашей судьбе благодаря чтению.

Ну ладно, буквари не выбирают. Но вот другой «материал для чтения», ближе к нашему времени — романы Ан. Иванова, Проскурина, Маркова, Черкасова, самая читаемая беллетристика 70-х. Никто впрямую не заставлял читать эти произведения, хотя и тиражная политика, и экранизации, и услужливая литературная критика немало способствовали успеху этих классиков современности. После перемен 1985 года, с появлением возвращенной литературы, недавние кумиры неудержимо стали терять свои позиции, постепенно вообще уходя из сферы литературы туда, где уже пребывали Бабаевский, Бубеннов, Шевцов, Кочетов.

Расставание с кумирами и лауреатами не было ни долгим, ни мучительным. Рядом с Набоковым, Платоновым, Пастернаком, Гроссманом им просто нечего было делать, их литературная жизнь, по существу, завершилась. Но читатель...

Читатель остался. Читатель, добровольно выбиравший эту литературу, терпеливо одолевавший тысячестраничные романы-эпопеи, в той или иной мере воспринял основной пафос прочитанного. Читатель, приученный к безжалостности к врагу, даже поверженному; к лояльности по отношению к государству; к безграничному преклонению перед любым коллективом — сельской общиной, воинским подразделением, заводским цехом, студенческой группой; к игнорированию прав личности, неумению просто видеть, различать их; к демонстративному неуважению к закону; к борьбе с врагами внешними и внутренними...

И этот читатель, так же, как и ученик, раскрывавший учебник со Сталиным и пионеркой,— мы сами.

Печальный опыт. Не просто литературный вкус испорчен, не только время потеряно. Небезобидное занятие в нашей стране — читать. И, раз уж избавиться от этого прошлого нельзя, попробуем извлечь из него уроки. Присмотримся внимательно к той печатной продукции, которая сегодня на виду. Например, к нашим «правым» изданиям.

Определим термины. При всей нынешней (по моему глубокому убеждению, сознательно создаваемой) путанице между правыми и левыми большинство читающей публики к «правым» изданиям по вполне понятным основаниям относит журналы «Наш современник», «Молодую гвардию», «Москву», «Военно-исторический журнал», газеты «Советскую Россию», «Литературную Россию»; список можно продолжить, можно уточнить, но, в общем, ясно, о чем идет речь. Сделаем лишь одну оговорку: под «правым» течением общественной мысли мы понимаем не консервативно-охранительское направление, а агрессивное, склонное не столько к защите «своего», сколько к дискредитации всего кажущегося чужим. Добавим, что завоевания и успехи «правых» стали возможны именно на фоне слабостей их оппонента, левого демократического сознания. Демократическое направление научилось противостоять тоталитарному, официальному строю мышления; за долгие десятилетия его можно было хорошо изучить. Но против расширяющегося, набирающего силу нынешнего «правого» сознания оно слишком часто оказывается беспомощным.

Одна из таких слабостей демократического сознания — обращенность к самому себе, неумение полемизировать с оппонентом из «другого круга», не говоря уж из другого лагеря. Левая интеллигенция часто убеждает самоё себя. Хотя и так ясно, и не надо доказывать, чтó на самом деле движет Куняевым, какие выводы неизбежно следуют из теорий Шафаревича, где вольно обращается с фактами Кожинов. Но показывать это тем, кого нельзя отнести к своим единомышленникам, левые не умеют. Эта же обращенность к самим себе лежит в основе излюбленных утешительных аргументов — о том, например, что расизм в России невозможен, так как нет, собственно, никакой чистой расы. Но это лишь способ успокаивать самих себя; если невозможен классический расизм, это не значит, что мы застрахованы от какой-нибудь новой его формы.

Поэтому крайне важно дать более или менее упорядоченное представление о содержании наших «правых» журналов, показать, как устроено это направление мышления, как оно «работает». Постараемся отвлечься, насколько это возможно, от оценок, не писать лишний раз об общеизвестном, например, об откровенно антисемитской направленности многих номеров «Молодой гвардии», «Нашего современника», «Литературной России». Такой систематизированный взгляд напрашивается потому, что само это мышление стремится «заполнить» все культурное и социальное пространство, дать ответы на все вопросы.

Эта идеология, не брезгуя никакими частностями, разделяет на «свое» и «чужое» весь мир. Ничто не остается вне сферы их оценки; эта идеология, помимо понятных политических и литературных пристрастий, знаком «плюс» или «минус» маркирует все: Карпова и Каспарова, Саддама Хусейна и силы международной коалиции, армян и азербайджанцев, Воробьянинова и Остапа Бендера.

Есть имена, служащие своего рода лакмусовой бумажкой при анализе правого сознания: резкое неприятие вызывают Тухачевский, Тимофеев-Ресовский, Высоцкий. Относительно других могут быть, конечно, расхождения: «Наш современник» публикует «Красное колесо», а для «Военно-исторического журнала» Солженицын — фигура весьма сомнительная; «Наш современник» проявляет сдержанность по отношению к Сахарову и Лихачеву, а «Молодая гвардия» пишет о «разгуле сахаровщины», о «бериевском подопечном». Лихачев для них — защитник «наднациональной интеллектуальной элиты».

Есть в этой пестрой картине, конечно, и свои ударные темы, например, тщательно культивируемая версия об убийстве Есенина. Нет смысла каждый раз пояснять, кому, с точки зрения создателей этой версии, «это было выгодно» («они исполняли волю Лейбы Троцкого»), кто был «заинтересован в гибели национального русского поэта». Скажем лишь, что внутри этой мифологии наряду с сенсационными «открытиями» есть и своя поэзия («А ведь Есенина убили, не вызвав даже на дуэль!»; «И не за то ли с пулей в голове он страшной смертью умер на Неве?»; «Кто сказал — повесился?.. Убили. Затянули петлю и — каюк! Родины поэту не простили, чистоты его душевных мук»), и совершенно неожиданные выводы («сама мысль о самоубийстве оскорбительна для памяти великого русского поэта» — русский поэт, по этой логике, с собой покончить не может), и упоминание о ритуальном убийстве, и свои оргвыводы — предложение об эксгумации поддержано некоторыми литературоведами и представителями Православной церкви. При Всесоюзном есенинском комитете СП СССР создана комиссия по расследованию обстоятельства гибели Есенина.

И, конечно, расстрел царской семьи в 1918 году подан как «ритуальное», а не политическое убийство. И следуют длинные списки нерусских фамилий, и раскрываются псевдонимы, и в скобках сообщаются отчества, и упомянуты «компрометирующие» строки Гейне.

Эти мифы сейчас в самой своей цветущей поре: к ним привлечено внимание; экскурсоводы по Ваганьковскому кладбищу обещают рассказать о «подлинных обстоятельствах гибели Есенина». Но они — не первое и не единственное порождение возбужденного и агрессивного сознания. Вспомним, что несколько лет тому назад Чебурашка был объявлен «безродным космополитом», а Карлсон — злостным бездельником.

Можно, наверное, разбирать конкретные мифологические конструкции, показывая, сколько в них искажений фактов, нелепого вымысла. Но важнее представить внутреннюю логику, обеспечивающую им удивительную жизнеспособность и связывающую их в единую картину. Для этого было проанализировано содержание журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», «Слово», «Военно-исторический журнал» за 1990 год.

Понятно, что значительная часть подписавшихся в 1990 году на «Наш современник» сделала это ради «Красного колеса»; статьи Шафаревича и Кожинова тоже, как показывают исследования, внимательно прочитываются, но никто, видимо, не в состоянии читать то, что публикуется в разделе современной поэзии. Иногда трудно определить — это пародия или всерьез. Стихи мучительны для читателя («Кто насаждать посмел неперспективность всюду?» — можно ли это выговорить?). Здесь нечего делать критику, но они могут быть крайне интересны для культуролога или психотерапевта. Потому что очень часто эти беспомощные строчки, по существу, экзерсисы на заданную тему; в них в чистом виде проговаривается идеологическая позиция («Нет! Соль земли не вы, а воины Христа! Не транснациональная элита...»). И здесь надо отдать должное поэтам: в их стихах можно найти освещение самых животрепещущих сторон нашей жизни. Например, еврейской эмиграции:

... «Взывают они к трудовому народу, всегда презиравшие труд. Едят нашу кашу и пьют нашу воду, а песни не наши поют. Откройте же им ворота и границы, оформите визы скорей. Не может из них все равно получиться радетелей и сыновей. Поймем их заботу, поймем их измену, икоркой в дорогу снабдим. За них отстоим сверхурочную смену и вахту, крепясь, отстоим. Зато будем помнить и знать, что отныне — на все по-бесовски горазд — никто у младенца кусок не отнимет и матерь свою не предаст».

«Правое сознание» — тема слишком обширная; ограничимся его проявлением в национальной проблематике.

Начать описание взглядов наших «правых» логично, наверное, с их собственного исходного пункта: постоянных жалоб на униженное положение русского народа, на то, что русским живется хуже других народов мира, что они страдают из-за чьей-то злой воли. Мысль о национальном унижении повторяется постоянно, настойчиво, применительно к самым различным материям, идет ли речь о выборах («российские писатели и российские патриотические силы за последние пять лет потеряли все, что могли. Проиграны выборы в российские Советы...»), о дележе валюты («все республики получали свою долю от валютного пирога, разве что России... доставалось меньше других») или о соотношении среди критиков «патриотов-почвенников» и «авангардистов-западников» («в Ленинграде аналогичное соотношение равняется 1:60».— ??). Иногда это может быть смутное, плохо оформленное ощущение: «Все-то, все испохаблено, все-то, все-то порушено... все-то, все разворовано, все-то, все-то растащено».

Добавим напоследок довольно неожиданное: русские дети, утверждает Куняев, лишены теперь возможности читать сказки Пушкина из-за пародийных песен Высоцкого. Трудно сказать, действительно ли Куняев никогда не слышал о более ранних пародиях, принадлежавших, скажем, Тургеневу или Некрасову, или он всерьез полагает, что популярность нашего первого поэта так непрочна, что может пострадать от литературной переделки?

Описание несчастий, выпавших на долю русского народа, органично переходит в рассказы о гонениях на самих лидеров правой прессы. Здесь полностью разворачивается логика самоуничижения. Куняев повествует, как он натерпелся; Кожинов подробно рассказывает, как его преследовали. В авторском предисловии к изданному в 1991 году сборнику статей он уверяет читателя: «Одно только перечисление статей и книг, в которых содержались нападки на собранные здесь статьи, заняло бы не один десяток страниц...»

Да и сейчас патриотической прессе приходится страдать от массированных атак их невидимого, но могущественного врага: «над «Молодой гвардией» готовится расправа»; «Наш современник» «пропадает целыми контейнерами, причем — примечательная подробность — в самых горячих точках... сотни экземпляров (исчезли) в Фергане перед печально известными событиями». Для тех, кто не привык к стилю мышления и самооценке редакции «Нашего современника», поясню: имеется в виду, что, попади вовремя очередной номер журнала в Ошскую область, это предотвратило бы межнациональный конфликт. Именно так — ничуть не ниже — оценивает журнал свое влияние на общественную жизнь.

Нет ничего неожиданного и в том, что легко находятся ответственные за это ужасное положение: врагов внешних и внутренних всегда находили легко. Здесь в общем-то все ясно: «уничтожавший нас 70 лет «малый народ»... и т. д. и т. п. Неожиданным может оказаться размер причиненных им бедствий: харьковский профессор Либерман опубликовал в «Правде» статью об экономической реформе 1965 года — и «либерманизация» советской экономики по своим последствиям оказалась более разрушительной для нашей страны, чем фашистское нашествие». Вот так, не больше и не меньше.

Откуда же взялось у нас такое количество внутренних врагов? «Наш современник» напоминает, что «после революции и войны в Москве опустело 200 000 квартир, где жили лучшие русские люди. Заселены эти квартиры были главным образом выходцами из южных областей России». Что ж, здесь и замечательный экскурс в историю, и скрытый намек.

Поиск врага — лишь завершающий, последний этап четкого разделения всего окружающего мира. Хотя наши «правые» очень любят поговорить о единении и примирении, на деле гораздо убедительнее у них выходит разделение, разжигание страстей. Все в сознании правых противопоставлено, «враждует» друг с другом: деревня и город (вспомним «Все впереди» Белова), РСФСР и другие республики, Арбат и Россия («Страсти Арбата — всегда о прокорме, думы России — всегда о душе»; «Ополчились Арбата дети на тебя, Советская власть!»), 1933 и 1937 годы, интеллигенция и народ (интеллигенции вменяются в вину «действительно совершенные *ею* злодеяния»; называются конкретные имена — потомков «тех, кто истреблял русский народ в 20-е годы»).

Враги — скрытые и явные — есть не только у России и не только в прошлом («идеи троцкизма... действуют и сейчас».— **В. Белов**). Есть они и у критиков «правого» направления. Хваля друг друга за «высокую духовность», «серьезный аналитический уровень» («по концентрации интеллектуально-духовного потенциала «Кубань» оставила далеко позади большинство толстых московских журналов»), эти вожди «правых» отнюдь не чураются, упоминая об оппонентах, прибегать если не к прямой брани, то уж, во всяком случае, к уничижительным выражениям.

Кожинов называет своего оппонента, собрата по литературоведческому цеху, «широко известным сейчас телевизионным комментатором»; о другом своем политическом сопернике высказывается так: он «недостоин развязать ремень обуви»... Вот так ведет спор Ю. Бородай: «наши вальяжные прогрессисты... местечковые наши западники»... Скульптор П. Чусовитин об Эйзенштейне — «режиссер с патологически извращенным садистским сознанием»; Вл. Бондаренко о своем оппоненте — «люмпен-критик, на котором, как в народе говорят, пробы негде ставить».

И, конечно, при создании своих концепций идеологи «правого» направления нередко весьма вольно обращаются с фактами: специалисты неоднократно указывали Кожинову на грубейшие ошибки, особенно в тех случаях, когда он выходит за рамки своей профессиональной компетенции (например, рассуждая о темпах строительства железных дорог в дореволюционной России). Еще решительнее поступает Шафаревич: если какие-то факты противоречат его обществоведческим построениям, он склонен их просто не признавать. Так, он отказывает Лермонтову в авторстве одного из «неудобных» стихотворений — «Прощай, немытая Россия...».

Выработался у наших «правых» и свой язык — та походочка, по которой можно узнать издалека. Когда надо похвалить своего единомышленника или заединщика, в ход идет модное сегодня понятие «духовность»: «концентрация духовного»... «космический купол духовной атмосферы». Для врагов есть тут свои эвфемизмы, ясные посвященным: «мутанты», «биологически активные особи», «перелетные приживалы», «спекулянты и темные силы», «химерические этносы». Понимает ли читатель, о ком речь?

Центральный пункт этой идеологии, ради которой, собственно, и пущены в ход все перечисленные средства и приемы,— это я-образ, представление о собственной национальной идентичности. Постоянно подчеркиваемые качества — скромность, терпеливость, тихость. Но образ этот лишен статики. За констатацией незлобивости следует отнюдь не точка, а многозначительная запятая. Терпеливость — да... но не надо испытывать русское терпение, а то...

Вот строки из Заявления секретариата Союза писателей России: «Не испытывайте терпение русского народа. Оно не бесконечно». Вот как разворачивается образ «русского медведя»: «Ну, а если «медведь» устанет ждать от «ведущих экономистов», когда они его развяжут, а точнее — окончательно задушат... и попытается обрести свободу самостоятельно? Задумывались ли Бунич и другие «экономисты-юмористы» о последствиях такого пробуждения?» Пока, как видим, только намеки и предупреждения. А вот уже более явная угроза: «Нельзя бесконечно испытывать долготерпение россиян. Всех богов надо молить, чтобы этого не случилось, но боюсь, что тот шторм гнева, которым взорвался румынский народ... может оказаться бурей в стакане воды в сравнении со взмахами всероссийской «кочерги». А вот и стихи: «Не ликуйте же, недруги-волки! /Уходя, наша древняя рать/ хлопнет дверью — да так, что осколки/ после нас никому не собрать». И еще: «Бунт по-московски — взлетают пушинки. /Бунт по-российски — оглобли взлетят».

Вот вам и безобидность, и врожденное миролюбие... Русская идея, о которой так много пишут «правые», стягивается в конечном счете до масштабов «русского бунта»...

...Таковы некоторые самые распространенные черты идеологии наших «правых». Но, как и каждая живая идеология, она подвижна, и само по себе описание не может дать представления о ее действительной жизни, которая — во влиянии на более широкие круги читающих, сочувствующих, примыкающих. Поэтому интересно проследить, как мысли и намеки, брошенные словно невзначай идеологами, трансформируются в сочинениях последователей.

Уточню: идеологами я называю не только тех, кто первым выдвигает ту или иную идею (иногда о первенстве можно говорить очень условно); это главным образом те, кто в силу своей профессиональной подготовки и начитанности не может не знать, чем заканчиваются игры с теми или иными словами, понятиями, теориями. Журналист, назвавший Чебурашку «космополитом», может не чувствовать, что скрывается за этим словом, но Кожинов, безусловно, знает, какие смыслы скрыты в нашем массовом сознании, не освободившемся от кампаний 1949 и 1953 годов, за понятием «космополитизм».

И потому, когда он уверяет, что в Куликовской битве русскому народу противостоял не Восток, а «всемирная космополитическая агрессия», вдохновляемая «международными спекулянтами» Генуи и Кафы, он знает, что делает. Может быть, понимает это и Куняев, доказывая, что именно с космополитизмом боролся Есенин в поэме «Страна негодяев».

И Шафаревич не может не знать, для чего раскрывают псевдонимы, сообщают в скобках отчества и национальность бабушек. Кто-то делает это похулигански (сейчас все можно!), но искушенные идеологи ответственны за совращение малых сил, своих читателей.

И мы видим, как «отзывается» слово Шафаревича, Кожинова, Гулыги в сердцах их менее грамотных, но более прямых и решительных последователей. Нашим идеологам стоит лишь намекнуть — и идущие за ними подробно расшифровывают намек.

Распутин лишь раз сказал, что, критикуя Сталина, надо бы повнимательнее присмотреться к таким зловещим фигурам его окружения, как Каганович,— и тут же нарком путей сообщения сделался излюбленной мишенью правых патриотов. Почти не встречается на страницах правой печати худого слова в адрес Берии и Ежова; словно никогда не слышали критики «Нашего современника» о Жданове, Ворошилове, Калинине, Молотове, Андрееве, Поскребышеве; им интересны только Троцкий, Свердлов, Ягода, Каганович, Мехлис — читатель может, не боясь ошибиться, продолжить этот ряд.

Ю. Бородай, опираясь на Гумилева, пишет об этнических химерах; кто-то другой, попроще, в другом печатном издании — о «породненных лицах», мутантах и т. д.

Шафаревич в комментарии к статье С. Булгакова о Марксе пишет: поставленный вопрос о том, какому Богу в действительности поклонялся Маркс,— «лишь намек будущим исследователям». Нет сомнения, что намек будет воспринят и «будущие исследователи» догадаются.

Кожинов пишет о «международных спекулянтах», а его последователь из «Молодой гвардии» уточняет: «за спиной Мамая стояли азовские, крымские, венецианские работорговцы. Они брали подряд на добычу русских рабов. В Европе работорговцами были исключительно евреи».

Нетрудно показать развитие той или иной идеи, переходящей из рук идеолога к тем, кто склонен к большей прямоте. Но самое важное, конечно, определить, как воспринимается напечатанное читателями.

Представить, как преломляются идеи наших «правых» идеологов в сознании различных групп читателей, можно на основании первых результатов пробного опроса подписчиков «Нашего современника». Результаты эти носят пока предварительный, зондажный характер, но уже сейчас видно, что некоторые данные весьма красноречивы. Так, представив концепцию «неперспективности» малых деревень как очередной заговор против русского народа и сравнивая его по разрушительным последствиям не больше и не меньше, как с 1933 годом, А. Салуцкому удалось создать достаточно негативный образ академика Заславской. Немногие подписчики «Нашего современника» успели прочитать «Чонкина», но представление о нем как о пасквиле на русского солдата во многом сложилось.

Постоянные напоминания о враждебном окружении, о кознях организаторов всемирного заговора тоже не прошли впустую. Отчасти благодаря им складывается недоверчиво-агрессивное отношение ко всему чужому; очень трудно, оказывается, увидеть среди окружающих нас стран-соседей миролюбивых, надежных союзников. «Лидируют» здесь Болгария и Финляндия, и это объяснимо. Но то, что остальные граничащие с нами страны названы крайне редко, симптоматично. Среди характернейших качеств русского народа перечислены миролюбие, терпимость, открытость, но все наши соседи представляются почему-то потенциальными агрессорами. Нельзя не вспомнить здесь Вл. Соловьева, сравнившего русский народ с человеком, которому «кажется, что все соседи его обижают, недостаточно преклоняются перед его величием и всячески против него злоумышляют. Всякого из своих домашних он обвиняет в стремлении ему повредить, отделиться от него и перейти к врагам, а врагами своими он считает всех соседей. И вот, вместо того чтобы жить своим честным трудом на пользу себе и ближним, он готов тратить все свое состояние и время на борьбу против мнимых козней. Воображая, что соседи хотят подкопать его дом и даже напасть на него вооруженной рукой, он предлагает тратить огромные деньги на покупку пистолетов и ружей, на железные заборы и затворы. Остающееся от этих забот время он считает своим долгом снова употреблять на борьбу — со своими же домашними».

Не случайным образом распределяются ответы на вопрос о лучших чертах русской культуры. Самым частым поня-

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

тием наряду с миролюбием оказывается, конечно, духовность (нередко вместе с «соборностью»). Далее по частоте упоминания идут такие пустые понятия, как «самобытность». Подобные бессодержательные по сути определения (никто не дал себе труда объяснить — да и вряд ли это возможно,— что, собственно, он понимает под сверхактуальной ныне «духовностью») на самом деле не так уж безобидны. В 70-е годы излюбленным словцом критиков-поклонников М. Алексеева, одного из лидеров читательского спроса, оказывалась «доброта». При ближайшем рассмотрении она оказывалась не более чем лояльностью по отношению к членам своей социальной группы — при жестокости и равнодушии к «чужим».

Позиция «правых» будет и дальше порождать очередные мифы и новые соблазнительные слова и понятия. Не хочется думать, что за ней будущее, но возможности ее не исчерпаны. И потому так важно выработать против нее определенное противоядие, своего рода социальный иммунитет.

Полезно вспомнить, сколь беспомощной была в свое время левая (здесь можно сказать — профессиональная) критика в своих попытках противостоять напору официальной массовухи — секретарской прозы. Когда этому препятствовали цензурные и иные ограничения и невозможно было не облеченному чинами критику опубликовать объективный разбор очередного опуса секретарской прозы, это было объяснимо и понятно. Но когда эти внешние препятствия стали исчезать, а потом и вовсе сошли на нет, выяснилось куда более печальное обстоятельство: критика не располагала для этого адекватными средствами. Она не умела работать с такой литературой, не знала, как это делается.

Нет смысла, по-видимому, выражать презрение по поводу фильмов о Джеймсе Бонде или «17 мгновений весны». В культуре на этот случай выработаны иные средства: рождаются анекдоты, пишутся пародии. (Вспомним, что несколько блестящих пародий вызвал в свое время роман Кочетова «Чего же ты хочешь?».) Мы шутя, невсерьез смотрим фильмы о Бонде, потом смеемся над пародией на него. Бесчисленные анекдоты о Штирлице помогают отрешиться от телесериала, который, не забудем, смотрела вся интеллигенция. Анекдот и пародия — вот в данном случае адекватные средства, чтобы дистанцироваться от этих образцов массовой культуры. Морализаторство и нешуточные страсти здесь неуместны.

Точно так же литературному критику нет смысла, по-видимому, всерьез анализировать романы Проскурина и Ан. Иванова, упрекая их в дурном вкусе и ловя на незнании фактов. Эти произведения от критики ничего не теряют, популярность их у своих читателей не уменьшается. Это ведь какие-то особые, другие писатели; подходить к ним с мерками русской классики не следует. Это другие писатели, и репутация у них другая.

Мы никак не можем привыкнуть, что «наши» писатели имеют мало общего с отечественными классиками XIX века, чьими наследниками они хотят выглядеть. Не касаясь сейчас действительно тяжелых лет, вспомним, как вели себя «наши» писатели в недавние неопасные времена. Как Шолохов призывал к расправе над арестованными литераторами; как Михалков произнес по этому же поводу свое знаменитое: «Но у нас еще, слава Богу, есть КГБ!»; как Проскурин прославился тем, что на заре перестройки пустил в ход словцо «некрофилия», протестуя против публикации Набокова. О прозрачных мотивах такой позиции писал Лихачев: это боязнь не выдержать конкуренции с более талантливыми «возвращаемыми» именами. Для какого-то другого литератора это была бы, возможно, моральная смерть, но здесь не то.

Проскурин возглавляет Российский фонд культуры, его приглашают на встречу ведущих деятелей культуры с Президентом страны, где, по логике вещей, следует говорить о самом главном. Там Проскурин жалуется на налоги — столь высокие, что «хоть тещу в соавторы записывай»... Борьба за листаж и тираж, заботы о собственных гонорарах... Это какой-то другой способ существования, по разряду литературы не проходящий и литературной критике не подвластный.

И все-таки критика здесь не бессильна. Вместо негодования и презрения она может просто указать на место этой литературы в культуре. Такая литература, как и Пикуль, и многое другое, имеет, безусловно, право на существование. Ей надо просто отказать в претензиях на статус современной классики, сохраняя все ее права на массового читателя и массовые тиражи. Не надо только воспринимать ее всерьез, спорить о ней всерьез и спрашивать с нее всерьез.

Публикуемое в «Нашем современнике» и «Молодой гвардии» тоже не должно вызывать праведного негодования. Не стоит по этому поводу возмущаться, указывать на сходство со взглядами Гитлера — хотя бы потому, что для многих читателей «Нашего современника» и «Литературной России» эта фигура неоднозначна. Кроме того, имя Гитлера слишком затаскано официальной пропагандой, и само по себе сходство с его идеями мало в чем убеждает.

Разумнее, наверное, было бы иначе реагировать на деятельность идеологов, стоящих у истоков новых мифов, намеками указывающих, где искать козлов отпущения, и претендующих при этом на роль глубоких мыслителей, объективных ученых. В их обществоведческих построениях достаточно искажений фактов, и это стоило бы систематически демонстрировать.

Возможно, имело бы смысл показать, что деление писателей и художников на русских и русскоязычных (Бабель и Наум Коржавин — еврейские русскоязычные писатели, Пастернак — русский; Шагал — еврейский художник, Левитан — русский) ни на чем другом в конечном счете не основано, кроме аргументов о крови и расе. Утверждения типа «Левитан освоил русский национальный изобразительный язык, а Шагал — не освоил» (Куняев) не поддаются рациональной проверке; слова Шафаревича о том, что Гроссман не может считаться русским писателем, так как критически относился к русской истории, по меньшей мере несерьезны; Пушкин и Чаадаев тоже были резки в оценках. Единственным доводом на деле оказывается вполне расистское определение «по крови».

Может быть, имеет смысл напомнить, что рассуждения наших «правых» литературоведов, подаваемые в «дружественных» изданиях как открытия, не новы; и хорошо известно, к чему приводили они в отечественной и европейской истории. Известно, как Гоголя обвиняли в клевете на все русское (иногда в тех же выражениях, что сегодня — Синявского), намекая на его нерусское происхождение. Мысль наших теоретиков-патриотов не оригинальна, стремление отбросить все чуждое «по духу» оставит нас не только без «неудобных» современников, но и без горячо любимых классиков.

Может быть, имеет смысл показать, что Гулыга, милостиво разрешая влиться в русскую семью «инородцам» и ставя им при этом ряд условий, пытается взять на себя роль, на которую ни один человек не может быть уполномочен.

Может быть, вместо негодующих комментариев имеет смысл ограничиться иногда простым цитированием, благо высказывания Филатова, Любомудрова, Казинцева достаточно красноречивы.

Представляется, что такой путь быстрее приведет к появлению в отечественной культуре иммунитета против национализма, шовинизма. Именно для этого сегодня надо представить силу и слабость позиции правых.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

**Ведет рубрику
Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ**

ВЕСТНИК КИТЕЖ-ГРАДА

Птица Сирин. Рисунок Н. Клюева.

**Сегодня — праздник русской поэзии.
Найдена «Песнь о Великой Матери» Николая Клюева. Рукопись этой поэмы обнаружена в необычном месте — в архиве КГБ, где она пролежала с грифом «Совершенно секретно» пятьдесят семь лет, с момента ареста автора в 1934 году.
Теперь ее будет «Хранить вечно» народная память.
Исключительные художественные достоинства поэмы, масштаб и значительность, редкостная судьба таковы, что невольно приходит на ум второе рождение другого памятника нашей словесности — «Слова о полку Игореве». «Песнь» так же величаво всплывает из хляби времен, из забвения; и как «Слово» было спасено от ордынского ига, так теперь «Песнь» — от ига бесчеловечной, безбожной власти.**

Эту поэму еще долго будут изучать и толковать исследователи, она неизбежно дополнит и изменит наши представления о русской поэзии двадцатого века, напитает и оживит творчество современных поэтов. Сейчас самое важное — с открытым сердцем ее прочитать и перечитать, принять в душу.

Об этой поэме давно ходили слухи и легенды. Современники Клюева вспоминали, как читал поэт отрывки из нее, вписывал в альбомы знакомым. Известен лишь начальный фрагмент, хранившийся в бумагах близкого друга Клюева — художника А. Н. Яр-Кравченко (Н. Клюев. Завещание. М., Библиотека «Огонек» № 22, 1988). В Томске ссыльный поэт часто навещал дом В. В. Ильиной, которая потом вспоминала: «Прекрасны были его отрывки из неоконченной поэмы о матери, особенно в его передаче. Многое он забыл и дополнял просто рассказом. Мы очень просили его записать хоть то, что он помнит, но он этого не сделал и продолжить ее уже не мог...» Однако другой свидетель, литературный критик и литературовед Р. В. Иванов-Разумник, хорошо знавший Клюева и получавший от него письма из ссылки, говорит: «Там он жил в самых ужасных условиях, но продолжал заканчивать «Песнь о Великой Матери» и писал такие стихи, выше которых еще никогда не поднимался...»

Лучшие, самые зрелые и выстраданные стихи Клюева, в том числе и первая часть «Песни», вместе с письмами хранились в квартире Иванова-Разумника в Пушкине (Царском Селе). И погибли при фашистском нашествии зимой 1941/1942 года. Была у Иванова-Разумника и вторая часть поэмы, которую он сумел переслать из своей ссылки писателю Николаю Архипову, в то время хранителю Петергофского дворца-музея. Тот спрятал рукопись на одной из высоких кафельных печей в дворцовом зале. Но и это не спасло. Вскоре Архипова арестовали, а Петергофский дворец разрушила война.

Поэма была потеряна. Навсегда — так думал и сам Клюев. В июле 1935 года он писал из ссылки жене Сергея Клычкова В. Н. Горбачевой: «Пронзает мое сердце судьба моей поэмы «Песнь о Великой Матери». Создавал я ее шесть лет. Сбирал по зернышку русские тайны... Нестерпимо жалко...»

И вот поэма — перед нами.

Что представляет собой рукопись? Это пачка больших листов разного формата, исписанных рукой поэта, его своеобразным почерком, со всеми следами мук творчества — исправлениями, вычеркиваниями, вариантами, пометками. Поэма огромная — около четырех тысяч строк. Пришлось сначала собирать ее, составлять по листочку из вороха разнообразных бумаг. Немалое время ушло на расшифровку, переписку и анализ текста, выяснение темных мест, работу со словарями... Впрочем, время и место для работы на Лубянке было предоставлено, это главное. И остается только поблагодарить тех работников КГБ, которые в нынешнее тревожное время помогают нам в непростом деле поиска и возвращения нашего литературного наследия.

Теперь же, в результате постепенного снятия секретности с этих материалов, рукопись будет доступна для ученых: ксерокопия ее передается во Всесоюзную комиссию по наследию репрессированных писателей СП СССР, а оригинал поступит в обычное государственное хранение. Моей задачей — как представителя писательской комиссии — было как можно скорее отдать поэму читателю, чтобы ее прочитали все.*

Найденная рукопись состоит из трех частей, или, как назвал одну из них сам Клюев, «гнезд». Интонация часто меняется, повествование чередуется с лирическими отступлениями, прямой голос автора то и дело врывается в стих — то ностальгией, то объяснением в любви, то грозным пророчеством. Поэма не закончена, хотя внутри текста есть запись с планом продолжения. Обозначены и годы, когда создавалась поэма,— 1930—1931. Там же дан вариант названия — «Последняя Русь».

В самых общих чертах содержание можно определить так: первая часть — юность матери, вторая — детство и юность героя-автора, третья часть — мировая война, конец старой России и надвигающиеся на нее новые бедствия. История дана изнутри уже советского времени — его Клюев бескомпромиссно рисует как Апокалипсис, царство Антихриста.

Этим, конечно, не исчерпывается содержание — поэма столь полифонична, многопланова, что вмещает в себя и прошлое, и настоящее, и даже будущее России, то которое мы сейчас переживаем. Разве не о нас всех в грозный час Чернобыля — вещее слово поэта?

*...Тут ниспала полынная звезда,—
Стали воды и воздухи желчью,
Осмердили жизнь человечью.
А и будет Русь безулыбной,
Стороной нептичной и нерыбной!..*

Троцкий в свое время верно угадал в Клюеве «двойственность мужика, лапотного Януса, одним лицом к прошлому, другим — к будущему». Думал, что заклеймил, на самом деле воздал хвалу. Так опростоволосилась перед истинным величием «образованность наша вонючая» (выражение Клюева)!

Прообраз главной героини «Песни» — мать поэта Прасковья Дмитриевна. Клюев писал о ней: «Отроковицей прилепилась родительница моя ко всякой речи, в которой звон цветет знаменный, крюковой, скрытный, столбовой... Памятовала она несколько тысяч словесных гнезд стихами и полууставно, знала Лебедя и Розу из Шестокрыла, огненные письма протопопа Аввакума и много другого, что потайно осоляет народную душу,— слово, сон, молитву, что осолило и меня до костей, до преисподних глубин моего духа и песни...» И еще: «Тысячи стихов, моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распевца моей светлой матери...»

Плачея и сказительница, «златая отрасль Аввакума», мать научила поэта грамоте и тайнам слова, укрепила в вере — древней вере предков — старообрядцев. Тут будет кстати напомнить суждение Андрея Платонова о старообрядчестве — этом еще не разгаданном, скорее загаданном нам явлении: «Старообрядчество — это серьезно, это всемирное принципиальное движение; причем — из него неизвестно что могло бы еще выйти, а из прогресса известно что...»

Многие исследователи считают, что мать Клюева была склонна к крестьянскому христовству (в просторечии — хлыстовству) — с его тягой к Небу, стремлением обожиться, преодолеть земное тяготение, смерть. Для хлыстов Христос и Богородица — не исторические фигуры, не абстрактные символы, а достижимый идеал — при сильном порыве ввысь и даре свыше любая женщина может стать Богородицей, любой мужчина — Христом. Как не похожа эта светлая дерзость на ту карикатуру, которую делал из хлыстов атеизм! Без этой духовной ипостаси клюевской матери мы никогда не поймем.

Ей — матери — поэт отдал весь жар сердца, посвятил лучшие стихи. И Параша «Песни», несомненно, войдет в ряд прекрасных образов русских женщин, известных в истории и литературе. Не надо, однако, искать в поэме точные соответствия действительности, это не сколок с нее, а поэтическое преображение, не биография, а житие, не прямая реальность, а миф — высшая правда жизни. И Великая Мать у Клюева, конечно, не только его физическая и духовная родительница, но и вся родина — Россия, и Мать Сыра Земля, и Богородица — всеобщее космическое животворящее начало, Душа Мира.

«...Бог и природа есть все одно,— говорит в «Бесах» Достоевского Мария Тимофеевна Лебядкина.— ...Шепни мне... одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: «Богородица что есть, как мнишь?» — «Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого».— «Так, говорит, богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость».

Такое разумение очень органично для русской духовности, мы найдем ему соответствия у Владимира Соловьева, Николая Федорова, Павла Флоренского, Сергея Булгакова, а еще более — в сокровенной, «подонной» философии самого народа, которая и до сего времени для нас — тайна, и уже не столько по вине властей или КГБ — по нашему собственному неразумию и малости, из-за недостатка внутренней свободы, духовного простора. В этом смысле поэма Николая Клюева может стать могучим стимулом для нашего самосознания, только еще выбирающегося из большевистского затмения. Есть у России своя идея, своя мечта, вместе со всем человечеством, но — свой путь во времени.

Кульминация в поэме достигается к концу — это бегство героя и его «посмертного друга» — в нем угадывается Есенин: «Бежим, бежим, посмертный друг, от черных и от красных вьюг!» — из проклятого настоящего, и навстречу им, за «последним перевалом» — мистическое шествие с хоругвями русских святых. Эта картина, исполненная высшей поэзии и света, не только озарение, в ней заключен громадный провиденциальный смысл. Христос — не впереди отряда красногвардейцев, как у Блока, он выходит навстречу поэтам! И слияние душ — живой и иконной — рисуется как подготовка к отплытию в невидимый Град Китеж, который, по Клюеву, вовсе не прошлое России, а будущее ее.

Современный Апокалипсис и грядущее преображение, воскресение России — эти темы пронизывают всю поэму. «Песнь» — не просто поэтическая

*** Мы отнеслись к тексту предельно бережно и лишь в необходимых случаях приблизили орфографию и пунктуацию к современным нормам. В ряде мест сохранено авторское, особенное написание слов, чтобы не нарушить звучания и вкуса клюевской речи. Конъектуры в публикуемом тексте обозначены угловыми скобками.**

мечта, утопия. Клюев родился, чтобы подать нам пророческую весть о глубинной, сокровенной судьбе Родины. Русь — Китеж. Град видимый падет, чтобы в муках поднялся Град Невидимый, чаемый, заветный.

Безбожие свиной хребет
О звезды утренние чешет,
И в зыбуны косматый леший
Народ развенчанный ведет,
Никола наг, Егорий пеший
Стоят у китежских ворот!..
Но дивен Спас! Змею копытя,
За нас, пред ханом павших ниц,
Егорий вздыбит на граните
Наследье скифских кобылиц!

Жанр поэмы — лирический эпос, сказание, в ней Клюев предстает как единственный в русской да и во всей мировой поэзии мифотворец двадцатого века. Миф, эпос. Не старое или новое — вечное. Это книга народной судьбы — «мужицкие Веды». Здесь и речи не может быть о какой-то стилизации «под народ», Клюев говорит от имени и голосом народа, он сам — народ. Поэма прямо восходит к «рублевским заветам» — в иконописи и зодчестве, старопечатных книгах и церковной музыке, но более всего — к фольклору, народному песнетворчеству или исходит от них. А еще глубже, в человеческой истории, она подхватывает и несет тот священный огонь, который с христианством перешел на Русь от высоких светильников Византии и Эллады.

Клюев — заповедник русской духовности и красоты. Но надо признать, что его у нас еще не знают. В полном объеме он до сих пор не напечатан (наиболее обширное собрание его сочинений в двух томах было издано в 60-е годы и, как это часто у нас случается, не дома, а за рубежом, в Германии!). А то, что напечатано, непросто достать и мало кем прочитано. Да и труден он для понимания в наш суетный, скоропалительный век, неподъемен, непосилен для заурядного, бытового мышления. И тут уж требуется от нас, читателей, сознательное усилие навстречу, собственный духовный порыв, сотворчество.

Светлому внуку незрим,
Дух мой в чернильницу канет,
И через тысячу зим
Буквенным Сирином станет...
(«Песнослов», 1919 г.)

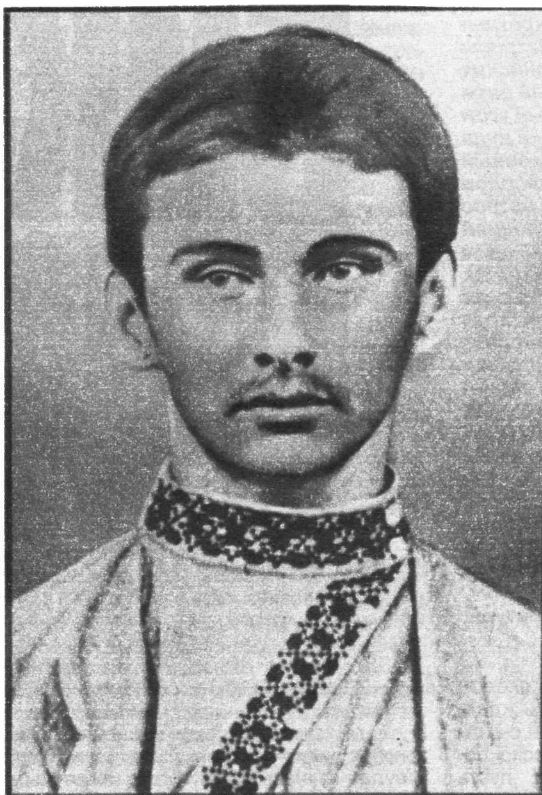
«Песнь о Великой Матери» — не осколок прошлого, а явление как нельзя более современное. Это приток свежей крови в нашу культуру, в наше сознание. И мы, в последнее время привыкшие больше ругать свое Отечество, получив такое наследство, видим, что резервы нашего духа отнюдь не исчерпаны. Читая поэму, ловишь себя на мысли: Бог ты мой, чего мы были лишены! И как все-таки богаты! Нас убивают, травят, рубят на корню, а мы вопреки всему еще удивляем мир духовными взлетами. Что было бы, обрети наш народ свободу!

Поэма «работает» не в узком историческом промежутке, а в тысячелетней истории России. Цену своего поэтического, вечного Слова — слова народной правды — в отличие от слова политического, обслуживающего злобу дня, Клюев хорошо сознавал.

По мне Пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью,
Лишь вечность крестом обозначит
Предсмертную песню мою...

И будет два солнца на небе,
Две раны в гремящих веках,—
Пурпурное — в Ленинской требе,
Сермяжное — в хвойных стихах.
(1919 г.)

«Песнь о Великой Матери» — знак надежды нам, изверившимся, истерзанным смутным временем, послание убиенного антихристовой властью великого поэта, Баяна двадцатого века, который только теперь говорит с нами во весь голос. Имеющий уши — услышит.

Николай КЛЮЕВ

Николай Клюев в юности.

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ*

<* * *>

Мы жили у Белого моря,
В избе на лесном косогоре:
Отец — богатырь и рыбак,
А мать — бледно-розовый мак
На грядке, где я, василек,
Аукал в хрустальный рожок.

На мне пестрядная рубашка,
Расшита, как зяблик, запашка,
И в пояс родная вплела
Молитву от лиха и зла.

Плясала у тетушки Анны
По плису игла неустанно
Вприсядку и дыбом ушко,—
Порты сотворить не легко!
Колешки, глухое гузёнце,
Для пуговки совье оконце,
Карман, где от волчьих погонь
Укроется сахарный конь.

Пожрали сусального волки,
Оконце разбито в осколки,
И детство — зайченок слепой
Заклевано галок гурьбой!<...>

* * *

Деревня, милое поморье,
Где пряха тянет волокно,
Дозоря светлого Егорья
В тысячелетнее окно!
Прискачет витязь из тумана,
Литого золота шелом,
Испепелить Левиафана
Двоеперстным огненным крестом!
Чтоб посолонь текли просонки,
Медведи-ночи, лоси-дни,
И что любимо искони
От звезд до крашеной солонки
Не обернулось в гать и пни!
Родимое, прости, прости!
Я, пес, сосал твои молоки
И страстотерпных гроздий соки
Извергнул желчью при пути!
Что сталося со мной и где я?
В аду или в когтях у змея,
С рожком заливчатым в кости?
Как пращуры, я сын двоеперстья,
Христа баюкаю в ночи,
Но на остуженной печи
Ни бубенца, ни многоверстья.
Везет не дядя Евстигней
В собольей шубоньке Парашу —
Стада ночных нетопырей
Запряжены в кибитку нашу,
И ни избы, ни милых братьев
Среди безглазой тьмы болот,
Лишь пни горелые да гати!
Кибитку легче на раскате —
Рыданьем в памяти встает.
Спаси нас, Господи Иисусе!
Но запряглися бесы гусем,—
Близки, знать, адские врата.
Чу! Молонья с небесных взгорий!
Не жжет ли гада свет Егорий
Огнем двоеперстного креста?!<...>

* * *

...И в горенку входил отец.
«Поставить крест аль голубец
По тестю Митрию, Параша?..»
Неупиваемая чаша,
Как ласточки звенящих лет,
Я дал пред родиной обет
Тебя в созвучья перелить,
Из лосьих мыков выпрясть нить,
Чтоб из нее сплести мережи!
Авось, любовь, как ветер свежий,
Загонит в сети осетра,
Арабской черни, серебра,
Узорной яри, аксамита,
Чем сказка русская расшита!
Что критик и газетный плут,
Чихнув, архаикой зовут.
Но это было! Было! Было!
Порукой — лик нездешней силы —
Владимирская Божья Мать!
В ее очах Коринфа злать,
Мемфис и пурпур Финикии
Сквозят берестою России
И нежной просинью вифезды
В глухом Семеновском уезде!
Кто Светлояра не видал,
Тому и схима — чертов бал!
Но это было! Было! Было!
Порукой образ тихокрылый
Из радонежеских лесов!
Его писал Андрей Рублев
Смиренной кисточкой из белки.
Века понатрудили стрелки,
Чтобы измерить светлый мир,
Черемух пробель и сапфир —
Шести очей и крыл над чашей!
То русской женщины Параши,
Простой насельницы избы,
Душа — под песенку судьбы!
Но... многоточие — синицы,
Без журавля пусты страницы...
Увы... волшебный журавель
Издох в октябрьскую метель!
Его лодыжкою в запал
Я книжку ... намарал,
В ней мошкара и жуть болота.
От птичьей желчи и помета
Слезами отмываюсь я,
И не сковать по мне гвоздя,
Чтобы повесить стыд на двери!..
В художнике, как в лицемере,
Гнездятся тысячи личин,
Но в кедре много ль сердцевин
С несметною пучиной игол? —
Таков и я!.. Мне в плач и в иго
Громокипящий пир машин,
И в буйном мире я один —
Гадатель над кудесной книгой!
Мне скажут: жизнь — стальная пасть,
Крушит во прах народы, классы...
Родной поэзии атласы
Не износил Руси дудец,—
Взгляните, полон коробец,
Вот объярь, штоф и канифасы!..

Окончание следует.

* Полностью поэма публикуется в журнале «Знамя».

СЛОВАРЬ

Аксамит — бархат.

Вифезда — купальня, где исцелялись больные и где, по Евангелию, Иисус исцелил человека, болевшего тридцать восемь лет.

Голубец — могильный деревянный крест с двухскатной кровелькой.

Канифас — льняная полосатая ткань.

Левиафан — библейское чудовище.

Объярь — шелковая ткань с отливом.

Пестрядной — пестрядь — домотканая ткань из крашеных ниток.

Посолонь — в направлении по ходу солнца.

Светлояр — святое озеро в Нижегородской обл., в которое, по преданию, погрузился град Китеж.

Роман-фантасмагория молодого киевского писателя Андрея Куркова — роман о войне. Причем реалии военной эпохи вполне конкретны: гитлеровцы и энкавэдэшники, матросы и солдаты, окружение и залпы артиллерийских снарядов. Вначале поражает лишь странный ритм и какой-то «сдвинутый», искаженный угол зрения: летит без цели и без смысла «в куда угодном направлении» черный таинственный дирижабль, тянет сквозь всю тайгу бикфордов шнур от начиненного динамитом корабля матрос Харитонов, в абсолютной темноте по наклонной сфере земли едет полуторка с ненужным прожектором.

Что это? Почему смешаны в романе подробности тридцатых и сороковых, почему странная (хотя вроде бы такая знакомая) война затянулась более чем на десятилетие, почему участники событий давно забыли смысл своего однообразного боя?

Перекличка романа «Бикфордов мир» с известными произведениями американских, русских, японских писателей XX века — не подражание, не эпигонство, не заимствование. Хочется верить, что вместе с молодыми именами в нашу литературу вновь придет планетарное дыхание, свободное от политики и надсадной боли «потерянных поколений».

Отдел литературы

БИКФОРДОВ МИР

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Андрей КУРКОВ

За забором скита, высоким частоколом из сосновых бревен, находилось кладбище. Уже больше двух столетий считалось оно священным: через месяц после смерти любого старовера, пусть даже грудного дитяти, сюда приходили все во главе со старейшиной и проверяли, пустил ли корни, пророс ли деревянный крест над свежей могилой. Если пророс — значит, в него перешли святые силы умершего. Если же не принялся крест на могиле и помертвело дерево, то больше за этой могилой не ухаживали. Среди проросших крестов была одна дикая груша, исковерканный ствол которой и раньше с трудом напоминал форму креста. Прорастал он во время дождей, которые пригнули его к земле так, что в конце концов он уже не стоял, а лежал на могиле и так плашмя корни пустил, а новый ствол стал подниматься неровно. Когда-то детишки пробирались сюда за дичками. Старшие ругали и пороли их за это нещадно, но потом кто-то сказал, что если крест пророс, то злых сил бояться нечего. Святая груша не может не дать святых плодов. После этого каждой осенью ребятам было раздолье. Однако омрачало многих то, что никто не мог вспомнить, кого похоронили под грушевым крестом. Хоть и недавно это было, но у всех словно память отшибло. Пытались посмотреть, кто за последнее время умирал и где кого хоронили. Так на удивление у каждого умершего была своя могила и свой крест, а кто лежал под грушей — так и не поняли.

С тех пор минуло немало лет и жизней, и остались в скиту лишь Иван Тимофеевич Корнягин и трое его сыновей. Жили раздельно, но работали вместе. Иван Тимофеевич был старейшиной, а стало быть, духовным отцом своим сыновьям. С того дня, как похоронил он свою жену, стал все чаще закрываться по вечерам в часовенке и думать. Сыновья знали, что с отцом происходит что-то странное, но спросить его об этом не решались.

В весеннее воскресенье Иван Тимофеевич объявил сыновьям, собравшимся в часовне для молитвы, о том, что отныне он не позволяет им обращаться к Господу до тех пор, пока он самолично не перепишет учение.

— Зачем? — удивился старший сын, Владимир.— Ведь учению тысячи лет!

— Может, и не в учении дело,— согласился отец.— Но я в ответе пред небом за вас. Будущего у нас здесь не будет, а одним прошлым не проживешь, хотя частью его стать возможно. Одним словом, надо будет уходить отсюда. Здесь у вас не будет детей, как нет и жен. Кладбище разрослось, а теплых домов осталось только четыре, и в каждом из них по одному человеку...

— А куда идти? Разве есть где рядом люди? — спросил средний, Николай.

— Когда ваш прадед привел сюда людей, вокруг на сотни верст не было никакого жилья. Но с тех пор прошло много времени. Может, кто-нибудь еще пришел и поселился невдалеке отсюда?! Нам надо искать. Не знаю, отчего наши беды... Но теперь по воскресеньям мы станем трудиться во славу Господню, будем делать колокол.

— Из чего, как? — подал голос младший сын, Андрей.

— Да ведь нет ни серебра, ни меди...— добавил Николай.

— Я думал об этом,— кивнул отец.— Нам нужно новое учение и новый колокол. Колокол, который будет звучать даже тогда, когда мы уйдем отсюда.

Сыновья чувствовали себя неловко, первый раз ведя такие разговоры в часовне, первый раз слушая не проповедь отца, стоящего перед иконостасом, а его странные, непонятные мысли. Владимир перевел взгляд с Ивана Тимофеевича на лик Иисуса, и стало ему стыдно за отца своего перед Господом, но промолчал он.

— Я придумал такой колокол...— продолжал Иван Тимофеич.— А если вы думаете, что я не смогу переписать учение...

Сыновья молчали.

— Колокол начнем делать сегодня. Из старого кедра, что упал прошлой зимой рядом с воротами.

— Деревянный?! — вырвалось у Андрея, и он засомневался, что отец их находится в здравом уме.

— Да, деревянный,— подтвердил Иван Тимофеич.— Но скажите сперва: пойдете ли со мной?

После минутного молчания Владимир кивнул головой. Андрей и Николай кивнули следом.

— После того как наш колокол зазвучит, Господь пошлет нам знамение и укажет путь отсюда.— Иван Тимофеич отошел от иконостаса, чуть помедлил и неожиданно быстро вышел из часовни.

Кедр, упавший минувшей зимой, был толщиной в три человеческих обхвата. Взяв пилу и топоры, последние жители скита принялись за работу. Отец давал указания, сыновья работали молча. Перед закатом разом взглянули на солнце, перекрестились и вошли в ворота скита. Сыновья пребывали в смущении и даже друг на друга не смотрели. Так молча и разошлись по своим срубам. Только отец выглядел уверенно, твердой походкой шагая к дому. Он давно мечтал об этом дне, и он наступил. Наступило и окончилось первое в его жизни и в жизни его детей рабочее воскресенье. Значит, сломалась испоконвечная традиция и заповедь, а значит, можно ломать и дальше, и тогда они найдут свой путь к Господу и получат его благословение на всю дальнейшую жизнь. Ведь если бы древнее учение было верно, то давно бы уже на земле возникло царство Божие, и не творилось бы столько зла, и не пришлось бы его деду уводить за собой в тайгу единоверцев, преследуемых плутами-священнослужителями, служившими прежде всего себе, а уж потом Господу.

Будние дни принесли будние хлопоты, а следующее воскресенье снова собрало их у широкого кедрового чурбана. Отец объяснил сыновьям, какую форму придать колоколу, и работа вновь продолжалась до предзакатного солнца. Когда оно, багровое, опустилось за далекие деревья, все уже входили в свои дома. Николай удивился тому, как быстро он привык к буднему воскресенью. Иван Тимофеевич радовался, что работа движется и скоро зазвучит в сердце тайги новый колокол, взывающий к Богу.

Колокол под руководством Ивана Тимофеевича приобрел форму и стал похож на огромную деревянную улитку высотой в человеческий рост.

Пришло еще одно воскресенье, и Иван Тимофеевич послал сыновей в тайгу: пусть что хотят делают, охотятся, грибы собирают, но чтобы до заката в скиту не появлялись.

Оставшись один, Иван Тимофеич присел у деревянной улитки. Поточил точильным камнем острие топора. Встал, опрокинул будущий колокол набок и, примерившись, стал вырубать в днище с краю небольшую выемку размером с два мужицких кулака.

Работал медленно и аккуратно, почти без размаха. Закончил, когда рука уходила в дупло почти по локоть. Дальше топор был уже без надобности. Иван Тимофеевич передохнул недолго, потом собрал хворост и зажег костер рядом с будущим колоколом. Присел погреться и залюбовался огненным узором горящего древесного мха. Огонь мелкими искорками торопливо бегал по сине-зеленой мшистой коре, не спеша приниматься за сухое дерево.

«Ишь ты,— подумал старик.— Огонь и тот вкус знает...»

Приблизилось полуденное время. Иван Тимофеевич сходил в дом и принес несколько картошин, после чего разделил огонь на два костра. Слизав огненным языком мох, пламя взялось за дерево, и вскоре оба костра полыхали жаром. Тогда Иван Тимофеевич растормошил один костер, перебросил горящие ветки во второй, а в оставшийся жар кинул картошку. Пускай печется. Сам же снова поднялся и возвратился к своему дому.

Вернулся с сапой в руке и положил ее ржавое жало в огонь. Когда оно раскраснелось, сунул его в вырубленное дупло. Дерево жалобно зашипело и поддалось силе раскаленного железа. Иван Тимофеич снова бросил сапу в огонь.

Дома Иван Тимофеевич уселся на лавку у окна, и на смену радости пришла усталость, усталость не одного дня, а всей прожитой жизни. Он посмотрел на небо и подумал о своей душе, которой скоро придет время вознестись туда же вверх, к Господу, к звездам. И подумал он еще о том, что будет его душе холодно зимой в ночном небе, ведь она — не тело и одеть ее не во что. Глаза закрылись, и думы Ивана Тимофеевича перебрались в сон, где он продолжал смотреть в ночное небо и видеть холодные звезды...

Сыновья, пробродив весь день по окрестной тайге, возвратились к скиту. Остановились у догорающего костра и осмотрели выжженное дупло. Там же молча присели. Старший, Владимир, подбросил хворосту, и огонь ожил, потеснив вечерний сумрак. Осветил бородатые лица, заплясал по ним бликами. Треском прогнал тишину.

— Значит, скоро уходить нам...— нарушил молчание средний брат, Николай.

— Значит, скоро...— кивнул Владимир.

— Была бы тропа, я б давно ушел! — скороговоркой проговорил Андрей.

* * *

Неделю спустя воскресным утром Иван Тимофеич сказал сыновьям, что колокол готов и надобно его поднимать.

Сыновья осмотрели еще раз деревянную улитку.

— Куда же его поднимать? Колокольня давно рухнула,— задумался вслух Николай.

— А языка-то в нем нет! — удивился Андрей.

— И не должно быть,— ответил младшему сыну Иван Тимофеич.— Это тебе не бронза, что зазвенит от любой руки, потянувшей за веревку.

— А как же он?..— спросил Андрей, глядя на отца.

— Это гудоколокол,— сказал отец.— Поднимем его туда, к ветру, и от ветра же он загудит. И ни одна рука грешная его не коснется. Ни одна! И ни один человек не сможет заставить его звучать, а только ветер, потому как в ветре больше Господа, чем в человеке...

И отец осмотрел старые кедры, уносящие свои кроны в небо рядом со скитом. Особо понравился ему один ствол с по-ежьи торчащими от земли и вверх сучка́ми.

— Вот наша колокольня! — похлопал Иван Тимофеевич ладонью по кедру.— Андрей, принеси-ка смольной веревки сколько есть мотков, а ты, Николай, разыщи крюк железный от бороны и сюда неси. Свяжи их меж собой крепко и полезай на верхушку, перекинь через толстый сук,— распорядился Иван Тимофеевич.

Андрей занялся узлами, а тут и Николай подоспел со здоровым ржавым крюком. Вбили его обухом топора в верхушку колокола, продели несколько раз сквозь крюк конец веревки и туго завязали.

А Андрей тем временем уже карабкался по сучковатой лестнице к верхушке кедра. Длины черной смольной веревки хватило не только до верхушки добраться, но и вниз опуститься. Владимир схватил второй конец веревки, опустившийся с дерева, натянул его, отойдя на два шага назад, и так стоял, ожидая, когда брат вниз слезет.

— Ну, благослови нас Господь! — выдохнул Иван Тимофеевич и тоже взялся за веревку.

Так они вчетвером, ухватившись за один конец, потянули веревку на себя, и сдвинулся с места деревянный колокол, подполз сперва поближе к кедру, оставив на земле широкие царапины, а потом стал медленно подниматься вверх.

— Стой! Хватит! Дошел, кажись,— скомандовал хриплым от напряжения голосом Иван Тимофеевич, всматриваясь зорко в крону дерева.— Теперь надо закрутить веревку внизу вкруг ствола навечно...

* * *

Долго стояли они под кедром в ожидании ветра, но время вслед за солнцем уходило в закатную сторону и даже таежная жизнь затихала, приближаясь к ночи. Нерушимая тишь затаила дыхание людей, и стояли они в каменном оцепенении, подняв глаза к небу и рассматривая на его темно-синем фоне дело рук своих.

— Не надо так ждать...— выдохнул Иван Тимофеич.— Зазвучит — сразу услышим. А ветра, должно быть, не будет ночью — вон экая яркая луна там...

И вернулись они по своим домам. Иван Тимофеевич сел на лавку у окна, по привычке глянул в небо, и тут голова его закружилась. Горечь подкатила к горлу. Руками он схватился за живот, откуда рвалась наружу резкая незнакомая боль.

— Неужто надорвался? — прошептал Иван Тимофеич, осевши на лавку и поджав под себя ноги.— Неужто...

И послышался ему звук, протяжный и зовущий, но не было сил ни встать, ни глаза открыть.

Так же встрепенулись от звука братья, но, прислушавшись, успокоились — снова выл волк, видно, не давала покоя его душе такая яркая и низкая луна.

Утром Иван Тимофеевич проснулся и почувствовал, что за ночь лет десять прожил. Руки тряслись, назойливо болел живот. Страшно ему стало оттого, что увидят сыновья отца своего таким разбитым, словно он в лапах у медведя побывал. Поднялся он с лавки и вышел на порог дома. Присел на ступеньку деревянную и замер. И ничего не услышал он, кроме тишины, подобной той, что звучала прошлым вечером, пока не прогнал ее волчий вой.

И задумался Иван Тимофеич. Задумался о том, что не нужна тишина в этом мире. Ведь наверняка она была и до того, как мир был создан Господом. И если мир пришел на смену тишине, то не должно быть ей места в природе. Не зря же есть разные птицы для дня и ночи, и разные звери есть для каждого времени суток, и все они издают звуки, все они наполняют землю ощущением жизни. Кричат, шипят, воют, поют, лают... К чему же эти молчания природы? Ведь не спит она. Ведь все вокруг, как и земля сама, находится в постоянном движении, в постоянном дыхании. И все же приходят они, эти молчания природы, и жутко становится на душе, и не хочется, но все равно о смерти задумываешься, хотя и там, на том краю, первый шаг от жизни к смерти не проходит в тишине. Какой в ней смысл?! А и то может быть, что появляется она вопреки воле Господа и сотворена противниками жизни...

А солнце поднималось над этой тишиной, над тайгой, над земной жизнью. И звук этой жизни неожиданно ворвался в уши Ивана Тимофеича пением птиц, треском и шорохами леса.

* * *

Когда солнце поднялось на небо, вниз, на землю, опустился ветер. Опустился и принялся ерошить травы и кусты, раскачивать кедры и лиственницы. Он подхватывал прыгающих белок и помогал им долетать до ветвей соседнего дерева.

И зазвучал колокол. Словно завопил попавший в него, как в ловушку, ветер. Содрогнулось от этого звучания все живое, способное слышать. Притихли птицы и звери, и на мгновение застыло на месте солнце, не добравшееся еще до зенита.

Иван Тимофеевич соединил ладони свои, пытаясь сдержать дрожание рук, и слушал колокол. Губы его шевелились, проговаривая молитву и выдыхая боль. Себя он не слышал и не думал о себе более. Природа возвратила его себе, сделав частью всего живого, объединив все живое гнетущим звучанием гудоколокола. Замерли, каждый у своего дома, сыновья Ивана Тимофеича. Стояли там, где услышали колокол. Стояли и слушали, не двигаясь. Слушали и наполнялись его звучанием, а через его звучание — отчаянием и болью. И хотелось им бежать от этого места, от этого страшного звука, во власти которого они чувствовали себя безропотными и покорными рабами. И хотели они бежать, но не двигаясь.

Не смог дольше сидеть на крыльце Иван Тимофеич. Собрал силы и вернулся в дом, заперев за собою двери. Сел на лавку. И здесь было слышно звучание гудоколокола, но не так громко, не так нестерпимо. Закрыл он уши ладонями. И глаза закрыл, но так и не услышал свои мысли, не ощутил себя, словно и изнутри уже наполнился звучанием колокола.

А ветер, уставший от ловушки, обмяк, замедлился и стал затихать колокол, переходя на более жалобные нотки.

Очнулись братья, ожили, когда гудоколокол едва звучал, напоминая жалобы раненого зверя. Ожили они, посмотрели напряженно вверх, на крону кедра-колокольни, и взгляд их прошел сквозь крону, ушел дальше в небо, где наткнулся на черное облако, маленькое, необычное, похожее на огромного небесного сома и цветом, и формой.

— Знамение! — вырвалось у Владимира, но не расслышал ни он слов своих, ни братья слов его. Слух был еще заполнен колоколом, и только глаза были вольны видеть все зримое.

Смотрели они на это облако, а оно медленно проплывало по небу, независимо и легко. И терялся Николай в догадках, не веря в то, что пред ним обычное облако. Не верили в это и остальные. Но не обращало оно внимания на их сомнения и плыло дальше.

Побежали братья к дому отца своего. Поднялся он с лавки, вышел на порог. Рука старшего сына увела его взгляд высоко в небо, где увидел Иван Тимофеич нечто плывущее черное.

— Может ли это знамением быть? — спросил Владимир, и услышали его все.

А в небе спокойно и мирно плыл черный дирижабль. Он летел над тайгой в куда угодном направлении. В гондоле дирижабля никого не было, хотя посредине ее и стояла табуретка, на полу валялся мелкий мусор, а в углу находилась большая картонная коробка, вмещавшая больше тысячи пачек сигарет «Друг».

— Нет,— помолчав, ответил Иван Тимофеич.— Знамение не бывает черным... Оно — свет. Как в писании есть «радуга в облаке»...

— А что же это? — спросил Андрей.

Задумался снова Иван Тимофеич, а черное облако между тем ушло из видимости, оставив увидевших его в смутном непонимании.

— Не знаю,— признался отец.— Может, дело рук природы или иных сил...

— Но иных, кроме сил Господа, не бывает! — напряженно выдохнул Андрей и заглянул отцу в глаза.

Иван Тимофеич пожал плечами.

— Может, дело рук времени, иного времени...— почти прошептал он, проведя ладонью по лбу.— Я ведь сбился с него, со времени... Давно сбился. И воскресенье у нас — только седьмой день по счету...

— Но и в писании воскресенье было седьмым днем по счету Господа, когда он, воззрев труды свои, решил отдохнуть...— сказал Николай.

Отец кивнул.

— Завтра снова седьмой день...— произнес Владимир и вопросительно глянул на отца.

Иван Тимофеич снова кивнул.

— Будем ждать знамения,— сказал, помолчав.

* * *

И пошли дни, заполненные звучанием колокола, и не было в них даже минуты для тишины.

И утром, и днем, и ночью выходили братья во двор и смотрели во все стороны, но тщетно.

Иван Тимофеевич из дому не выходил. Хворал. Впервые лавка казалась слишком жесткой для спины, но лечь в кровать, в которой спали они раньше с женой, не хотел. Боялся, что с кровати ему уже не встать.

Под вечер следующего, шестого дня Иван Тимофеич услышал чей-то громкий крик. Выглянув в окошко, он никого не увидел. Тогда поднялся и вышел во двор.

Колокол гудел негромко и монотонно, будто устал.

— Эй, кто здесь? — снова закричал кто-то со стороны ворот.

Подойдя к воротам, Иван Тимофеич остановился. Рядом с ним остановились Владимир и Андрей, минутой позже подбежал Николай.

Перед ними стоял невысокого роста немолодой человечек в военной форме. За плечом — автомат, перед ним — тачка на одном деревянном колесе, а на ней какие-то круглые плоские предметы и мешок.

— Хозяева? — спросил он и сделал шаг в сторону от тачки.

Иван Тимофеевич заметил, что у незнакомца одна нога деревянная.

— Что это за село? Как называется? — спросил незнакомый.

— Никак,— ответил Иван Тимофеевич.— Скит это.

— Сектанты, что ли? — нахмурился пришлый.

— Христиане,— ответил Иван Тимофеич.— А вы то кем будете?

— Инвалидом буду. По фамилии — Кортецкий,— гордо отрекомендовался человек в военной форме.— А вы почему не на войне?

Сыновья недоуменно посмотрели на отца.

— С кем? — удивленно спросил Иван Тимофеич.

— Ну как же, у Родины столько врагов: фашисты, японцы, финны. Вся страна воюет...

— Сейчас?! — вырвалось у Андрея.

— Да...— оторопело ответил инвалид.— А вы что, не знаете?

— Мы уж давно от мира удалились...— пояснил Иван Тимофеевич.— Какая хоть там власть сейчас?

— Какая-какая...— заторможенно забубнил Кортецкий, глядя на свою деревянную ногу.

— Ну какая же?..— не унимался Иван Тимофеич.— Если те, что раньше были...

— Когда любишь Родину, власть не имеет значения! — твердо отрубил инвалид.— Я, может, тоже власть не люблю, но ради Родины сюда вот забрался! Эти штуки вот притащил, шоб все знали, какая она, правда, сегодня...— И он кивнул на тележку.

— А что это? — поинтересовался Андрей.

— Посторонись, секта! — незлобиво буркнул Кортецкий и, взявшись за тачку, принялся толкать ее в ворота.

Иван Тимофеич и сыновья посторонились.

Инвалид, бойко орудуя деревянной ногой, протолкал тачку до первого дома, там остановился и оглянулся на местных жителей.

— Что встали! — крикнул он.— Идите сюда, дорогу покажете!

Иван Тимофеич медленно направился к пришлому, сыновья пошли следом за отцом.

— Куда тебе дорогу? Нету здесь дорог никаких! — сердито ответил Иван Тимофеич.

— В тайге нету, это мне известно... Не об том я. Где тут у вас центральное место?

— А зачем вам? — спросил Владимир.

— Та штуку одну присобачить...— Инвалид исподлобья осмотрел дома и снова вернул свой взгляд, остановив его на Иване Тимофеиче.

— Нет у нас такого места,— ответил тот.

— Врешь! — не поверил инвалид.— Где культовое здание?

— Какое? — не понял его глава семейства.

— Церква! — объяснил иными словами Кортецкий.

— Там,— показал рукой Иван Тимофеич.

— Пошли, христиане! — скомандовал пришлый.

Подошли к часовне. Иван Тимофеич, косся одним глазом на Кортецкого, отпер дверь. Инвалид взял с тачки одну круглую штуковину и зашел внутрь. Тут Иван Тимофеич заметил, что за штуковиной этой потянулась какая-то тонкая веревка.

Все зашли в часовню. Инвалид пристально осматривался. Остальные также пристально следили за ним.

— Повезло вам вообще-то,— проговорил он.— Будь где вы поближе к Родине, взорвали б вам давно все это христианство. У нас на борьбу с опиумом динамиту не жалеют... Ладно... Дайте с тачки молоток!.. И свечу зажгите.

— Мы свечи зря не жгем и спички попусту не тратим. Они еще прадедовские...

Андрей выскочил за молотком.
— Вот! — Кортецкий протянул коробок Ивану Тимофеичу.
Тот зажег свечу и осветил часовню.
Инвалид подошел к середине иконостаса, вытащил из кармана гимнастерки гвоздь и заколотил его наполовину в деревянного распятого Христа. А после нацепил на гвоздь круглую штуковину.
— Ну во,— удовлетворенно выдохнул он.— Теперь и вы услышите голос Родины... а то сидят в тайге, а там миллионы помирают на фронтах...
— А как оно называется? — спросил Андрей, показывая взглядом на круглую штуковину.
— «Сковородка» — по-простому, а так — радио,— объяснил инвалид.— Сегодня поздновато уже, а завтра заговорит, ей-Богу, заговорит! Будете слушать, секта!
И Кортецкий обвел местных жителей колючим, презирающим взглядом, и только на Андрее его взгляд потеплел.
— Ну все, я у вас тут же переночую, а рано утром дальше уйду,— сказал он, глядя на Ивана Тимофеича.
— Располагайся, божий человек,— тихо закивал Иван Тимофеич и вышел из часовни.
За окошком в наступившей темноте гудел колокол, но была слышима и жизнь. Кричали птицы. Восходила луна.
Инвалид, оставшись один в часовне, расстелил под иконостасом шинель и улегся на нее. Уже лежа он чиркнул спичкой, и она, загоревшись, осветила все внутренности тесной, маленькой часовенки. Окинув еще раз быстрым взглядом стены, инвалид скривил губы, задул спичку. Закрыл глаза, но тут услышал скрип двери.
— Кто там?! — испуганно дернулся он, увидев в открытом проеме двери желтую половинку луны.
— Я это,— тихо ответил голос.
— Я — кто? — настороженно переспросил инвалид.
— Андрей,— приблизил свое лицо вплотную к лицу Кортецкого младший в семействе Корнягиных.
— Ты чего пришел? — приподнялся на локтях Кортецкий.
— Спросить.
— Ну?
— А правда, что Родина в беде? — дрожащим голосом спросил Андрей.
— Да-а,— протянул инвалид.— В очень большой беде... везде война, фронт, а где нет фронта, там от голода мрут... Плохо.
— А Москва?! — спросил Андрей.
— Ну, в Москве не мрут, конечно, но и там плохо. В окружении она. Я вот за Родину ногу отдал. А теперь последние силы отдаю...
— А утром вы куда?
— Я-то?! Дальше. У меня еще три «сковородки» — присобачу их где-нибудь у людей, которые ничего не знают, и назад буду двигать.
— А можно с вами пойти? — Голос Андрея задрожал.
— А тебя твои сектанты не прибьют, если словят?
— А мы до рассвета, я знаю, как к речке выйти, а ни отец, ни братья этого пути не ведают.
— К речке — это хорошо... Но если пойдешь, надо будет тебе меня слушаться...
— Буду,— пообещал Андрей.
— Ну вот, тогда первый приказ: всю ночь стеречь тачку, а перед рассветом разбудишь меня и тронемся.
— Хорошо,— кивнул Андрей.
— Не-е,— перебил его инвалид.— По-военному надо отвечать: «Слушаюсь!»
— Слушаюсь,— прошептал Андрей.
— Хорошо, иди.
Андрей тихонько запер за собой дверь и сел возле тачки, облокотившись о крыльцо часовни. Вверху светили звезды и гудел гудоколокол.
Андрей улыбнулся. Пока отец и братья дождутся знамения, он будет уже далеко.
Спать не хотелось. Всю ночь наблюдал он за небом, и показалось ему, что звезды движутся вслед за луной. А когда на востоке засерело, когда предлучи еще не показавшегося солнца разогнали мрак, Андрей живо поднялся на ноги, зашел в часовню и, помолившись, разбудил инвалида.
— Как там нас утро встречает? — заерзал, приходя в движение, Кортецкий.
— Хорошо,— ответил Андрей.
Инвалид встал, скрутил шинель, и они вышли. Остановились у тачки, где инвалид сунул шинель в мешок.
— Теперь ты будешь катить ее,— сказал он Андрею.— Тот, кто приходит позже, становится младшим по званию.
Андрей кивнул, взялся за две расходящиеся деревянные ручки и направил тачку к воротам. Инвалид зашагал рядом, озираясь на солнце и улыбаясь сдержанной радостью. Выйдя за ворота, они на минутку остановились. Андрей поклонился скиту, а инвалид обвел дома и постройки ехидным взглядом.
— Давай быстрее, а то здесь и останешься! — поторопил он Андрея.— Толкай ее к речке, а там передохнем... Гудит, проклятый! — недовольно замотал головой инвалид и сам обернулся, задрав голову вверх.
Андрей глянул на Кортецкого испуганно и быстро и тут же возвратил свой взгляд на тачку. Попробовал прислушаться и действительно услышал гудоколокол, воющий протяжно и негромко. И пропало желание обернуться и посмотреть напоследок вверх. Прощаться можно и не оборачиваясь, не произнося слов. Прощаться можно своим уходом, ничего никому не говоря, ни о чем не сожалея.

* * *

Утром Владимир и Николай разбудили отца.
— Андрей ушел,— сказал Владимир.— Я видел их.
— И не остановил?! — спросил Иван Тимофеич, поднимаясь с лавки.
— Нет,— признался Владимир.
— Да,— кивнул отец.— Не надо было. Может, ему удастся выйти к людям... А вы? Не хотели с ним?
— Мы будем ждать знамения,— твердо произнес Николай и опустил голову.— Зная лишь полдороги, не дойдешь до ее конца.
— Да.— Иван Тимофеич сцепил ладони.— А ведь он звучит. Звучит! — И глаза его загорелись.— Главное — верить, верить и ждать. Терпеливым все отблагодарится. Главное — верить, верить и ждать. Ведь звучит он?
— Да,— кивнули братья.
— Пойдемте к нему! — Иван Тимофеич встал и пошел к двери, но, дойдя до нее, остановился.— Нет, сначала давайте помолимся. Какой сегодня день?
— Третий,— ответил Николай.
— Третий?! — повторил сам себе отец.— И был вечер, и было утро, день третий... И сказал Бог: да будет светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов... Не буду я переписывать учения. Каждый волен изменять только им самим написанное.
Зайдя в часовню, отец и его сыновья оставили дверь отпертой, чтобы впустить внутрь солнечные лучи. И лучи опустились внутрь, осветив нижний ряд иконостаса и ноги распятого Христа.
Иван Тимофеич опустился на колени, за его спиной сделали то же Владимир и Николай. И зазвучал в часовне тройственный шепот, а когда затих, вместо тишины воцарилось звучание гудоколокола, и долго еще не вставали с колен молящиеся, слушая это звучание и наполняясь им.
Вышли они из часовни, но дверь не закрыли.
Иван Тимофеич подошел к колодцу, заглянул вниз.
— И вода еще есть...— кивнул он сам себе. Потом крикнул среднему сыну: — Нико́ля! Наполните бочку водой!
А лучи солнца, падавшие на нижний ряд иконостаса, чуть опустились, сползли с иконостаса и освещали теперь только деревянный настил пола. Ожила, зашипела вдруг черная «сковородка», прибитая инвалидом к распятию, и строгий далекий голос заговорил размеренно, оставляя между словами длинные пространства-паузы: «Передаем сводку Совинформбюро. Прослушайте сигналы точного времени: в Москве, Ленинграде, Киеве — 1945 год, лето, в Перми, Норильске, Магнитогорске — 1943 год, лето, в Усть-Илиме, Воркуте, Анадыре — 1939 год, осень. Сообщение для Перми, Норильска, Магнитогорска и районов Восточной Сибири: после тяжелых продолжительных боев советские войска оставили Крым, враг понес серьезные потери в живой силе и технике...»
Владимир и Николай таскали ведрами воду от колодца к большой бочке, стоявшей у стены дома Ивана Тимофеича. Солнце приближалось к зениту. Теплый воздух был наполнен жужжанием. Две бабочки кружились над бочкой, и даже они, почти невесомые существа, отбрасывали свою маленькую дрожащую тень. Все было мирно, и ничто больше не нарушало этот мир, освещенный солнцем, овеянный ветром и озвученный колоколом.
Медленно длился третий день и вскоре угасать начал. Солнце неспешно опускалось, а вместе с ним прятались на ночь яркие краски лета.
И вдруг в том месте, где только-только было красное солнце, поднялся вверх яркий столп света, словно древние греки, такие большие любители колоннад, воскресли и поставили в память о себе еще одну, сотканную из ярчайших солнечных лучей, чтобы, стоя на земле, поддерживала она небо. И в том неблизком месте действительно удерживал столп света окрестности от падающего ночного неба, от его темных сил, созидающих ночь.
— Гляньте! — крикнул Иван Тимофеич сыновьям.
Обернулись они и замерли.
— Неужели дождались...— шептал Иван Тимофеич, и в глазах у него блеснули слезы.— Счастье какое...
— Что же теперь? — спросил старший сын, и в голосе его зазвучали растерянность и надежда.
— Собирайтесь,— сказал отец, не сводя взгляда с яркого столпа.— Берите хлеб, одежду...
Побежали сыновья собирать свои котомки. А отец остался стоять. Задрав голову, он осмотрел внимательно все небо и все, что светилось на его темном фоне, и не было ничего ярче этого столпа. Сомнений не было. Между ним и далеким горизонтом сияло знамение Господа, указующее путь.
Владимир и Николай подошли к отцу одновременно.
— Благословляю вас в путь,— заговорил отец.— Путь далекий, но, пройдя его, вы выйдете туда, где исполнятся ваши чаяния...
— А вы, отец?! — спросил Владимир.
— Я не пойду... Уходя, вы остаетесь в долгу перед этим местом, как и я в долгу перед ним. Сил у меня уже мало, но верю, что смогу отдать долг и за себя, и за вас...
Братья замолчали, переглянулись.
— Да и оставив меня здесь, вы чаще будете вспоминать, откуда пришли... Слишком старый я для дороги... Идите. Путь очень далекий, и идти придется вам ночами. Я уже благословил вас на дорогу и на все, что вы свершите, находясь в пути.
Владимир и Николай неподвижно стояли перед отцом, не сводя с него глаз.
— Идите же! — чуть не закричал Иван Тимофеич.
Владимир переступил с ноги на ногу. Николай потупил взгляд.
— Палкой мне вас гнать, что ли?! — рассерженно вопросил отец.
Владимир подошел к отцу, обнял его и зашагал к воротам. То же сделал Николай.
Иван Тимофеич сцепил пальцами дрожащие руки и молча проводил взглядом сыновей, растворяющихся в темноте, в тайге, в этом бесконечном мире. Слеза скатилась по бугристой от старости коже лица.
И побрел Иван Тимофеич назад, к дому, оставив и сапу, и лопату. Тяжело было на душе, но не с кем было поделиться. И оставил он в себе эту горечь, как оставлял в себе многие тяжелые раздумья и печали. Не думал он о том, что душа человеческая не бездонна и не все она выдержать может. Не думал о том, что даже спрятанная глубоко в душу горечь остается горечью, а печаль — печалью и если не поделиться ими, не растворить их среди людей, способных разделить с тобой и горе, и радость, то, накопившись, соединившись с другими печалями, вырвется все тяжкое наружу и приведет тебя в отчаяние, и не возникнет в тебе желания превозмочь боль. А не превозмогая боль, ты покоряешься ей.
И стал Иван Тимофеич ждать вечера. Торопил он мыслями солнце, желая ему скорейшего заката. Нетерпеливо поглядывал на него. Так весь день и прошел в ожидании заката, и когда свершился закат и спряталось солнце, то не поднялся больше на месте заката яркий столп, не осветилось небо в той стороне, а самыми яркими оказались луна и звезды. Замер Иван Тимофеич, не веря глазам своим. Подождал еще, пока не поднялась луна. Потом опустился на крыльцо дома.
«Что же он?! — лихорадочно думал Иван Тимофеич, глядя на небо.— Или я ошибся?! Но не выйдут же они из тайги без него! Хоть бы сюда их вернуть! Хоть бы дать им знак...»
Словно спохватившись, Иван Тимофеич пошел в часовню, нащупал там на окошке коробок спичек, оставленный инвалидом, и, зажав его в руке, направился в дом.
Взял топор, стал рубить лавку. Щепки летели в разные стороны. Собрав их, Иван Тимофеич чиркнул спичкой и попробовал разжечь маленький костер прямо на деревянном полу, но щепки не взялись огнем, и спичка затухла.
Тогда он взял щепки в охапку и вернулся в часовню. Там положил их на пол.
Достал свечу, зажег.
Бросил напряженный взгляд на черную «сковородку», прибитую к распятому Господу. И стал аккуратно выкладывать из расщепленной лавки шалашик-

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

костер. Закончив, снова чиркнул спичкой, но она лишь облизала огоньком одну щепку и затухла. Тогда Иван Тимофеич достал несколько свечей, зажег их и уложил в середину шалашика. Щепки взялись огнем и тихонько потрескивали.

Иван Тимофеич обвел часовню ищущим взглядом, остановил его на двери. Поднялся, снял ее с петель и принялся разламывать. Сухие доски, из которых была она сколочена, поддались, и даже топор не был нужен. Выложил он их поверх шалашика и замер, следя за пламенем, медлительно поедавшим щепки. Так, может, и этот огонь ждет жертвы?! Ведь пока вера менялась, огонь оставался таким же, как и тысячи лет назад. И так же горел, так же светил ночью, так же согревал жилища.

«Да,— подумал вдруг Иван Тимофеич.— Нужна жертва...»

Он подошел к иконостасу, заглянул в лики святых. Вынул из иконостаса икону Богородицы и прислонил ее к кострищу ликом вверх. Снова вернулся к иконостасу. Вынул «Спаса в силах», поставил рядом. Одного ряда иконостаса хватило для того, чтобы обложить иконами никак не разгоравшийся костер.

У костра, обложенного образами, опустился Иван Тимофеич на колени, закрыл глаза и зашептал молитву, но в конце ее не произнес «Аминь», а просто замолчал. И глаза открывать не захотел. Слушал негромкое звучание колокола и проступавшее на его фоне тихое потрескивание костра.

И вдруг пришло к нему спокойствие. Пришли мысли о мудрости, и понял он, что только сейчас он приблизился к настоящей, а не книжной мудрости. Ведь истинная мудрость не заключается в созидании и укреплении уже созданного, даже если оно верно. Высшая мудрость — это уничтожить то, что строил всю жизнь и что предки строили. Уничтожить, поняв, что неправильно это, как дорога, уводящая от колодца в пустыню. Уничтожить, чтобы расчистить потомкам или природе место для нового созидания, для новых ростков или новых храмов.

А потрескивание костра стало громче, и заглушило оно звучание колокола.

Иван Тимофеич открыл глаза и увидел, как из проемов между иконами показались язычки пламени, начавшие облизывать огнем края ликов.

— Святые, а горят...— удивленно сказал старик, уставившись на иконы одержимым взглядом...

И подумал он о медлительности огня.

И о том, что огонь не выживет без дерева.

И о том, что чем дольше дерево сопротивляется огню, тем горит дольше.

О том, что природа сама растит деревья и сама рождает пламень, ускоряющий приход новых деревьев. А значит, любой пожар во благо. Значит, огонь несет обновление, уничтожая былое и настоящее.

Иван Тимофеич опустился на корточки у еще не разгоревшегося костра. И услышал треск откуда-то сверху. Поднял голову. Шумела черная «сковородка». Сквозь шумы и хрипы прорвался далекий голос: «Передаем сводку для Воркуты, Анадыря и районов Крайнего Севера. За последнее время Советская Армия осуществила ряд успешных попыток освобождения народов Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Бессарабии. К сожалению, не удалось освободить народ Финляндии, на многострадальной земле которой осталось лежать много наших героев, отдавших жизни за светлое будущее... Почтим же их память минутой молчания. Просим всех встать...»

Иван Тимофеич поднялся на ноги, в недоумении глядя на источник звука. Источник молчал. А костер все никак не разгорался. То ли не хватало огню силы, то ли движения воздуха. Распахнул Иван Тимофеич окошко в часовне, и сразу прохладнее стало. И увидел он в окошке луну, плывущую желтым ликом к земле.

И снова оглянулся на огонь, едва горевший. Вспомнил рассказы деда о язычниках, которые жили и веровали еще до староверов, до христиан. Веровали в огонь, в солнце и приносили огню жертву.

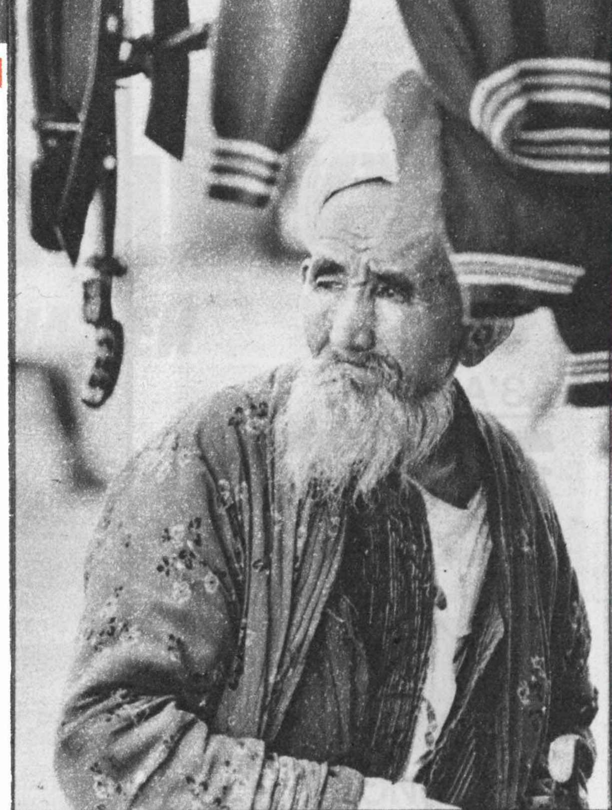

Фото Владимира МАШАТИНА

*Кругом враги у моего
народа:
Жиды, ДС, КПСС,
свобода,
Колхоз-совхоз,
очнувшийся кулак,
АЭС, нитраты, конопля,
кабак,
ОМОН, Союз и
су-ве-ре-ни-тет,
Орущий ВИА, тихий
секс-балет,
Кооператор, журналист,
система,
На митингах
клокочущая пена,
Правительство, что
спрятало товар,
Чтоб и с яичек
получить навар,
Вор у прилавка,
лодырь у станка,
Теневика гребущая
рука,
Погода, урожай и
недород...
Враги, враги! А где же
сам народ?*

Замира ИБРАГИМОВА

ОТДЕЛ
ИСКУССТВ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

АЗ'АРТ

МНЕНИЕ АЛЕКСЕЯ ВЕЙЦЛЕРА: «ЗАЧЕМ НАМ МОДА — ЧЕСТНЕЕ ОДЕТЬСЯ В МУНДИРЫ ОМОНА».

(Читайте на стр. 8)

ЗАКУЛИСЬЕ

НА ВЗГЛЯД АЛЕКСЕЯ ПОЛИКОВСКОГО, «БАЛЕТ ИЗНУТРИ — ЭТО ПЫТКА, ЕСЛИ БЫ В НЕМ НЕ БЫЛО МЕССЕРЕРА».

АЛЕКСАНДР ТРЕПЛЕВ ОБ АМЕРИКАНСКОМ СПЕКТАКЛЕ ПО ЧЕХОВУ: «И ЭТОТ ДАЙДЖЕСТ ОНИ РИСКНУЛИ ПРИВЕЗТИ В МОСКВУ!»

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

«У НЕГО БЫЛ БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ ГОЛОС. НО СЛУШАТЕЛЕЙ ЭТО НЕ СМУЩАЛО». ДВА ОДЕССКИХ ЛИТЕРАТОРА ВСПОМИНАЮТ О ПОЧТИ ЗАБЫТОМ ПЕТРЕ ЛЕЩЕНКО.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ГАЛЕРЕИ СТРАНЫ

«ДАВ ГАЛЕРЕЕ СВОЕ ИМЯ, Я НЕСУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВСЕ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЕЕ СТЕНАХ»,— УТВЕРЖДАЕТ МАРАТ ГЕЛЬМАН.

ЗАКУЛИСЬЕ

КЛАСС МЕССЕРЕРА

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

Люди, одетые странно и разно, ходят по просторному залу, одну из стен которого занимает огромное зеркало в черной раме. И они глядятся в это зеркало, то принимаясь вращаться на одной ноге, то приняв позу и долго смотря на себя, как бы исследуя, все ли правильно в линии руки и бедра. Бродят по залу черные, в обтяжку, трико, гуляет желтая борцовская куртка, прохаживаются халат синий и халат полосатый...

Маленькая балерина со смуглым личиком и падающей на лоб смоляной челочкой стоит, положив вытянутую ногу на идущую вдоль стены деревянную палку, и беседует бойко с молодым человеком, у которого в вырезе трико густая мужская шерсть.

Другая балерина, в брезентовых красных шароварах, стоит, накинув на плечи полотенце, отрешенная, как статуя.

Молодой танцовщик падает на колени перед зеркалом и бьется головой об пол, не забывая смотреть, как это у него получается. Другой, длинноволосый, лысый, наступает и отступает, раздувая и сдувая грудь, угловато раскинув руки в стороны,— разъяренный паук.

У мужчин здесь рельефные тела, и ходят они щеголеватой походкой, как бы все время думая о своей красоте и о том, чтобы носок был оттянут. Худоба женщин восхитительна — у них тоненькие ножки, и кажется, что их можно поставить на ладонь, как статуэтку! Торчат ключицы и локотки. Все остальное втянуто внутрь.

Это балетный класс без десяти минут одиннадцать утра. Таков он сегодня, таков был вчера и будет завтра. Праздник, полет, овации и букеты цветов — это не здесь.

Медленной походкой идет по коридору к белым дверям класса Асаф Михайлович Мессерер. Походка его неспешна — маленькие ноги совершают одинаковые шажочки, а на лице у него всегда улыбка. Он улыбается не кому-то одному и не кому-то отдельно — идя по коридору, он излучает улыбку в пространство, согревая ею, как теплом, всех встречающихся на пути.

Когда Мессерер медленно идет по коридору, его обгоняют молодые люди в трико и девушки в пачках: «Здравствуйте, Асаф Михайлович!» Направо, налево улыбается он. Он не ускорит шага. В нем есть ровная, спокойная радость бытия. Вся жизнь его принадлежит классу и тем людям, что приходят туда. У него много времени. Целый день. Дав класс, он начинает думать о том, что будет делать в классе завтра. Мысли его так же неспешны, как его шаги.

Он стар. Он начал танцевать в начале века. Он видел десятки прекрасных танцоров и танцовщиц. Он ученик Горского. Бежар ходил к нему в класс, когда был в Москве. «Гранд опера» приглашала его аттестовать своих танцоров. Он знает, что такое удача, судьба и благоволение балетмейстера-постановщика. И он любит всех — всех детей Терпсихоры. Из-за толстых стекол очков он с улыбкой глядит на них.

* * *

Можешь ли ты тысячи раз подряд сделать гранд-плие со всей возможной любовью? Способен ли ты находить в третьем арабеске драму души? Эти позы — буквы в алфавите танца: способен ли ты самозабвенно любить алфавит и петь его каждое утро по часу? Способен ли ты каждое утро годы подряд растягивать один и тот же мускул и чувствовать одну и ту же боль? Способен ли ты все катить и катить камень на вершину и любить и вершину, и камень?

«Это только снаружи балет — сплошной праздник»,— говорит Мессерер.

Балет изнутри — это маленькие, тесные лестничные клетки, где у урн курят танцовщики в трико. Балет изнутри — это тесные душевые, втиснутые в коридоры Большого театра, ибо Бове не предусмотрел того, что сильфидам и принцам нужно будет смыть пот после спектакля. Это не очень чистые туалеты, дверь в дверь граничащие с классом. Балет изнутри — это крошечный буфетик для артистов, где балерины едят на обед прозаические сосиски. Балет изнутри — это класс, который можно было бы назвать ежедневной пыткой, если бы в нем не было Мессерера.

«Там Бежар-балетмейстер»,— говорит он о всемирно известном балете «XX век» так, как крестьянин мог бы сказать о соседнем хуторе: «Там Иван-староста...» Весь балетный мир для него что близкая округа: о знаменитом испанце Греко он говорит, что тот «лихой танцовщик»; брюссельский балет он помнит в его начале, в шестидесятые годы, когда вел там класс: «У них был сарай для занятий, который потом развалился». Танец модерн, авангард американца Мерса Каннингема — ко всему он относится с равным доброже-

лательным интересом и спокойствием: «И это вполне грамотно... Разные есть школы. Но классическая школа танца дает настоящее многообразие движений. Это как латынь в медицине — всемирный язык. Классический танец вобрал в себя лучшее из национальных школ: много движений французских, прыжки-антраша пришли из Испании...»

«В их танцах прыжки невысокие, по полу, в длину»,— говорит он, например, о технике испанского танца. «Очень много заносок-антраша. Есть антраша — трис, кварте, сикс, то есть три, четыре или шесть движений. Испанцы это часто делают. Теоретически есть еще антраша-дис — десять движений в прыжке. Но это уже колоссальное антраша. У испанцев я такого не видел». «А у кого-нибудь видели? Был ли в мире такой танцовщик...» «Нет, ни у кого не видел...— с добродушной усмешкой отвечает он.— Только я один и делал...»

* * *

В классе он ходит по кругу, заложив руки за спину, наклонив голову к плечу, говоря все время что-то ласково и негромко. Он объясняет, картавя, помахивая ручкой и ножкой, обутой в черную балетную туфлю. Он не смотрит, слушают ли его. Он никогда никому не делает никаких замечаний. Объяснив, махнет рукой и пропоет, глотая согласные: «И — паажааста!»

«Это только кажется, что я ничего не вижу! — говорит он с добродушной хитрецой.— Это постороннего человека они могут обмануть, но не меня. Я все вижу». Вот молодая балерина перестает заниматься, стоит, когда все гнутся, затылками касаясь пола. «Она недоделывает — почему? Вечером у нее спектакль...» Вот танцовщик в желтой борцовской куртке делает упражнение так, как будто хочет избавиться от него поскорее: «Эти поездки за рубеж... Каждый день они там выступают. Они приезжают совершенно разбитые». И, кроме того, он знает их всех много лет: «Они все сознательные. Каждый актер должен сам знать, что ему нужно».

«Класс — это не просто набор движений. Есть тема и логика развития. Например, я беру тему кабриоль, или тему жете, или со де баск...» И вот он прибавляет одно движение к другому, включая в работу постепенно все больше и больше мышц. Ступня, и кисть, и бедро, и спина — он для всего придумывает свое движение. «В середине я перехожу с ноги на ногу». Он никогда не даст полную нагрузку, относясь к солистам и прима-балеринам бережно, как к детям: «Лишнее может им повредить. Главное — чувство меры. Я все это на своих ногах испытал. Я стараюсь беречь ноги актера...»

«Некоторые педагоги любят кричать, энергию прилагать,— говорит Мессерер со смешком, этим смешком как бы показывая беззлобно, но вполне определенно, что он думает о балетных бонапартах.— Не думая требовать — это опасно. Класс должен успокаивать». И сам он всей своей округлой маленькой фигурой, голосом и улыбкой действует успокаивающе на людей, пришедших к нему, как бы примиряет их с жизнью и с работой тем, что сам он примирен с жизнью.

Из-за толстых линз мудро и улыбчиво глядят на них его глаза — глаза человека, уже давно утолившего свое честолюбие, уже давно познавшего удачи и неудачи. Он уже по ту сторону славы и сцены, а они еще по эту, они еще болеют тем, чем он давным-давно переболел и о чем он давным-давно знает, что все это не так страшно и важно, как им сейчас представляется. Для них класс — однообразная ежедневная работа. Для него класс — итог жизни, суть балета. В классе нет всего того, что преходяще и шумно,— публики, славы, амбиций. Им кажется, что без этого нет балета, а он знает про себя, что без этого, может быть, в балет приходит дух подвижничества.

И именно потому, что он ни от кого ничего не требует, они слушаются его, как дети, веря в его опыт и доброту.

«Спасибо, Асаф Михайлович!» — говорят ему тихо и смиренно самоуверенные красивые танцовщики, покидая класс. В эту секунду, благодаря его кивком головы, они заглядывают в себя и видят свою жизнь без мишуры славы — не дети судьбы, а работяги сцены... Они одеты в теплые халаты и кланяются церемонно, как японцы. Часто он, занятый, не видит их благодарности, но они все равно благодарят его и кланяются ему. А Вячеслав Гордеев, сказав: «Спасибо, Асаф Михайлович!» — не уходит, стоит, ждет, ловит взгляд в свою сторону, чтобы повторить поклон и увидеть в ответ его улыбку.

* * *

Утром по дороге к театру, ровно и медленно шагая по Пушкинской улице в своем неизменном черном берете, он еще раз обдумывает класс.

КРАТКИЙ КУРС

26 ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОИСКАХ ЗРИТЕЛЯ

Американские актеры Шарон Гэнз и Джордан Чарней на сцене МХАТа за два часа сыграли всего Чехова. В зале на 200 мест аншлага не было. После антракта его не было еще больше.

Везти Чехова в Москву — все равно что пшеницу в Канаду: качество должно быть необыкновенным. И действительно, «Чеховский концерт» в исполнении двух американцев можно назвать «необыкновенным концертом».

Шарон и Джордан разыгрывают эпизоды из «Чайки», «Дяди Вани», «Трех сестер» и «Вишневого сада». Исполнителей двое, а действующих лиц — 26: Аркадина, Нина, Соня, Мария Васильевна, Ольга, Ирина, Раневская, Маша (из «Чайки»), Маша (из «Трех сестер»), Наташа, Сорин, Константин, Ваня, Андрей, Гаев, Фирс, Медведенко, Дорн, Астров, Чебутыкин, Лопахин, Тригорин, Тузенбах, Трофимов...

Может быть, я кого-то пропустил, но в данном случае это легко объяснимо. Переходы из образа в образ американцы совершали с легкостью необыкновенной. И хотя для каждого персонажа был придуман опознавательный знак, но говорили все братья и сестры по-американски; и все сливалось и кружилось, как маски в вальсе в разгар маскарада.

Чтобы зрители понимали, кто именно в данный момент перед ними,— в программке перечислены все номера по порядку. Кроме того, изображая 80-летнего Фирса, актер наматывает шарф, а 20-летнего Треплева играет без шарфа. Раневская надевает черный передник и превращается в Соню. Жаль, Константин Сергеевич Станиславский не дожил — не увидел, какой легкости достигло актерское перевоплощение.

Для полного счастья мелькнули сам Антон Павлович и сама Ольга Леонардовна. Ольга зачитала пару писем к Антону. А Антон принял участие в «Докторском квартете»: Дорн, Астров, Чебутыкин, Чехов.

В «Чеховском концерте» (для удобства восприятия) персонажи скомпонованы не только по профессиональной, но и по родственной принадлежности. Так, одно из отделений концерта называется «Братья и сестры», другое — «Матери и дети». Тут, правда, в наличии некоторые недоразумения. Понятно, когда в «Братьях и сестрах» исполняются диалоги Ольги и Андрея, Раневской и Гаева. Но как в этот раздел угодили дядя Ваня с племянницей Соней? Тот же дядя с мамой? Молодые влюбленные Костя и Нина? Видимо, так же, как в раздел «Матери и дети» угодили супруги Наташа с Андреем и — что абсолютно невероятно — аристократка Раневская и холопский сын Лопахин.

Подозреваю, что создатели сценического дайджеста не предполагали показывать его в России. А доверчивым американским школьникам наши тонкости невдомек.

Прежняя, с доперестроечных времен не разгаданная тайна: кто и по каким критериям отбирает на Западе спектакли и зовет их в Москву, в Москву, в Москву? Может быть, разгадку знает Анатолий Смелянский, обозначенный в программке как профессор и научный консультант. Последняя деталь отдает не столько чеховским психологизмом, сколько булгаковской чертовщиной, в которой Смелянский замечательный и остроумный специалист.

Если мы хотим соблюдать правила хорошего тона в культурном обмене, следовало бы попросить двух не слишком занятых мхатовцев организовать по тому же принципу «Шекспировский концерт» и отправить их в Америку. А лучше — в Англию. Там, на родине Шекспира, успех гарантирован. Ведь британцам будет ужасно приятно, что в далекой России знают и любят Вильяма.

Александр ТРЕПЛЕВ

Александр ГАЛЯС, Владимир ГРИДИН

ЛЕГЕНДЫ И ПРАВДА О ПЕТРЕ ЛЕЩЕНКО

«ЧУБЧИК КУЧЕРЯВЫЙ»

Петр Константинович Лещенко умер в бухарестской тюрьме. По одной версии — объявив голодовку, по другой — отравившись консервами. Громкая слава певца была расчетливо скомпрометирована сталинско-брежневской эпохой. Подробности его жизни канули в Лету или искажены в недобросовестных пересказах. От Лещенко остались по преимуществу версии, слухи, легенды, невнятное ощущение скандала. Но есть еще шанс отыскать правду.

Так выглядел Петр Лещенко в начале 30-х годов.

Петр Лещенко и Вера Белоусова. Быть вместе им осталось всего несколько месяцев. Публикуется впервые.

Петр Лещенко с сыном Игорем на даче. Фото 1936—37 гг. Публикуется впервые.

Такая фотография продавалась перед концертами Петра Лещенко в Одессе в 1942 году.

«...ИМЕЕТ ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПЕРЕД РОДИНОЙ»

В Гостелерадио до недавнего времени существовал (и никем официально не отменен) список деятелей культуры, чьи голоса и произведения ни в коем случае не должны были звучать по каналам вещания. Поразительно много в этом списке артистов эстрады: в основном за счет тех, кто покинул страну в начале семидесятых,— Эмиль Горовец, Лариса Мондрус, Нина Бродская, Жан Татлян... Встречаются, правда, и нелепости: в списке значится Вадим Мулерман, не только никуда не уезжавший, но и удостоенный примерно в то же время звания заслуженного артиста. Выяснилось, что артист имел неосторожность поссориться со всемогущим тогда председателем Гостелерадио С. Г. Лапиным, и этого оказалось достаточно, чтобы строптивому певцу на 17 лет закрыли доступ к эфиру.

Но был еще один эстрадный певец, по странной случайности не попавший в «секретный» список, но столь одиозный, что, видимо, само собой подразумевалось, что никогда, ни при какой погоде его голос не может звучать на всю страну,— Петр Лещенко.

Кажется, не было большей хулы, чем сравнение с песнями Лещенко: они символизировали собою пошлость, похабщину, дурновкусие. Александр Галич рассказал в своих воспоминаниях, как смертельно обиделся А. Вертинский, когда некая дама непроизвольно поставила его имя рядом с именем Петра Константиновича. Г. Козинцев писал в своем дневнике о «белогвардейском сексуальном голосе Лещенко»... Впрочем, это еще полбеды: певцу приписывалось и идеологическое отщепенство, и прямое предательство Родины.

Уже упомянутый С. Г. Лапин отвечает коллекционеру Ю. М. Дюкареву, предложившему использовать в радиопрограммах записи песен в исполнении Вадима Козина и Петра Лещенко, таким письмом: «При всем уважении к Вашим взглядам на значение этих двух певцов (один из которых, несомненно, имеет тяжкие преступления перед Родиной, а о виновности другого я не берусь судить) мы не видим оснований популяризировать их творчество в радиотелевизионных программах... Сотрудники наших музыкальных редакций, люди, как правило, окончившие консерваторию, хорошо подготовленные в музыкальном отношении, также не видят необходимости в том, чтобы популяризировать Петра Лещенко и Вадима Козина по каналам телевидения и радио. Думаю, что у них есть достаточно оснований для такой позиции» (письмо от 14 марта 1977 г. Исх. № 1-9-25).

О каких же «основаниях» писал председатель Гостелерадио? Сразу заметим, что в отношении В. Козина он, что называется, дал маху (точнее, не сам С. Г. Лапин, а его сотрудники, готовившие ответ, «люди, хорошо подготовленные в музыкальном отношении»), ибо к тому времени уже вышел в свет второй том фундаментального исследования ВНИИ искусствознания «Русская советская эстрада. Очерки истории»,

где В. Козин характеризовался как «самый выдающийся» из певцов, получивших известность в предвоенное десятилетие. Что же касается Петра Лещенко, то, потребуй Лапин от своих сотрудников предметно указать «преступления» певца, боимся, они стали бы в тупик. Разве что можно было сослаться на писателя М. Пархомова, который в своей книге «Черные дьяволы», посвященной обороне Одессы, удостоил артиста таким абзацем: «А в это время в далеком Бухаресте бывший офицер и бывший русский, а ныне кафешантанный певец Петр Лещенко уже укладывает чемоданы, чтобы открыть в Одессе собственное «заведение». Сей пассаж замечателен тем, что буквально в одной фразе удалось собрать воедино всю грязь.

«И ЛЬЕТСЯ ПЕСНЯ СВОБОДНО, ЗВОНКО...»

При большом желании отсчет «преступлений» Петра Лещенко можно начать с 1905 года — в это время в своем родном селе Исаеве (четыре часа езды от Одессы) он выступал перед казаками, присланными для усмирения крестьянских бунтов, за что и получал «гонорар»: котелок каши да буханку хлеба. Ему было в ту пору... семь лет. Правда, «творческий стаж» исчислялся уже довольно солидным сроком, с трех лет звонкоголосый мальчишка поет в церковном хоре. Он набожен, музыкален, мать — неграмотная крестьянка, рано оставшаяся без мужа. Хлеб от казаков — солидная прибавка в семейном бюджете. Позднее, когда мать вторично выйдет замуж (помянем добрым словом отчима Алексея Васильевича Алфимова: он подарил пасынку гитару), семья переедет в поисках лучшей доли в Бессарабию, окажется в Кишиневе, и там юноша станет певчим архиерейского хора под руководством отца Михаила Березовского. Возрастная мутация голоса заставит его «сменить амплуа»: пятнадцать лет, по существу, половину своей творческой жизни, он будет танцевать, сперва один, потом вместе с женой — выпускницей парижского хореографического училища Зинаидой Закит, пока не обретет свое истинное призвание.

В 1917 году артист попадает в школу прапорщиков, как о том свидетельствует заметка, помещенная в «Вечернем Кишиневе». Из-за продолжавшейся войны тогда призывали юношей досрочно. Он надел офицерский мундир. Но была ли то форма белого офицера, которую ему потом так упорно и многозначительно ставили в вину?..

В 1918 году боярская Румыния отторгнула Бессарабию у молодой и слабой Советской республики. Сотни тысяч русских людей невольно оказались «эмигрантами без эмиграции». Среди них была и семья будущего певца.

Правда, в том же Исаеве нам поведали о факте, как будто бы подтверждающем «вину» Петра Лещенко. В годы гражданской войны в село прибыл деникинский кавалерийский полк, а с ним — ротмистр с прекрасным баритоном, который выступал в помещичьей усадьбе. И вот этого ротмистра вроде бы звали Петр Лещенко. Но все дело в том, что певца Петра Лещенко в ту пору... не существовало в природе. А был танцор Петр («Петруччо»)... Мартынович. Да, именно такова, как поведали нам люди, близко знавшие артиста — певица Алла Николаевна Баянова и музыкант Борис Иванович Петко,— настоящая фамилия Петра Лещенко. И до начала тридцатых годов он выступал именно как Петр Мартынович, о чем свидетельствует фоторепродукция старой афиши.

Эстрадный певец Петр Лещенко «родился», если судить по воспоминаниям его коллеги и товарища, популярного исполнителя 30-х годов Константина Сокольского, в Риге в 1930 году. Причина «переквалификации» была весьма прозаической: жена забеременела, и дуэт «Петруччо и Розина» вынужденно распался. Петру и прежде, дабы заполнить паузы в концертах, пока жена меняла костюмы, доводилось брать в руки гитару, а тут обнаружилось, что у него приятный, хотя и небольшой, голос, к тому же удивительно «фоногеничный», что в эпоху распространения звукозаписи становилось важнейшим достоинством.

Не случайно рождение певца Петра Лещенко произошло в латвийской столице: здесь жили его друзья, а в будущем авторы — композиторы Оскар Строк и Марк Марьяновский. Именно им принадлежат шлягеры, составившие «имя» певцу. Записанные на пластинках рижской студии «Белаккорд», эти песни расходятся буквально по всей Европе, принося неожиданную славу их исполнителю. К тому времени артист с семьей уже постоянно живет в Бухаресте, открывает свое «дело»: сперва небольшой ресторан «Наш домик», а в 1935 году, когда его «звезда» взошла высоко после выступления по английскому радио,— фешенебельный ресторан «Петр Лещенко», где и выступает практически ежевечерне. «Кафешантанный певец»? Не будем торопиться...

Отношение к артистам, выступающим в ресторанах, у нас и на Западе очень несхоже. В России ресторан чаще всего ассоциировался с кабаком, и это представление переносилось на артистов: ресторанные певцы, танцоры, куплетисты всегда считались сродни артистам «второго сорта». Александр Вертинский, которому посчастливилось начать свою эстрадную карьеру сразу со сценических подмостков, вспоминал, как мучительно тяжело было ему в первые годы эмиграции выходить к ресторанной публике, каким усилием воли приходилось преодолевать отвращение и ненависть к «жующим и чавкающим».

На Западе — по-иному. Борис Рубашкин, певший в Зальцбурге (на родине Моцарта) ведущие партии мирового оперного репертуара, отнюдь не гнушался выступать после спектакля на эстраде местного русского ресторана с «пресловутыми» «Муркой», «Чубчиком» и т. п. «Я как-то смотрел один советский фильм,— с юмором рассказывал Б. С. Рубашкин одному из авторов этих строк,— и там была сцена в ресторане. Бутылки водки повсюду валяются, пьяные полуголые цыгане бродят... Я потом спросил у режиссера: где он такое видел на Западе? Я бы многое отдал, чтобы он мне показал этот ресторан...»

«Заведение» Петра Лещенко славилось скорее строгостью нравов: аккуратный зал с дансингом и небольшой эстрадой посередине, столики — по углам, на них — настольные лампы с разноцветными абажурами. Это создавало почти домашний уют, во время представления входить и выходить из зала просто-напросто строго воспрещалось. И никому не приходило в голову сей запрет нарушать: публика в ресторане Лещенко собиралась «отборная». Цвет русской эмиграции (достаточно многочисленной в Румынии), местная интеллигенция, некоторые члены королевской фамилии, иностранные гости, привлеченные русской экзотикой (ресторан был оформлен в стиле «грандрюсс») и, конечно же, именем владельца и главного солиста. Чтобы услышать его полуночное выступление, соглашались платить за еду и напитки едва ли не в пятикратном размере по сравнению с обычными ценами: престиж важнее!

Что же привлекало в песнях Лещенко, зачастую не блиставших особыми поэтическими и музыкальными достоинствами? Размышляя над этим же вопросом на примере песен Анастасии Вяльцевой — эстрадной звезды начала века,— известный критик Александр Кугель проницательно писал: «Разумеется, те, кто укорял Вяльцеву за репертуар, были правы. В самом деле, что это за музыка? Бог знает, какая музыка! Секрет успеха Вяльцевой был, однако, не в одной общедоступности и не в одном мещанстве...

Не общедоступность прельщала и обольщала в дешевеньких, как десятикопеечный ситчик, песенках Вяльцевой (говорю о людях с развитым вкусом), а нравилась цельность, естественность пения... Всегда во все времена наибольший успех имели певцы и певицы наиболее элементарного жанра — и не потому, что публика дура (не имеют же такого успеха элементарные музыканты, писатели и художники), а потому, что пение, как язык сердца, неразрывно связано с примитивом».

Не в этом ли причина, что «простые советские люди» полюбили певца-«эмигранта», приняли как своего, невзирая на официальные запреты. Характерный штрих: герои рассказа И. Ильфа и Е. Петрова «Тоня» (ранняя редакция), возвращаясь из-за границы, слушают в поезде пластинку с записью П. Лещенко и сокрушаются, что на таможне ее все равно отберут. Но всетаки песни Лещенко попадали в Советский Союз. Особенно много его пластинок появилось в 1940 году, когда в состав СССР вошли Бессарабия и Прибалтика. Тем не менее цены на них росли: на знаменитом одесском «толчке» диск с портретом певца на плотном картонном футляре стоил до 300 рублей (для сравнения, бутылка водки стоила тогда 6 руб. 05 коп.).

Но не только одесситы сходили с ума от любви к запрещенному певцу. Харьковчанка Людмила Гурченко вспоминает в своей книге, как в конце войны пела она своим землякам и солдатам, возвращавшимся домой, наряду с любимыми народом «Землянкой», «Синим платочком» лещенковские «Татьяну» и «Чубчик кучерявый». Популярность этих песен была столь велика, что на одном из предвоенных секретариатов Союза писателей А. Сурков озабоченно говорил, что у «врага» Лещенко есть чему поучиться по части пропаганды своих сочинений. Вообще если у абсурда могут быть рекорды, то вот один из них: пластинки с записями песен Лещенко издавались на четырех континентах, буквально во всех цивилизованных странах, кроме той, которая была его Родиной. Между тем никогда, ни в одной песне, ни в одном высказывании певец не допустил ни одного выпада против Советского Союза. Он вообще был крайне далек от политики, весьма слабо в ней разбирался. Но всетаки политика настигала его...

В 1936 году в русскоязычной Бессарабии начинается «румынизация»: в массовом порядке закрываются русские газеты, школы, клубы, даже больницы. «Говорить только по-румынски» — этот грозный плакат висит во всех учреждениях. Кажется, единственным центром, где постоянно продолжала звучать русская речь, остался в те годы ресторан Петра Лещенко. Более того, артист регулярно включал в свой репертуар и песни советских авторов, в первую очередь И. Дунаевского. Существует знаменитая запись «Песни о Родине» («Широка страна моя...»), в которую артист внес характерное изменение: вместо «всенародный сталинский закон» он пел «всенародный строгий всем закон». (Любопытно, знал ли об этом Вождь?!) Правда, «на всякий случай» эту песню артист записал не в Румынии, а в Югославии. Такое положение вещей едва ли устраивало правительство Антонеску и лишь заступничество членов королевской фамилии (по некоторым сведениям — матери короля Михая) спасало ресторан Лещенко от закрытия. Опасность репрессий постоянно витала над «заведением». Кто знает, не это ли обстоятельство, совпав с личной драмой, и заставило Петра Лещенко принять, как нам думается, самое ответственное решение в своей жизни: приехать в оккупированную Одессу? Как бы то ни было, но это был роковой шаг.

«ЭТО БЫЛО В ПРЕКРАСНОЙ ОДЕССЕ»

Двухлетнее пребывание Петра Лещенко в Одессе — самый запутанный для исследователя период его жизни. Нам писать об этом в чем-то легче: один из нас, двух авторов, юношей оказался в оккупации и волею судьбы попал в круг людей, близких к Лещенко, многое видел сам, еще больше узнал из рассказов.

Началось с афиши: 19 января 1942 года в помещении Оперного театра состоится выступление «знаменитого, неподражаемого исполнителя русских и цыганских песен, романсов, танго и фокстротов, прошедших с успехом по всей Европе и напетых на пластинках фирмы «Колумбиа». Была открыта продажа билетов, но столь же внезапно в газете появилось краткое сообщение, что концерт отменяется — без объяснения причин. В Одессе в начале 1942 года прокатилась волна террора, связанная с созданием еврейского гетто и попытками расправиться с партизанским подпольем, обосновавшимся в катакомбах. Певец счел разумным отказаться от гастролей в такой тревожный час.

Он приехал в Одессу позже, в мае. Первый концерт состоялся в помещении Русского театра. Перед поклонниками, в избытке, несмотря на обстановку оккупации заполнившими зал, он предстал таким, каким был изображен на афише: в расшитой косоворотке, в сапожках, с гитарой. Невысокий, коренастый, со скуластым горбоносым лицом и глубоко запавшими грустноватыми глазами, он выглядел почти стариком, хотя от роду было ему в ту пору 44 года. Оркестр сыграл вступление и... пораженные слушатели услышали румынскую песню. Потом выяснилось, что таково было категорическое требование военной администрации: начать концерт песнями на румынском языке. Правда, Лещенко не был бы артистом, если бы не попытался обыграть эту щекотливую ситуацию: начал свое выступление с романса «Село, в котором я родился», как бы намекая на родное Исаево... А дальше уже пошли хорошо знакомые одесситам шлягеры. Завершил певец свое выступление «фирменным» «Чубчиком». Кто сидел ближе, видел, что в глазах артиста стояли слезы: это был, по сути, первый концерт на родной земле...

В Одессе он попытался осесть прочно: открыл свое «дело» — ресторан, где выступал дважды в неделю. В такие вечера попасть в помещение можно было лишь по специальным пропускам. Рассказывают, что этим пользовались одесские подпольщики, порою проводившие свои конспиративные встречи за уютными столиками в зале: лещенковский «Норд» посещала вся верхушка румынской администрации, охрана обеспечивалась на высшем уровне. Скорее всего это очередной «миф», но характерна его подоплека. Если дово-

енные слухи приписывали артисту такие грехи, как «белогвардейщина» и «белоэмигрантщина», то молва военных лет, напротив, утверждала, будто Лещенко чуть ли не помогал партизанам. В это, однако, трудно поверить. Одно несомненно: держа нейтралитет в отношении подполья, он не опускался и до потворства оккупантам, категорически отказываясь участвовать в разного рода «пропагандистских мероприятиях», призванных возвеличить «новый порядок». Что греха таить, были в Одессе и поэты, и композиторы, не брезгавшие прославлять «Великогерманию», «великофюрера», «Русскую освободительную армию» и проч. Концерты, где исполнялись их произведения, широко рекламировались, и, естественно, румынской администрации было крайне желательно, чтобы их «освятил» своим участием такой популярный артист. Но мягкий Лещенко проявлял непреклонность...

И вдруг осенью 1943 года Лещенко внезапно исчез из города, а месяца через три-четыре объявился в... форме румынского офицера. Это неожиданное превращение изумило одесситов, тем более что сам артист резко обрывал все разговоры на эту тему. Лишь потом стало известно: ищите женщину!

В Одессе Лещенко познакомился и близко сошелся с девятнадцатилетней красавицей певицей Верой Белоусовой. Этой последней любви певца мы обязаны добрым десятком милых мелодий, и трудно поверить, в какой атмосфере рождались они на свет. Все было против этой любви: время войны, обстановка оккупации, разница в возрасте (двадцать пять лет!), скептические ухмылки знакомых (связался черт с младенцем)... Но, как известно, препятствия нередко лишь укрепляют чувство. Тогда в бой вступила «тяжелая артиллерия»: Зинаида, с которой они давно уже жили порознь, прослышав об одесской «пассии» мужа, не замедлила приехать. А когда «переговоры» ничего не дали, устроила так, что Лещенко призвали на воинскую службу (в сорок-то пять лет!). Ему еще повезло: румынский генерал, к которому артиста назначили адъютантом, узнав подробности о своем новом подчиненном, распорядился вернуть Лещенко в Одессу. Тем не менее певцу еще несколько месяцев пришлось носить ненавистную форму, отбиваясь от навязчивых вопросов...

Но даже такие осложнения не заставили его отказаться от юной избранницы. Тогда Зинаида пригрозила, что в случае развода отсудит себе и ресторан, и квартиру в центре Бухареста. Так и случилось... Став почти нищим (одесский ресторан пришлось продать ввиду призыва в армию), он обрел свободу и наконец-то смог обвенчаться с возлюбленной. Церемония состоялась в маленькой церквушке на Староportoфранковской...

В последние месяцы пребывания в Одессе Лещенко дал несколько концертов. Но как изменилась их атмосфера! Однажды в клубе на Старорезничной, вблизи знаменитого Привоза, публика попросту оборвала его, когда артист начал, как водится, с румынских вещей — и не помогли объяснения и оправдания. Когда в город вошли советские войска, на улицах еще можно было видеть обрывки лещенковских афиш — все, что осталось от пребывания в России...

«ВЕЙСЯ, ВЕЙСЯ, ЧУБЧИК КУЧЕРЯВЫЙ...»

Ничего не оставалось, как вернуться на свое бухарестское «пепелище». Поселиться с женой пришлось у матери, и можно представить, что испытывал артист, слыша за спиной презрительное: «Коммунистку привез!» Потому с такой надеждой бросился он к тем, кто в конце августа 1944 года на броне танков вступил в румынскую столицу. Русская эмиграция в большинстве своем искренне приветствовала «своих» — офицерские погоны так напоминали старую военную форму. Лещенко также поддался патриотическому порыву. Он быстро вошел в круг советских военных, предлагал свои услуги в организации концертов, хотя поначалу его усердие встречалось с подозрением. Первые выступления артиста проходили в какой-то странной атмосфере: зрители — солдаты, офицеры — очень долго никак не реагировали — ни единого хлопка! Лишь к концу концерта удавалось их расшевелить. Оказалось, кто-то распорядился: «Лещенко не аплодировать!» Но ведь аплодировали: искусство сильнее приказов.

Композитор Марк Фрадкин рассказывал, как однажды он столкнулся с Петром Лещенко в Бухаресте. Узнав, кто перед ним, певец пытался объяснить ему, почему он здесь и как хочет вернуться на Родину. «А я молчал,— много лет спустя сокрушался композитор.— Да и что я мог сказать, если рядом стоял человек из СМЕРШа?»

Отношение к артисту изменилось лишь после того, как он выступил перед руководством армии. Сразу стало понятно, что советские люди вовсе не видят в Лещенко «врага». Теперь, по рассказам Веры Георгиевны Белоусовой-Лещенко, разительно изменилась атмосфера концертов:

— Помню, прибежит он с концерта, такой оживленный, радостный! Все время повторяет: какие они симпатичные — н а ш и военные. Мол, это родные, советские люди! И как он был счастлив, что пел для них... Правда, мать предупреждала, чтобы сын не слишком уж обольщался: еще неизвестно, как все обернется. Чуяло, видимо, материнское сердце опасность! О той «счастливой» поре бухарестской жизни Петра Лещенко можно судить по чудом сохранившимся фотографиям, на которых они с Верой сфотографированы в окружении советских офицеров.

Многие наши военные привозили из Румынии пластинки с дарственной надписью. В ту пору фирма «Электрокорд» выпустила новые записи супругов Лещенко: Петр исполнил «Темную ночь», Вера — «Синий платочек», а оба вместе — танго «Любимая». Пусть их концерты проходили большей частью по клубам и паркам, но радовало, что наступает время признания, а с ним — поддержка советских властей. Супругам Лещенко даже была предоставлена квартира по Каля Мошилор, 123. Жить бы да жить!

Петр Константинович пытается вернуться на Родину: пример Вертинского обнадеживает. Александр Кривицкий приводит рассказ о встрече с певцом.

— Как бы я хотел поехать в Москву! — мечтал артист.

— Если не согрешили против Родины, то поедете.

— Нет, нет! — поспешно сказал Лещенко.— Не грешил я. Пел вне политики...

Наивное мнение человека, не подозревавшего, что вскоре — со второй половины 1946 года — и это будет предосудительно, судя по оценке творчества Ахматовой и Зощенко в известных партийных документах. Впрочем, Кривицкий посоветовал ему обратиться с прошением к советскому военному коменданту. И, видимо, поначалу это имело какой-то успех, во всяком случае, Вера Георгиевна рассказывает, что ее муж воспрял духом, посещая разные учреждения и заполняя документы. Хотя его подвыпившие слушатели из военных и таинственных штатских не раз говорили как бы в шутку: «А все-таки лесочек придется порубать!..»

— Но потом все чаще из своих походов он стал возвращаться мрачный,— продолжает Вера Георгиевна.— Я допытывалась, в чем дело, и оказалось: от него требуют, чтобы он ехал отдельно от меня. Да, ему вроде бы разрешают вернуться, а мне — нет. Мол, я понесу наказание — за брак с иностранцем, что запрещалось по закону. Он заступался за меня: настаивал, что поедет только со мной...— Вера Георгиевна со вздохом машет рукой.— Сам себе приговор подписал!

Арестовали Петра Лещенко во время выступления в городе Брашове, носившем тогда имя Сталина. Лишь через полгода пришла от арестованного открытка. А вскоре «забрали» и жену: ее ждал суровый приговор — «вышка», милостиво замененный 25-летним заключением...

Расправа с Петром Лещенко не просто уничтожала «предателя» и «пособника оккупантов». По сути, окончательно вытаптывалась еще одна поросль русской музыкальной культуры. В самом деле... «Король эстрады» А. Вертинский, оказавшись на «мировых задворках» — в Шанхае,— уже не имел прежней славы. Юрий Морфесси перебрался в годы войны в Англию, и дошло до того, что его разыскивали по всей Европе для работы в русском ресторане «Медведь». Во Франции скончалась Надежда Плевицкая, приговоренная по суду как советская шпионка. Изящная Ольга Янчевецкая замолкла в Югославии после оккупации весной 1941 года. Константин Сокольский — в Риге — по той же причине, но уже летом 1941-го. И оставшийся на бухарестской, а затем одесской эстраде Петр Лещенко единственно олицетворял в те годы русскую и цыганскую песню... После его вынужденного ухода с эстрады из славной когорты мастеров русской песни оставался лишь Александр Вертинский, да и тот воспринимался скорее как реликт...

Как рассказывает Вера Георгиевна, им еще раз пришлось встретиться...

— Это было под Бухарестом, в лагере за колючей проволокой. Я увидела его, когда выкликнули его фамилию на поверке,— и сердце упало. Он был худой, с запавшими глазами, в неглаженой, однако чисто выстиранной рубашке. Пока мы стояли друг против друга, я все время плакала, а он повторял: «Я ни в чем не виноват! Я ни в чем не виноват!» Потом успокаивал меня по-отечески: «Не плачь, девочка». А в конце выкрикнул, подняв руку к небу: «Бог, он все видит!..»

О том, что случилось дальше, Вера Георгиевна узнала много лет спустя, по возвращении из лагеря на Урале. Встреченный в Москве бывший скрипач лещенковского оркестра Коля Черешня, игравший у Бориса Ренского, рассказал ей, что «шеф дошел» в бухарестской тюрьме в 1954 году. Умер он не то от голодовки, не то от отравления. Скорее же всего — от язвы желудка: нажил он ее еще во время выступлений в «заведении», вынужденный принимать подношения от богатых клиентов. Так по крайней мере пояснила нам Алла Николаевна Баянова, которая сама работала в ресторане «Петр Лещенко», а впервые увидела своего будущего коллегу на набережной Бейрута, где он прогуливался с женой и обезьянкой, одетой в матроску...

Думалось ли тогда счастливому молодому артисту, чем закончится его судьба?!

Одесса.

ПарКультуры

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ГАЛЕРЕИ СТРАНЫ

МОЕ ДЕЛО

Марат ГЕЛЬМАН

Отношения «Галереи М. Гельмана» и художника — сфера достаточно интимная: очень похоже на семейную жизнь. И в то же время у каждой стороны — жесткий график выставок, поездок, фестивалей, свои связи в мире музеев и коллекционеров. Работа с галереей лишь увеличивает вероятность попадания имени артиста в культурный контекст и дает средства к существованию. Творческие проблемы и художник, и галерея решают самостоятельно.

Первое время было множество вопросов, касающихся названия. Сегодня, кажется, сомнения рассеялись. Не безликий «СОВ-АРТ» или «РОС-АРТ» — дав свое имя галерее, я персонифицирую ее деятельность. Любая моя активность (не только экспертная) работает на нее. Я несу ответственность за все, что происходит в ее стенах, и, думаю, это вызывает доверие.

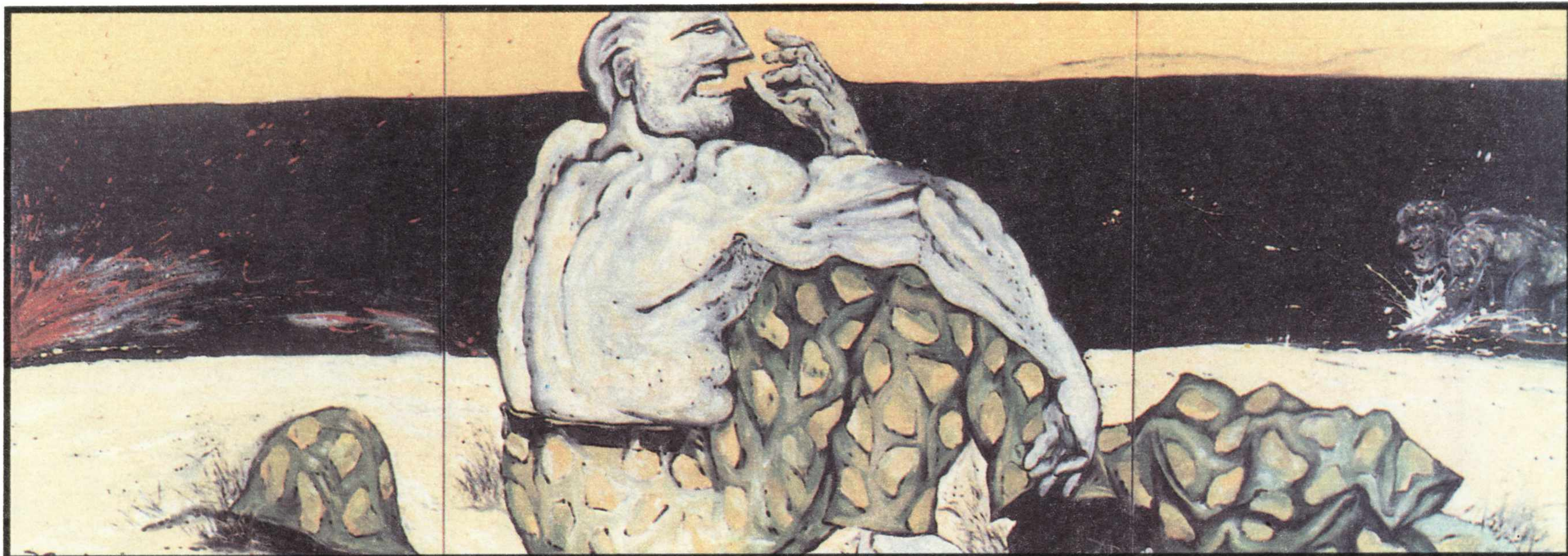
И, наконец, самое для меня важное: я настаиваю на том, что галерея — не место купли-продажи, а некий культурный феномен — наравне с художником, театром, журналом. И лучший способ обозначить эту самоценность — дать ей «человеческое» имя.

Художники, сотрудничающие с нашей галереей,— очень небольшой круг молодых интеллектуалов, хорошо ориентирующихся в современном искусстве, талантливых, имеющих шанс стать заметными в художественной жизни.

С какими проблемами нам приходится сталкиваться? Главная — отсутствие в значительной части общества потребности в современном искусстве. Восприимчивость потребителя основана на механизме распознавания образов, и если иконы и антиквариат ассоциируются с золотом, а арбатский китч «а-ля голландцы» — с экспонатами провинциальных музеев, то современное искусство практически не отрефлексировано. С людьми, уже чего-то добившимися в жизни, мало смысла работать, так как они стремятся закрепить свои достижения в рамках материальных представлений (машина, дом, мебель, еще одна машина), а я выявляю тех, кто на пути к успеху идентифицирует себя с молодостью, гибкостью, стремлением к новому. Помогая этим людям увидеть в современном искусстве то, что повсеместно принято считать прогрессивным, мы вырабатываем у них полноценную реакцию на содержание рынка искусства.

Не буду скрывать, новая галерея среди подобных институтов чувствует себя пока одиноко. В этой связи наше сотрудничество с «Центром современного искусства» — подарок судьбы. Художественная жизнь сегодня не может существовать вне мощного энергетического поля, и ЦСИ его дает. По-моему, это единственная организация, которая профессионально ставит вопросы б ы т и я современного изобразительного искусства.

Отношения с Союзом художников?.. Никаких. Нужно ясно понимать, что галерея (в отличие от СХ) — сугубо профессиональная структура, несущая ответственность за формирование художественной среды и карьеру группы сотрудничающих с ней живописцев, графиков, критиков, а не за судьбы тех десятков тысяч невостребованных художников, будущее которых более чем проблематично.

Юрий Хоровский.
Из серии «СОЛДАТСКАЯ СЛАВА».

ОГОНЁК

Guelman
gallery

Gg

Александр Ройтбурд.
«ВО ВЛАСТИ МАТЕРИ БОГОВ».

Валерий Кошляков.
«КОЛИЗЕЙ».

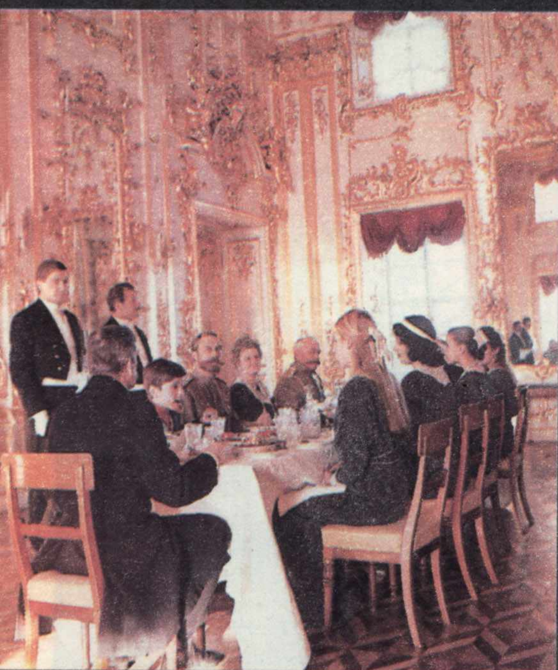
Арсен Савадов и
Георгий Сенченко.
БЕЗ НАЗВАНИЯ.

Андрей Медведев.
«ДЕВОЧКА И ИДОЛ».

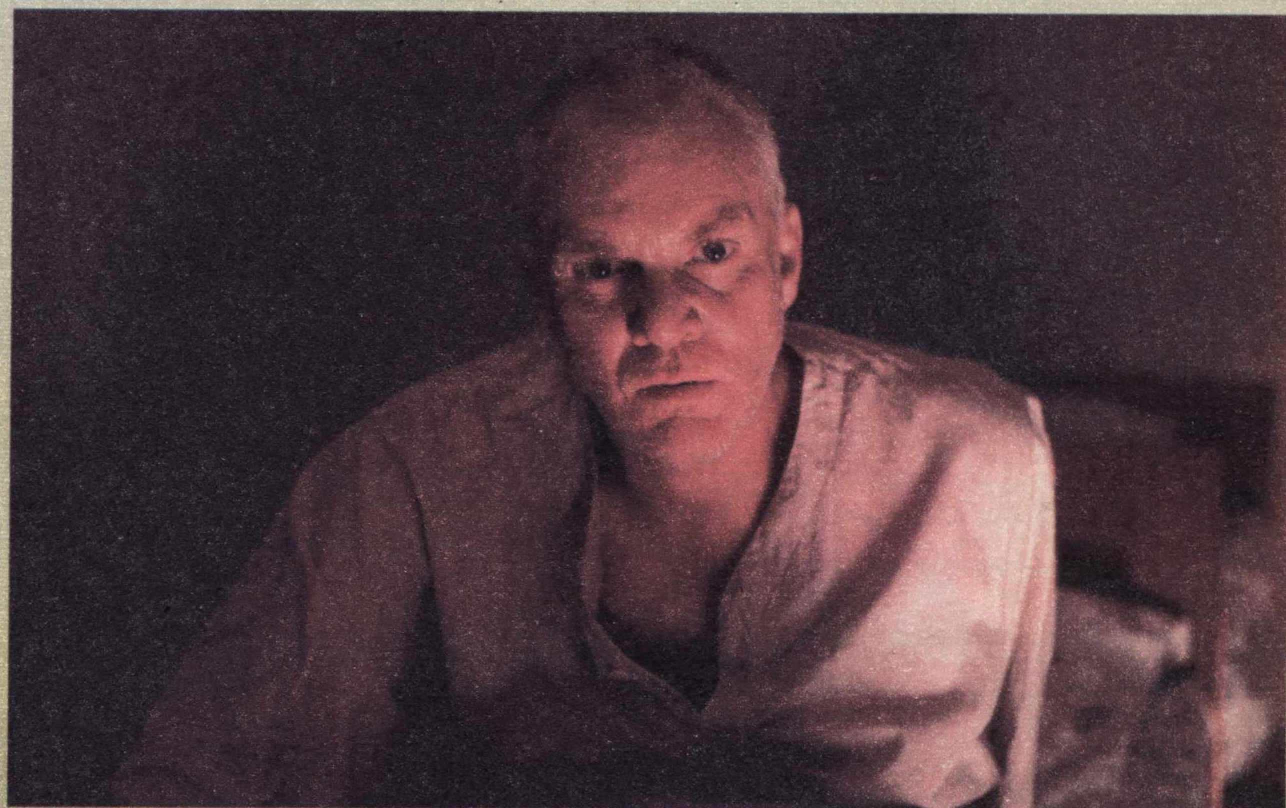

«ЦАРЕУБИЙЦА»

Ну, разумеется, это КИНО.

Фото **А. ПАШВЫКИНА**

То есть никак не хроника. Хотя, несмотря на цвет, до жути похоже на заснятые с садистской страстью подробности злодейского убийства царской фамилии. Ну в крайнем случае это кинематографическая иллюстрация к почти детективным повествованиям Эдварда Радзинского или Гелия Рябова. Впрочем, их-то имена в титрах не значатся. В отличие от Александра Бородянского и режиссера Карена Шахназарова.

Честно говоря, начало картины заставило вздрогнуть, нервно дернуться на стуле и вспомнить старика Фрейда. Столичный доктор, наш современник, Олег Янковский, приехавший в провинциальную психиатрическую клинику, увлекается странным случаем: некто Макдауэлл воображает себя сразу двумя цареубийцами (согласитесь, не слабо!). Самоуверенно взявшись вылечить больного, здоровый пока еще врач решает предстать в его путаном сознании в облике сразу двух императоров (круто!). Но глубины подсознательного мстят — он и вправду становится ими. Жертва собственного эксперимента погибает. Дыхание захватывает. Борьба двух воль — параллельные сознания...

«Наверное, это самая сложная из моих картин,— признается Карен Шахназаров,— и, вероятно, будет воспринята критиками неоднозначно».

А критики действительно не стесняются — дескать, пафос заменяет иронию, а суть заслоняется красивыми декорациями. Черное и белое: ангелические образы царской семьи сменяются на экране мефистофельскими образами гнусных большевиков. А местечковые евреи якобы делают р-р-революцию для удовлетворения мелкого честолюбия.

Впрочем, оставим критикам упреки. Фантастическая интрига делает свое дело: пересекаются два исторических пласта — поистине грустная метафора нашего абсурдного времени...

Зрители скажут свое веское слово, когда фильм появится в прокате. А пока перед нами — лишь роскошные картинки...

Т. НАСТИНА

Михаил ЛЮБИМОВ

МОРЖ, ПЛОТНИК И АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ

А Морж и Плотник шли
и шли час или два подряд,
Потом уселись на скале среди
крутых громад,
И Устрицы — все до одной —
пред ними стали в ряд.
И молвил Морж: «Пришла пора
подумать о делах:
О башмаках, о сургуче, капусте,
королях...»
Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

Правда, Морж в спиче, обращенном к доверчивым Устрицам, не нашел места для агентов влияния — в те давние времена такого деликатеса в меню не было, жили — не тужили без агентов влияния, обходились обыкновенными агентами...

Удивительно, насколько пропах шпионством наш нелегкий век, особенно после Второй мировой! Раньше державы тоже смотрели в замочную скважину друг за другом, но и резонов тогда было поболее: о чужих странах знали мало, да и сведения доходили со скрипом из-за слабых коммуникаций. А теперь вместо перекладных и какого-нибудь заезжего купца, который потом доложит таинственно королю, что русские очень любят рыбу, существуют и газеты, и радио, и телевизор, и даже телефон, и раздутые загранпредставительства, и сверхскоростные лайнеры, и очи из космоса зрят, и уже не скрыть, что реакционные бояре недовольны императорской идеей прорубки окна в Европу, и до факса уже додумались, а шпионаж-то, простите, разведывательная деятельность, именно во второй половине этого века достиг колоссальных масштабов, схватились на ковре два исполина — КГБ и ЦРУ, а вокруг усердствуют службы помельче, но от этого еще позадиристей.

Славно написал первый американский посол в США Буллит в 1936 году: «Мы никогда не пошлем шпионов в СССР. Нет оружия столь эффективного в отношениях с коммунистами, чем честность». Тогда он еще не знал, что все его посольство просвечивается насквозь органами, и не представлял, что одна шестая часть суши превратится в оплот целой «мировой системы социализма», опирающейся на боевые отряды национально-освободительного движения. Тогда не предполагал Запад, что наша разведка медленно и незаметно перешла от разложения и истребления ненавистной белой эмиграции к созданию прочных позиций в святая святых западных держав и немало преуспела в этом с помощью Коминтерна и иже с ним.

Многое в полном виде вскрылось уже после войны, заполыхали наши агенты в США, Англии, во Франции, продемонстрировав всему миру, что комдвижение и «левые» стали надежным тайным орудием советских спецслужб. Правда, после кончины первого машиниста локомотива истории кремлевские отцы, опасаясь превращения компартий в фи-

Коллаж Алексея МЕРИНОВА

лиалы нашей разведки за границей, запретили ей работать с собратьями по идеалам, тем самым посадив на черный хлеб и воду. Но круги по воде расходились еще долго. Когда-нибудь благодарные потомки поставят нашей разведке памятник за невольную компрометацию коммунистического движения. Если, конечно, не будет все-таки построен коммунизм во всем мире...

Американцы, наивные дети, не имевшие до войны политической разведки, всколыхнулись, когда вошли во французское и итальянское правительства коммунисты, когда грянули на оккупированных нами территориях Восточной Европы «коммунистические революции» и Северная Корея скромно напала на Южную. А тут еще Насер, брат Карно (Сукарно), камарадо Фидель, бурлящая Африка, где кое-кто жаждал пойти ленинским путем...

ЦРУ, созданное в 1947 году из скромного Управления Стратегических Служб, появившегося во время войны, начало дело с американским размахом и сразу полезло во все дыры, дабы противодействовать энергичному призраку, забродившему по всему миру. Однако в «холодной войне» с социалистическим лагерем условия игры оказались раздражающе неодинаковыми: товарищи Хрущев и Брежнев лобызали и у себя дома, и за границей, где виделось им абсолютное и относительное обнищание трудящихся, товарищей Тольятти, Марше и прочих (а за ними миллионы коммунистов, узревших в СССР оплот нового мира), а тем, кто у нас дома призывал к свободе и демократии на западный манер, оставалось радоваться социализму в лагерях и психушках.

Именно в контексте этой обстановки спецслужбы Запада включились в чисто пропагандистскую работу: ЦРУ начало субсидировать «Свободу» и «Свободную Европу», пошло на политическое сотрудничество с эмигрантскими антисоветскими организациями и развернуло такую глобальную разведывательную деятельность для сдерживания коммунизма, что общая цифра годовых расходов достигла ныне более 30 миллиардов долларов. Что ж, товарищи, за что боролись, на то и напоролись!

Цифру эту обожает цитировать официальный КГБ, умалчивая со свойственной ему в таких случаях блестящей конспирацией, что большая часть этих расходов идет на дорогостоящие техническую и космическую разведки Пентагона и других служб, а не на ЦРУ и ФБР — они-то на себя возьмут миллиардов пять-шесть.

На фоне этих раздирающих сердце 30 миллиардов наш КГБ со своими несчастными 4,9 миллиарда «деревянных» (вместе с пограничниками!) выглядит просто Золушкой, которую обобрал беспечный и небдительный парламент. Отдадим должное составителям цифры и их психологической проницательности: именно 4,9, а не грубое 5, странно, почему не 4 999 999 999? — ведь говорят, что в КГБ перенимают принципы западной рекламы. Не будем спорить с Моржом о цифрах, в конце концов в Советском Союзе все лучше и дешевле.

Но Золушка когда-то была. Я ведь сам помню — светлыми глазами видел и «скороходами» касался,— что почти вся культурная наша организация в конце пятидесятых умещалась в доме № 2, что рядом с гастрономом, где в автоматах лежали копеечные бутерброды — внуки не поверят! — а не в многочисленных зданиях и даже целых загородных комплексах, и никто тогда мечтать не мог о тяжеловесных мраморных (почему не бронзовых?), рассчитанных на тысячелетия счастливого коммунистического царства дворцах, что громоздятся недалеко от памятника вечно железному Феликсу. С ностальгией вспоминаю уютные в своей скромности бюро пропусков и приемную на Кузнецком, задавленные ныне пирамидой фараонов, и молчаливо ожидающих на потертых стульях граждан, зыркающих по сторонам (то ли тайные агенты, потерявшие связь с Центром еще во время братских игр в Чехословакии в 1968-м, то ли доброжелатели с вестью, что у соседа иностранный унитаз).

Даже при отце родном, Иосифе Виссарионовиче, когда органы ух как работали, не было нынешней нечеловеческой раздутости и не сидели чекисты замами и помами и в МИДе, и в ВААПе, и в АПН, и в ССП, и на радио-телевидении, и в Академии наук, и в отелях, и на кадрах... Да где их только нет! Конечно, отец родной мог перекантовать чекиста и на кино, и на сельское хозяйство, и на религию для большей ее духовности, но все же он блюл заветы классиков и помнил предостережения ненавистного, за что и убиенного Льва Давидовича по поводу растущей как грибы советской бюрократии. Даже за границей шефы-резиденты иногда сидели под «крышами» завхозов и дворников, а не советников — и ничего, справлялись!

Ведь нелепо, наверное, утверждать, что после Сталина режим стал круче, наоборот, органам подрезали крылья и даже устроили небольшой разгон. Вечно правая партия, которая, как оказалось, и ведать не ведала, что творили новоявленные опричники, твердо взяла за глотку отныне подчиненную ей организацию. Казалось, оттепель и прочие загадочные времена года предполагали некую скромность и аскетизм, идущие еще от райских лет, когда Феликс Эдмундович занимался беспризорниками, однако... Или для того, чтобы сажать и стрелять, нужно гораздо меньше людей, чем держать в мягкой узде?

Времена менялись, отделения вырастали в отделы, отделы — в управления, управления — в главные управления, раньше на весь КГБ было несколько генералов, теперь их множество, раньше в Москве одна поликлиника без очередей, теперь — несколько и очереди, раньше незаметные школы, а ныне — институты, вот-вот академии, раньше при слове «профессор» снисходительно улыбались (пахло интеллигентской слякотью), теперь же и кафедры, и профессура, и доценты — все фундаментально.

Как это произошло? Как случилось? Почему по законам Паркинсона, а не по проверенным — Маркса и Ленина? Наблюдал и потрясен таинством: крутился-раскручивался механизм сам по себе, создавал новые задачи под очередные мудрые решения политбюро, и новые препятствия, и новые должности; росла и росла численность, количество превращалось в качество, а качество — в количество, и новые направления деятельности, порой свежие и экзотические,— и снова рост аппарата и качество рождает новое количество, а количество... и так без конца и края.

Итак, спецслужбы росли и у нас, и у них, обрастали своей мини-культурой в виде соответствующих фильмов и триллеров, создавали многоцветные мифы и фикции. Один из мифов универсален до безобразия — бородат и одновременно свеж, как роза в утренней росе. О нем и речь.

Сравнительно недавно демократическая общественность высказала слова любви председателю КГБ, вынувшему из золотых анналов и зачитавшему депутатам Верховного Совета СССР документ, построенный на материалах ЦРУ 1977 года, в которых говорилось о необходимости создавать в СССР агентуру влияния, обучать ее и продвигать все выше и выше. Документ вполне одиозен, такие планы плодят из года в год все спецслужбы, но огорчительно было, что Крючков разыграл политическую карту в пользу «Союза» и супротив намечающегося более глубокого сотрудничества с Западом.

При слове «агент» честный советский человек вздрагивает и сразу видит злодея с кривой улыбочкой и потными руками, ранее замышлявшего убить товарища Сталина (увы, но такого не случилось!), а ныне крадущего бесчисленные секреты у доверчивого народа, или «подлого агента империализма» от Бухарина до Берии, который не ворует по мелочи, но зато продает родину по большому счету. К многозначительному словечку «влияние», приставленному к «агенту» и вроде бы обозначающему некую свежесть осетрины, мы совсем не привыкли. Понятие «агент» так же дискутабельно, как понятие «материя» или «новое мышление», но у американцев это слово понимают более расширительно и называют «агентами» даже кадровых сотрудников ЦРУ (представляю, в какой ужас пришел бы наш сотрудник, которого до сих пор, словно ослепнув и не видя, что происходит в стране, именуют кровавым словом «чекист», если бы его назвали агентом!).

Читая изложение речи Крючкова, я невольно вспомнил книгу профессора Кристофера Эндрю и бывшего полковника КГБ Олега Гордиевского «КГБ изнутри: от Ленина до Горбачева», вышедшую сравнительно недавно и переведенную на многие языки. Полезная, в общем, книга испорчена крупной ложкой дегтя: авторы отнесли к «агентам влияния КГБ» таких известных деятелей, как помощник президента Рузвельта Гарри Гопкинс, президент Финляндии Урхо Кекконен, и еще кое-кого поменьше. Подвергался также идеологической обработке и премьер-министр Швеции Улоф Пальме, из которого "не успели» сделать «агента влияния».

Бывший помощник президента по вопросам безопасности Артур Шлессинджер, ветеран разведки, недавно поставил под сомнение добросовестность Эндрю и Гордиевского, справедливо зацепившись за их оговорку: Гопкинс не отдавал себе отчета, что контактировал с секретной службой, выступавшей как посредник между ним и советским правительством. «Что это за агент, если он не отдает себе отчета в работе на иностранную разведку?» — вопрошает Шлессинджер. Ясно, что Гопкинс реализовывал политическое сотрудничество между Рузвельтом и Сталиным и его совершенно не интересовало, попал ли он в «агенты влияния», как утверждает Гордиевский, ссылаясь на свои беседы с одним полковником.

Пошли нам Господь (после Горбачева и Ельцина) такого президента — «агента влияния», как Урхо Кекконен, который за счет политических жестов, которых так жаждали для поднятия престижа своей бездарной политики Брежнев и К°, получал на выгодных условиях сырье, что немало способствовало выходу Финляндии на передовые европейские рубежи!

Что касается Улофа Пальме, умнейшего и острого политика, то, думается, не через него «оказывали влияние» на Швецию, а он довольно серьезно повлиял на формирование нашей позиции по разоружению. Мы еще, увы, не воздали должное западной социал-демократии и ее «агентам влияния» в ЦК КПСС и других ведомствах, которые, виртуозно прикрываясь идеями Маркса — Ленина и качая на руках не блещущих интеллектом вождей, стягивали партию с безжизненных скал большевизма в долины цивилизации. Это они, многоопытные кроты, подъели корни у партии, это они придумали все эти «хельсинкские процессы» и навязали их лидерам, развесившим уши от счастья прослыть миролюбцами, но кожей чувствовавшим, что все эти «корзины» и «права человека» до добра не доведут. И не довели, все закончилось перестройкой.

Эндрю и Гордиевский намного опередили председателя КГБ — он-то ограничился прозрачными намеками, а тут... Эта трогательная близость позиций почтенных джентльменов меня отнюдь не удивляет: в спецслужбах всегда мощны силы, которые не переваривают ни демократов, ни либералов, они бдят порядок и ненавидят разные там потепления в международной обстановке, ибо это мигом сказывается на бюджете, подрывает престиж и власть.

Можно ненавидеть кого угодно, но зачем выходить с этим на политическую арену и размахивать жупелом? Президент Буш писал в «Двигаясь в будущее»: «Директор ЦРУ должен делать все в своих силах, дабы избежать даже видимости вмешательства в политику». Однако на практике Бушу тоже нелегко удерживать вожжи: совсем недавно бывший директор ЦРУ Уэбстер выдал напоследок, что, мол, по данным ЦРУ, дни власти Горбачева сочтены. Разве это не вмешательство в политику, разве это не мина под Буша, имеющего дело с Горбачевым, и чем, в сущности, отличается этот демарш от выступления Крючкова, метящего в своего президента и других «агентов влияния», выступающих за сотрудничество с Западом? Куда глаже обстоит дело со спецслужбами в Англии, где почти никто не знает фамилий их руководителей,— они не высовываются в большую политику, а занимаются своим делом, и, по-видимому, не так уж плохо, если судить по таким агентам, как Пеньковский или Гордиевский.

Ох уж эти спецслужбы! И у нас, и на Западе они настолько запудрили мозги бедным Устрицам, настолько заволокли все туманом секретности, что остается только верить на слово Моржу и Плотнику.

Многие годы КГБ гулко бьет в колокол, пугая народ происками ЦРУ, но где вы, арестованные американские шпионы? Что-то не шибко много захватила вас наша контрразведка, имеющая мощные аппараты от Москвы до самых до окраин! Да и заслуга тут в основном внешней разведки! А сколько среди арестованных сотрудников самого КГБ, ГРУ и МИДа — просто самообслуживание какое-то...

Да и у американцев больше шума, чем схваченных советских агентов (кажется, 19 с 1971 года), правда, за это ФБР особо не ругают, ибо процентов 60 всех своих усилий оно тратит на борьбу с мафиями. Сколько звона о руке КГБ, залезшей во все западные карманы и чуть ли не дергающей за нитки целые правительства! Удивительно: столько кэгэбистов сбежало за последние годы, но где вы, многочисленные судебные процессы над новыми филби? Думаете, Морж и Плотник не хотят процессов, боятся осуждений демократической общественности? Ха-ха, ничего подобного: агентов мало или вообще нет, либо это и не агенты вовсе, а контакты, на которые ни один суд, кроме как в диктаторских режимах, не замахнется.

Вот тут-то мы и подходим к главному, оставив в стороне филби и фельфе, шевченко и пеньковских — с ними все ясно, каждая сторона имеет право их вылавливать и судить.

Беда в том, что во время «холодной войны» спецслужбы взяли на себя многие дипломатические, пропагандистские, политические и даже торговые функции, и в их орбиту неизбежно попадает масса симпатичных людей, которые любят свою страну, хотят дружить с другими странами, критикуют свое правительство, но совершенно не намерены делиться какими-то секретами и тем более тайно встречаться с иностранными разведчиками у пивного ларька где-нибудь в Орехово-Борисове или в парусной лодке на озере Онтарио.

Что вы скажете, допустим, об американском редакторе газеты, который время от времени обнимает ласково и открыто нашего разведчика — пресс-атташе посольства в вашингтонском ресторане (возможно, редактор догадывается о принадлежности его к разведке, а возможно, считает просто активным дипломатом или вообще плевать ему на это).

Кушают они омаровые супы, попивают «шабли», столь любимое Чеховым, ведут сладкие беседы, обмениваются идеями и информацией и весьма довольны друг другом. Некоторые грандиозные идеи нашего разведчика редактор использует в публикациях, которые, между прочим, оказывают влияние на американскую общественность. Бедняга редактор и не по-

дозревает, что он уже навеки зачислен в агенты или контакты влияния и даже получил оригинальную кличку «Грач». Точно такая же история может произойти с любым советским редактором, имеющим иностранные контакты, даже с такой глыбой, как главный редактор «Военно-исторического журнала». Слышу глас возмущения: какие это, к черту, агенты влияния?! Это же обыкновенное деловое сотрудничество! Полностью согласен. Но спецслужбы живут своей необыкновенной жизнью, а не вашей! Кроме того, Морж и Плотник не чужды показухе и рады доложить своему начальству, что в их обойме есть крупнокалиберные контакты, имеющие влияние. Нет сомнений, что западные спецслужбы прямо или косвенно присасывались ко многим нашим эмигрантским писателям, думающим, что имеют дело с меценатами, и приписывали их критику коммунистического режима своим усилиям. В свое время ЦРУ даже субсидировало превосходный общественно-литературный журнал «Энкаунтер» лишь потому, что он был антикоммунистическим! И мы кое-что субсидировали, не волнуйтесь, товарищи,— ведь всем хочется повлиять на ход мировой истории, как предписывали классики, и будь я лично знаком с Теодором Драйзером, наверняка бы зафигачил его в «агенты влияния», и мои гениальные мысли по поводу ужасов американского капитализма тут же обнаружились бы в «Финансисте» и «Титане». О, несбывшиеся грезы!

Если враг захочет оккупировать нашу страну, о чем предупреждал Крючков, то лучше всего выбрать конец года. Именно в это время, когда уныло голы деревья, томны от переработки машинистки и хочется любить, народ чекистский корпит над планами и отчетами, забросив все серьезные дела, кипят волшебные котлы, идет бумажный вал, начальство добавляет и верстает, показуха достигает апогея и в ЦК, куда все и выливается в филигранных формах, уже начинают верить своим собственным иллюзиям и надеяться, что вот-вот мы построим желанный социализм на острове Фиджи или выведем Францию из НАТО.

Представляю, как немеет директор ЦРУ, когда на стол ему ложится план проникновения КГБ в его организацию, добытый через верных агентов. Чего там только не накручено, сколько там загадок и тайн! Вместо фамилий прославленных цэрэушников красуются клички «Скорпион» или «Зараза», а сам директор превращен пылающей от классового гнева рукой в «Трезора». И если не ведает директор, что половина написанного — это прекраснодушная маниловщина, а закавыченные дяди — это всего лишь официальные связи, то рискует провести не одну бессонную ночь.

Теряя надежду попасть в агенты влияния ЦРУ (ланчи у Федорова в валютном ресторане на Кропоткинской, жареные индюшки в Спасо Хаусе и, конечно же, турне по США с серией лекций, впрочем, пресловутый внутренний голос подсказывает, что уже попал), торжественно заявляю, что планы ЦРУ и Пентагона вызывают аналогичные судороги в КГБ. Морж и Плотник любят волновать друг друга, они не дают заскучать. Но сэ ля ви во время холодной войны! Гордиевский и Эндрю высмеивают задание Андропова в начале 80-х годов собирать информацию о возможном превентивном ядерном ударе США по СССР, мол, это вечный большевистский страх перед заговорами. Но ведь такие планы существовали и, наверное, еще не сожжены ни у них, ни у нас, если наши генштабы не зря едят свой хлеб! Интересно, что бы делало ЦРУ, если бы получило информацию о превентивном ударе по США? Сидело бы сложа руки?

С ужасом представляю план ЦРУ по оказанию влияния на развитие нашей страны в период перестройки — тут можно такие пары развести при бойком пере, что ахнут и Джон Ле Карре, и Том Кленси, и целая обойма политических детективщиков, которые последние годы разрабатывают золотую жилу: спасают Горбачева от когтистых лап фанатичных коммунистов и агрессивных маршалов. А потом этот план попадает в наши руки и его зачитывают на сессии Верховного Совета...

В таком плане будут не только перестройщики из правительства и парламентов, но и лидеры всех партий, и разноперые экономисты, и поэты — друзья посла Мэтлока, и сам председатель КГБ, не раз высказывавшийся за сотрудничество с ЦРУ. Засунут в план и туманящего мозги Жириновского, и Жанну д'Арк сталинизма Нину Андрееву, и девственно-нежного в своих реакционных воззрениях полковника Алксниса, и даже Кашпировского, сеющего мистический страх. Спросите: почему в план попадут не одни перестройщики-демократы, уповающие на сотрудничество с Западом? Казалось бы, место там лишь «агентам влияния» вроде Яковлева, Бунича и, конечно же, Президента со всем его окружением. Возьмем опыт борьбы ЦРУ с коммунизмом. Зловещая организация никогда не брезговала контактами в любых течениях, особенно раскольных, будь они хоть архиантиамериканские и антизападные. ЦРУ поддерживало и троцкистов, и прокитайские группировки, и социал-демократов, которых в США до сих пор часто путают с коммунистами. Главное — развалить комдвижение. Поэтому, если горячие головы в ЦРУ пожелают превратить нашу страну в бушующее пламя и растерзать по кускам вопреки воле своего Президента, то они будут поддерживать всех против всех. В результате, правда, огонь перекинется и на США, но это уже деталь — разведки часто ошибаются в прогнозах.

Политическое сотрудничество между различными группировками Запада и нашего общества становится реальностью, и очень было бы неплохо вывести из этого хрупкого здания секретные службы, иначе мы все задохнемся от «агентов влияния».

Увы, вопрос о них у нас не закрыт, наоборот, с углублением взаимодействия с Западом много еще найдется любителей острых ощущений, склонных поиграть на патриотических чувствах, вспомнить Минина и Пожарского и наказать, наконец, то ли сионских, то ли иных мудрецов, продающих Россию с молотка. Поэтому стоит последовать примеру цивилизованных стран и узаконить такие формы политического сотрудничества, как лоббизм и всякого рода взаимопомощь не только пролетариев всех стран, но и других партийно-социальных групп, которые тоже жаждут объединиться.

Но как дальше жить Моржу и Плотнику? Спецслужбы явно отстали и от своих дипломатических, и от военных ведомств, не говоря уже о ветеранах второй мировой — бывших врагов, ныне подавших друг другу руки.

Поле для партнерства спецслужб необъятное: тут и борьба с терроризмом, и с организованной преступностью, и обмен разведывательной информацией, и даже совместные секретные акции. Но как организовать партнерство, не спуская в то же время бдительное око друг с друга? Как выбрать такие формы разведывательной деятельности, которые не подрывали бы взаимодоверия партнеров? «Проблемы, проблемы, одни проблемы» — как говорил турецкий султан, сидя в кругу своих наложниц в гареме.

В КГБ сейчас хватает других забот: постепенно всем становится ясно, что, несмотря на сопротивление руководства, КГБ придется пройти и через департизацию (думаю, этому возрадуется большинство), и через серьезную реорганизацию, неизбежную после подписания Союзного договора.

ЦРУ тоже поражено перестройкой и переформулированием задач, не успевает за развитием событий и у нас, и в Восточной Европе и отнюдь не собирается сокращать разведывательную деятельность. Там работают тоже не ангелы, «ястребов» не меньше, чем в КГБ, и жаждут многие чуть ли не публичного признания победы над КГБ в холодной войне. Как досталось недавно асу шпионских триллеров Джону Ле Карре, посмевшему в своей новой книге «Странный пилигрим» заявить, что в холодной войне никто не победил! «Как же так? — заволновались «ястребы».— Мы победили! Мы!» Как сладко вписаться всем ведомством в историю человечества! Возможно, вы и победили, господа, а возможно, победили Истина, Здравый Смысл, Провидение, Абсолютный Дух и даже Исторический Материализм, возможно, если принять диалектику, которую мы учили не по Гегелю, победил и КГБ... Да разве в амбициях дело, когда появился уникальный шанс повернуться, наконец, лицом друг к другу?

А ведь были времена сотрудничества, были! По указанию Черчилля в обезличенном виде в Москву направляли материалы, полученные англичанами в результате расшифровки германских телеграмм, правда, говорят, в обмен получали не много. Уже в августе 1941 года в Москву прибыл соратник Брюса Локкарта по «заговору 1918 года» полковник Хилл, поддерживавший связь от лица СОЕ — диверсионного ведомства английской разведки. Хилл даже сопровождал в феврале — марте 1942 года группу НКВД за линию фронта к партизанам. Обсуждались вопросы о заброске агентов НКВД в Западную Европу и на Средний Восток, и СОЕ помогло парашютировать агента НКВД в Бельгию, а в 1943 году забросило несколько советских агентов в Западную Европу. В конце 1943 года отец американской разведки генерал Билл Доновэн и посол Гарриман вели в Москве переговоры с Молотовым, затем Доновэн встречался с тогдашним начальником нашей разведки Фитиным, обсуждался вопрос об обмене представительствами советской и американской разведок (правда, этому воспротивился шеф ФБР грозный антикоммунист Гувер).

А пока тишь и гладь. Дремлют парламентарии, которым давно пора взять дело сотрудничества спецслужб в свои руки, организовать обмен делегациями, поучиться опыту контроля над спецслужбами у своих западных коллег.

Морж и Плотник продолжают петь свои байки Устрицам, стращая их для порядка. Финал всей истории печален: под мелодию рассказов Морж и Плотник постепенно съедают своих простодушных слушательниц.

■

В «Огоньке» № 19 с. г. был опубликован фотоочерк С. Аленина и В. Веленгурина об острове Русском, который был прежде запретным и поэтому мало кому ведом. В № 28 редакция поместила отклик на эту публикацию — трогательное письмо Людмилы Архиповой о том, как она родилась на этом острове. Побывать на нем удалось и мне в 1937 году. Я был тогда еще подростком, и показал мне его мой дядя, Григорий Сергеевич Окунев, заместитель командующего Тихоокеанским флотом, член Военного совета при наркоме обороны СССР.

Остров Русский своей военной романтичностью и природной экзотикой произвел на меня огромное впечатление и запомнился на всю жизнь. И только теперь я узнал, что остров находился буквально, как говорится, на волосок от смерти. Оказывается, остров уцелел совершенно случайно, благодаря лишь зоркости и бдительности органов государственной безопасности. «Враги народа» собирались взорвать этот остров, пользуясь тем, что на нем были сосредоточены огромные запасы мин и снарядов дальнобойной морской артиллерии, хотели таким образом открыть японцам, которым «продались», доступ к «нашенскому» Дальнему Востоку и его главному порту Владивостоку, а также обезоружить весь флот, лишив его боезапасов. И готовило эту диверсию командование Тихоокеанского флота, и в частности мой дядя Г. С. Окунев.

В обвинительном заключении, предъявленном ему, которое было составлено на Лубянке следователями Мневым и Ратнером, а затем скреплено визой Вышинского, какие только не были нагромождены обвинения, кроме попытки взрыва острова. Одно нелепее и чудовищнее другого.

Когда я ознакомился с материалами «дела», то назвал все это бредом сивой кобылы, свидетельством того, что работали в органах идиоты. В Военной прокуратуре возмутились по поводу моей реакции и принялись разъяснять: напрасно возмущаетесь. Видите, под обвинительным заключением стоит собственноручная подпись вашего дяди. Значит, он сам во всем признался. Если бы все это было неправдой, мог и не подписывать. Тот, кто не знал за собой никакой вины, не подписывал, и его выпускали на свободу.

Таким образом, нам теперь ничего не остается делать, как горячо благодарить тогдашних охранителей государственной безопасности за то, что они своевременно разоблачили «врагов народа», которые готовили взрыв минных погребов и тем самым спасли дальневосточную жемчужину — остров Русский, чтобы он радовал взоры будущих поколений. Большое им за это спасибо!

Ил. ОКУНЕВ
Москва

ВАШ БИЗНЕС БЛОКНОТ

ЭСКАРТ

№ 8-9

■ **СКОРО СМОТРИТЕ НА ЭКРАНАХ СТРАНЫ** новый художественный фильм режиссера Карена Шахназарова «ЦАРЕУБИЙЦА». В главных ролях — Малкольм Мак-Дауэлл (Великобритания), Олег Янковский.

По вопросам приобретения и проката картины обращаться по телефонам (095) 147-03-80, 297-20-23. Наш адрес: Москва, ул. Интернациональная, 8.

■ **БРОКЕРСКАЯ ФИРМА «ЛБК»** представит интересы юридических и частных лиц на Российской товарно-сырьевой бирже. Мы поможем выгодно продать или купить все, что вы пожелаете. Звоните, и мы решим ваши проблемы. «ЛБК» — лучший партнер.

(095) 234-26-90, 318-77-84.

■ **РЕКЛАМНЫЕ УСЛУГИ В КРУПНЕЙШИХ МАГАЗИНАХ МОСКВЫ — ГУМ, ЦУМ,** «Электроника», «Радиотехника», где мы демонстрируем на видеомониторах ваши рекламные сообщения и клипы.

Продаем и покупаем товары народного потребления, видео- и аудиотехнику и кассеты.

Реализуем видеокассеты с записью по ценам значительно ниже рыночных.

МП «ИЛЛЮЗИОН», (095) 131-17-10, 137-86-44, 137-84-16.

■ **ГОСУДАРСТВЕННОЕ МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ДАР»** реализует:
— персональные компьютеры AT 286 (американская сборка);
— дискеты 5,25" — 1,2 МБ; 3,5" — 1,44 МБ;
— видеотехнику (производство Японии).
Предприятие воспользуется услугами посредников.
(095) 181-05-42.

■ **ОРГАНИЗАЦИЯ** приобретет товары народного потребления.
Телефоны: (095) 356-93-52, 356-54-12, 214-63-31.

■ **ПРЕДЛАГАЕМ НОВЫЕ ПАТЕНТОВАННЫЕ ПРЕПАРАТЫ:** для самостоятельного пломбирования зубов без использования бормашины; для предотвращения выпадения волос и устранения перхоти.

Телефоны: (095) 372-89-77 с 9 до 14 часов, 319-64-86 с 21 до 24.

■ **ЦЕНТР** производит продажу по безналичному расчету импортных аудио- и видеотехники, кассет, оргтехники, а также оказывает разнообразные услуги в области бизнеса, строительства, маркетинга.

Продает древесину, облицовочный натуральный камень, изделия из полудрагоценных камней, строевой лес.

Телефоны: (095) 150-55-77, 181-94-62.

■ **АССОЦИАЦИЯ «ЗЕНИТ-ИНТЕР»** реализует оптовые партии импортных кнопочных телефонов с московского склада. Минимальная партия — 5000 шт. Оплата в рублях. Предоставляется гарантия.

(095) 237-11-45, 113162, Москва, ул. Городская, 2/7.

■ Реализуем **МЕД ПЧЕЛИНЫЙ НАТУРАЛЬНЫЙ** высококачественный, фасованный в современной упаковке 120 г нетто. Норма отгрузки — 70 000 банок.

348000, г. Луганск, ул. Александровская, 27, МП «РОДНИК».

Тел. 95-00-15, 95-04-57, факс 95-0541.

■ Известное **ИТАЛЬЯНСКОЕ РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО** «Армандо Теста» совместно с рекламными фирмами «ЭСКАРТ» и «Отчизна» проводит 13—16 октября в комфортабельном пансионате Донецкой области семинар «Продвижение товаров и услуг на международный рынок».

Контактный телефон в Донецке (0622) 93-24-42.

■ **ОРГАНИЗАЦИЯ** производит набор агентов (брокеров) с опытом заключения сделок в области коммерции.

Телефоны: 356-93-52, 356-54-12, 330-80-05. Звонить с 10.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья.

Организация окажет помощь в приобретении авиационной техники.

■ **КОНСИГНАЦИОННЫЕ СКЛАДЫ** с хорошим кондиционированием, недалеко от центра Москвы, с СОБСТВЕННЫМ ТАМОЖЕННЫМ ПОСТОМ. Декларирование. Все виды транспортных услуг. Страхование от всех рисков.

■ **ДЛЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОМПАНИЙ** бесплатное комфортабельное телефонизированное помещение под офис на территории складов.

СП «СОВИНДЕП». Москва, Болотниковская ул., д. 42-1.
Телефон (095)121-34-98.
Факс (095)121-2551.

■ **ЛЕНИНГРАДСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ** «ДЕМОС» производит высококачественную видеозапись более 2500 фильмов всех жанров, включая новинки 1990—1991 гг. Предлагает транскодеры ПАЛ/СЕКАМ, модуляторы ВЧ на 1—12 каналы.

Ленинград, Литейный пр., 62-13. Телефон (812)272-40-83.

■ **БРОКЕРСКАЯ ФИРМА** «Альянс» осуществляет ваши сделки по купле-продаже сырья, легкового и грузового транспорта, оборудования и оргтехники как на Московской товарной бирже, так и на Российской товарно-сырьевой бирже. Оплата услуг по совершению сделки составит всего 2%. Предоставление информационных услуг бесплатно.

Телефоны: (095)925-59-74, 921-47-04, 921-46-61, 928-73-78, 928-33-70.
Факс (095)975-23-56.

■ Советско-германское СП «ТРИФО» поставляет и адаптирует к условиям заказчика персональные компьютеры УВМ, любую периферию к ним, ксероксы, автоответчики, калькуляторы, импортную видеотехнику, прикладное и системное программное обеспечение. Оплата в рублях и СКВ.

Справки по телефонам (095)928-00-30, 334-82-90.

■ **МОСКОВСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ И КОЛЛЕДЖ «КОМПЬЮТЕР-ЗНАНИЕ».**

Прием по специальностям: помощник менеджера; помощник разработчика (программиста) коммерческих задач; компьютерное делопроизводство. Срок обучения 3—4 года. Форма обучения — дневная, вечерняя, заочная. По окончании — государственный диплом, международный сертификат. Прием без ограничения в образовании.

Адрес: 113587, Москва, Кировоградская ул., 11, Колледж.
Телефоны: (095)315-42-29, 313-30-18.

■ **МОСКОВСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ И КОЛЛЕДЖ «КОМПЬЮТЕР-ЗНАНИЕ»** объявляет конкурсный прием преподавателей и менеджеров курсов для подготовки по специальностям: помощник менеджера; помощник разработчика (программиста) коммерческих задач; компьютерное делопроизводство.

Наш адрес: 113587, Москва, Кировоградская ул., 11, к. 210.
Телефоны: (095)315-42-29, 313-30-18.

■ **НПО «НИИЭС»** изготавливает кварцевые силовые волоконные световоды для передачи мощного лазерного излучения в диапазоне 0,2:2,2 мкм с апертурой до 0,35, обладающие повышенной стойкостью к ионизирующим излучениям и лучевой стойкостью. Диаметр сердцевины — до 1200 мкм. Разрабатываем специальные волоконные световоды по техническим требованиям заказчика, а также активные кварцевые световоды, легированные редкоземельными элементами.

109052, Москва, Смирновская ул., д. 25.
Телефоны: 362-98-51, 362-98-29.

■ **ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛАГАЕТ** компьютеры PC AT 286/287 супер VGA, принтер STAR NX-1500, производство США, телефаксы, множительную и другую оргтехнику за рубли и СКВ. Поставка наличного товара со склада в Москве на условиях франко-склад продавца.

Телефон (095)415-77-34.

■ **ПРЕДЛАГАЕМ В ЛЮБОМ ГОРОДЕ** обмен, аренду, сдачу, увеличение, уменьшение, куплю-продажу жилплощади и любого другого движимого и недвижимого имущества. Приглашаем брокеров, диллеров, инвесторов.

103031, Москва, а/я 814. Телефоны: 292-70-00, 203-89-31.

■ **РЕКЛАМНЫЕ УСЛУГИ В КРУПНЕЙШИХ МАГАЗИНАХ МОСКВЫ — ГУМ, ЦУМ,** «Электроника», «Радиотехника», где мы демонстрируем на видеомониторах ваши рекламные сообщения и клипы. Продаем и покупаем товары народного потребления, видео- и аудиотехнику и кассеты. Реализуем видеокассеты с записью по ценам значительно ниже рыночных.

МП «ИЛЛЮЗИОН». (095)131-17-10, 137-86-44, 137-84-16.

■ **МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА БИРЖЕВИКОВ И БРОКЕРОВ** (МП «Велла-М» и газеты «Биржевые ведомости»).

Телефоны: (095)439-84-54, 439-84-49, 923-51-10.

■ **ЦЕНТР** производит продажу по безналичному расчету импортной аудио- и видеотехники, кассет и оргтехники, а также оказывает разнообразные услуги в области бизнеса, строительства, маркетинга.

Продает древесину, облицовочный натуральный камень, изделия из полудрагоценных камней, строевой лес.

Телефоны: (095)150-55-77, 181-94-62.

■ **«БИРЖА-ЭСКАРТ»** — самые оригинальные и наиболее успешные методы работы. МИНИМАЛЬНАЯ СУММА СДЕЛКИ — 1 000 000 (один миллион) рублей. Сотрудничество при условии заключения договора.

Телефоны: (095)356-93-52, 356-54-12, 330-80-05, 214-63-31.
Факс (095)200-32-25.

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

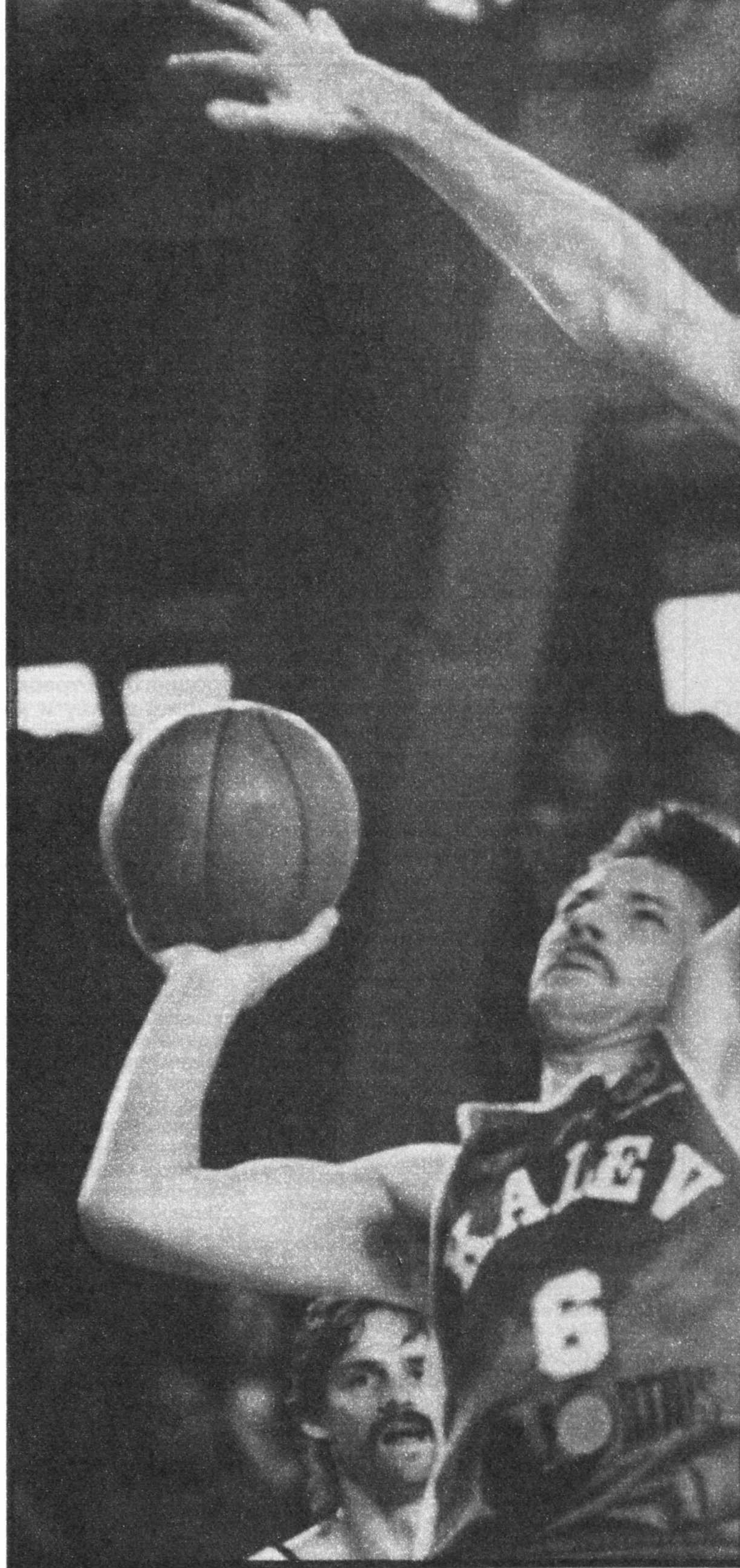
ЯАК И ЕГО КОМАНДА

Димитрий КЛЕНСКИЙ
Фото Лембита ПЕЭГЕЛЯ

За минуту до окончания второго суперфинального матча по баскетболу на первенство Советского Союза стало ясно: таллиннский «Калев» обыграет спартаковцев из Ленинграда и станет чемпионом страны. Впервые! Отчаянно сопротивлявшиеся ленинградцы, подопечные Владимира Кондрашина, «сломались» лишь на самом финише. Тем ценнее победа. Трибуны ликовали — выигрыш воспринимался и как триумф устремленных к свободе прибалтов.

И только главный тренер Яак Салуметс непривычно для себя сидел на скамейке запасных, не жестикулировал — молчал, отрешенно смотрел в никуда. «О чем вы думали?» — упорно расспрашивали чуть позже журналисты. «Ни о чем»,— улыбался счастливый тренер, взмокший не меньше, чем полевые игроки. А они, как расшалившиеся дети, короновали наставника: напялили на него «ливрею» — сетку от корзины, в которую последний раз в победном матче угодил мяч. Такова традиция.

Запомнился и кульминационный момент встречи в Ленинграде, который решил исход первой суперфинальной игры. Случилось вот что. В конце встречи спартаковцам удалось сократить разрыв, догнать калевцев, которые почти всю игру вели в счете. И тут оба тренера пошли ва-банк. В. Кондрашин выставил пятерку «великанов» — все были ростом выше двух метров. Я. Салуметс, наоборот, применил свой конек — систему «три плюс два». Трое — это «малыши», образовавшие надежную и гибкую заднюю линию. Высокотехничный и результативный комбинационный баскетбол эстонского тренера (а он убежден, что все начинается с защиты) оказался эффективнее мощной, силовой игры в нападении, которую выбрал его ленинградский коллега. Ставки были высоки. Был и элемент лотереи. Но везет сильному.

* * *

В дуэли тренеров была интрига. В 1972 году именно Петрович, как и сегодня называет по отчеству В. Кондрашина его бывший подопечный в сборной СССР Я. Салуметс, заменил накануне Олимпиады в Мюнхене без каких-либо объяснений «эстонца на русского». Как бы там ни было, но тогда впервые победителями таких состязаний стали советские баскетболисты. Среди них мог быть и Яак Салуметс. Только спортсмены высокого класса способны оценить до конца престиж олимпийской медали. А потому горечь от той обиды не улетучилась и поныне. Это хорошо знают калевцы и, встречаясь со «Спартаком», имеют «зуб» на его тренера. Этот необычный допинг придает игре с ленинградцами особый тонус.

Но Я. Салуметс о Владимире Кондрашине отзывается лестно. Ставит его как тренера первым в стране: «Поразительно, как тонко он делает замены во время игры. Кто понимает в игре толк, тот наслаждается его мастерством».

— Как оцениваете собственный успех?

— Победа «Калева» — феномен. Нам удалось в условиях ограниченного суверенитета Республики, да-да, и это имело значение, пусть не в полной мере, но привнести в подготовку команды элементы профессионального спорта. Госкомспорт нам больше не указ, и руки мои оказались относительно свободными.

— И с чего начинается ваш профессионализм?

— Мы создали парниковые условия для «Калева». Удалось это и благодаря исключительной популярности этого вида спорта в Эстонии. При нынешней бедности государство не потратило на нас ни копейки — мы воззвали к спортивному патриотизму крупных хозяйственников, которые согласились на благотворительность. Многие сегодняшние директора объединений, председатели акционерных обществ — мои сверстники. Они помнят наш «Калев» конца 60-х и начала 70-х годов, успешно выступавший на всесоюзном первенстве.

Сейчас у нас около двадцати спонсоров. Все они стали учредителями ба-

скетбольного клуба «Калев». Это не значит, что мы как сыр в масле катаемся. Денег — в обрез. Но все равно материальная обеспеченность «Калева» в два-три раза лучше других клубов высшей лиги. У нас на высоком уровне и спортивная медицина. Кроме врача и массажиста, в команде числится физиолог — Рейн Ялак. В его распоряжении самая современная аппаратура. В полуфинале А. Куусмаа был поставлен на ноги за три дня с помощью лазерной техники! Без нее на восстановление игрока ушло бы дней десять. За мои шесть лет тренерства не было ни одной травмы, которая вывела бы спортсмена из строя на весь сезон. Факт уникальный. И это тоже черта профессионального спорта. Удалось найти патрона и в Финляндии. Взамен рекламируем благодетелей. Посмотрите на наши майки. Каждый квадратный сантиметр имеет свою цену. Все — по законам бизнеса.

— Без денег «и ни туда, и ни сюда»?

— Хватит напирать на энтузиазм. На нем прекрасно научились наживаться номенклатура, аппарат. И сегодня зарплата советского спортсмена экстра-класса равна десятой доле истинной его цены. Мы хорошо знаем, как взбунтовались шахматисты и теннисисты. Неудивительно: на Западе им платили в сотни раз больше, чем на Родине. Но признаемся: ей нечем платить своим героям. Вот и стали бежать на Запад спортсмены. Пока исподволь не узаконили такие «бега» на заработки.

— Так наш спорт становится профессиональным?

— Если быть точным, то все же псевдопрофессиональным. Пожалуйста, пример. Два года назад нашего центрового Сергея Бабенко «за так» отпустили из Ленинграда в Таллинн. Перспективный игрок, выросший в Сибири, был в свое время приглашен В. Кондрашиным, несмотря на давно досаждавшую Сергею травму. Ему пообещали золотые горы, главное, избавить от болячки. Увы, сибиряка надули, так и не залечив. В «Калеве» он оказался незаменимым, особенно после ухода в финскую профессиональную команду Маргуса Метстака. И вдруг осенью прошлого года ни с того ни с сего перед самой игрой в Ленинграде комиссар матча от имени Федерации баскетбола страны ультимативно потребовал выкупа — 26 тысяч рублей. Иначе грозили отстранить таллиннцев от игр. Психологический шантаж. Деньги, конечно, мы перечислили, хотя и сейчас нет четких нормативных актов, предусматривающих перекупку игроков. Случай с С. Бабенко — пародия на профессиональный спорт. У нас даже закона о спорте нет, что немыслимо в любой цивилизованной стране. Наш «Калев» — профи только де-факто, но не де-юре. И еще, вы заметили, что советские спортсмены уезжают на Запад, а к нам что-то никто не спешит. Это дорога с односторонним движением! С нами невозможно заключать контракты — у нас нет таких денег. Мы нищие. Югославу Тони Кукачу за четыре года по контракту выплатят шестнадцать миллионов долларов. И это не рекорд. А мы все хотим выехать за счет патриотизма, на какой-то дух напираем: то спартаковский, то армейский.

— Но в «Калеве» впервые в истории советского спорта весь сезон играл иностранец — профессионал из американской Всемирной баскетбольной лиги (WBL), негритянский спортсмен Джордж Джексон.

— Впервые весь сезон, да. Но ему надо много платить. Своей валюты у нашего клуба почти нет. Еле-еле на амуницию хватает. Так что нам Д. Джексон был бы не по карману, хотя благодаря хорошим связям с деятелями Лиги его уступили нам за мизер — в странах Восточной Европы за Д. Джексона выложили бы в десять раз больше. Это — подарок. Исключение. Выручил наш финский спонсор — фирма «PLK груп». Мало этого, страховку в случае заболеваний и травм обязались выплачивать сами американцы. Какая советская команда может позволить себе нанять профессионала? Вот ленинградский «Спартак» только за то, чтобы играть в родном городе во вместительном спортивно-концертном комплексе «Юбилейный», должен выкладывать по пятьдесят тысяч рублей. И отказывает себе в этом, играя в тесных, пропотевших гимнастических залах. И это — серебряный призер первенства страны! И мы в Таллинне не можем играть в шикарном горхолле — требуют пятнадцать тысяч за два часа аренды.

Вообще финансы — деликатная проблема. Замечу только, что бюджет нашего клуба в минувшем сезоне составил миллион двести тысяч рублей. Кое-что о доходах спортсменов знаю из эстонской газеты «Спордилехт». Игроку саратовского «Автодорожника» — команде, не выступающей в высшей лиге, местные кооперативы-спонсоры положили месячный оклад в тысячу рублей плюс премию за победу...

— И вы считаете нормальным, что, став самостоятельным, клуб платит за каждую игру и тренировки в некогда собственном доме спорта «Калев», принадлежащем теперь только одноименному спортивному обществу? Выходит, «стены» ваши не такие уж и родные?

— Какие стены? Рынок на дворе! Правда, извращенный и несправедливый. Да, в западном мире за внешним лоском и благополучием ощущаешь жесткость. Но «там» — все по правилам. В любом случае к конкуренции, и притом беспощадной, надо готовиться уже сегодня. Будет нелегко. Но партократия закалит нас, будьте здоровы! Даже спортивные сооружения прибирает к рукам. Тот же спортхолл, построенный на народные деньги, сегодня почему-то принадлежит уже не всем калевцам. Бывшему номенклатурному функционеру проще жить за счет поступлений от аренды общественных, замечу, зданий или другого какого госимущества. Ростовщики, да и только!

— И как быть?

— Не унывать. Изучаем увесистый пакет предложений о создании малых предприятий, участии в большом бизнесе. Клуб скорее всего станет акционерным обществом, а баскетбольная команда — жить от прибыли. Заманчивых предложений после победы в чемпионате СССР у нас предостаточно. Заключен договор на участие в играх новой, еще только создаваемой баскетбольной лиги (GBL). Это что-то вроде соревнований национальных сборных на Кубок мира по волейболу. У баскетболистов предполагается участие только клубных команд, их будет около тридцати. Но пока многое не ясно, организаторы заняты подготовкой. Если идея эта воплотится, то «Калев» серьезно обновит состав. Будут приглашены североамериканские профессионалы. Согласно квоте, конечно.

— А личные планы?

— Предложили заключить контракт — тренировать профессиональный клуб в Финляндии, возможно, и сборную этой страны. Согласился.

— Не боитесь обвинений в погоне за длинным... долларом?

— Нисколько. Готов к этому. Считаю, что перед эстонским баскетболом я никак не в долгу. А вот перед семьей... Жена, две дочери месяцами меня не видели. Честно говоря, и себя забывать не хочется. К тому же почувствовал усталость — от пресыщения, что ли. Тянет к чему-то новому. Продам себя по достойной цене. Не уподоблюсь тем нашим врачам, которые едут в ту же Финляндию работать медсестрами, или первоклассным музыкантам и балеринам, устраивающим жизнь в ресторанных оркестрах и кабаре провинциальных городов Запада. При этом они по тамошним меркам зарабатывают крохи, по нашим — состояние. Ничуть не осуждаю и такой выбор. Наоборот, возмущен теми, кто сегодня взывает

к нашим патриотическим чувствам, к долгу перед гибнущим Отечеством. Теми, кто довел экономику до ручки, народ — до нищеты, а теперь читает мораль. По какому праву?

— А если и игроки разбегутся, и распадется созданная вами команда? Не жаль? Пятьдесят литовских баскетболистов уже играют за рубежом.

— Нисколько. Придут другие и создадут все заново. Были бы стимулы. А разъедутся по белу свету калевцы — переживать не стану. Они это заслужили. Для меня будет лестно, коль их «конвертируемыми» признают.

— Говорят, вы не пряником добиваетесь своего, обвиняют вас чуть ли не в безжалостности?

— Так кто на это жалуется? Те, кто хочет добиться всего меньшей кровью: работать, как в Союзе, жить, как в Америке. Абсолютно не перевариваю иждивенчество... За шесть лет моей работы с командой мы поменяли две трети состава. Каждому предоставлялась возможность показать себя. Я всячески поддерживаю молодых, но никогда не буду тащить их за уши. Моя работа — создавать условия, учить, а забота игрока — работать! Да, я развивал конкуренцию, да еще какую! Одни, даже очень одаренные, сразу ушли. У таких один был минус — не научены трудиться, не было такой привычки. Другие пытались проехаться на прежних заслугах. У профи это невозможно, тем более если тебе под тридцать. Дыхание дублера, наступающего на пятки,— лучший стимулятор. Игровая форма — единственный критерий. Теоретически можешь даже выпивать — наставник в мире профессионального спорта слова не скажет. Судят по игре, в том числе и тренера. Вам просто не продлят контракт — и вы свободны. Вот такая свобода мне по душе. Она заставляет думать о существовании, а значит, и вертеться. Это исходная точка профи, его фундамент.

— Так-то оно так, но ваш конвейер, интенсивно обновляющий состав, сокращает спортивный стаж не одному игроку, выжимая из него все до последней капли.

— Только так. Но, как в одном анекдоте: «По согласию?» — «По согласию!» На то и трудовое соглашение. Вы даже представить не можете уровень социального страхования! Увечья, болезни, даже легкие травмы — за все выплачивается компенсация. Кроме того, спортсмен Национальной баскетбольной ассоциации застрахован на всю жизнь. Даже калевцам такое «не угрожает», хотя по советским меркам они обеспечены очень неплохо.

— Но как объяснить вашу горячность, переходящую в резкость, задевающую самолюбие подопечных?

— Отчасти это легенда. Но, каюсь, мне самому иногда неприятны кинокадры, где вижу себя жестикулирующим или слышу свои колкие реплики, предназначенные «для служебного пользования». Сразу оговорюсь, игроки меня знают и понимают. Воспринимают мою азартность как гарнир. Такова моя натура, что поделаешь. (Кстати, все, кто знаком с Салуметсом, считают его добродушным.— **Прим. авт.**) После игры я другой человек.

* * *

Победа «Калева» на первенстве страны была убедительной. Однако после нее только два баскетболиста названы кандидатами в сборную СССР. По-разному это толкуют. Одни говорят, что у таллиннцев нет ярких звезд — их сила в ровном составе. Другие приписывают победу только искусству главного тренера. Третьи объясняют взлет «Калева» падением общего уровня баскетбола в Союзе. Есть и такие, кто считает игру таллиннцев нестандартной, непривычно интеллигентной. А что думает сам главный тренер?

— Объяснение только в профессионализме. Иногда так и хочется крикнуть: «Профессионалы всех стран, объединяйтесь!» Что такое профи? Это надежность и стабильность игры. То есть я, как тренер, всегда знаю, на кого в какой ситуации, в игре с каким соперником я могу положиться. Тут не эмоции решают, а расчет. Знаете, что я делаю во время игры? Постоянно вычисляю проценты. Игра — это вероятность и вариантность. Чем точнее исполняет игрок замысел тренера, тем больше шансов на успех. По моим наблюдениям две трети моих установок команда выполняет. Это высокий показатель. И потому если ребята расстроятся чем-то по ходу игры, то они, как профессионалы, не сыграют хуже своих минимальных возможностей. А они, эти возможности, достаточно высокого уровня. Команда сильна настолько, насколько надежным является ее самое слабое звено. Вот почему профи никогда не играют с прохладцей, с чувством превосходства над соперником. На это и ориентируюсь.

— И кого можно выделить?

— Мотор команды — Тийт Сокк. Ему сейчас нет равных в Советском Союзе. Он защитник типа «плей-мэйкер», то есть «делающий игру». Тийт — мой полпред на площадке, он понимает меня с лета — «на расстоянии». Его задача — создавать рисунок игры, то есть определять ее темп, задумывать и реализовывать комбинации. Умеет брать на себя игру и Айвар Куусмаа. Но его амплуа — точность бросков, особенно дальних. Защита у нас самая сильная в стране. Но и нападающие...

— Джордж Джексон!

— Отчего? У нас Сергей Бабенко или Маргус Метстак хороши. Но негритянский парень полюбился как-то сразу всем, болельщикам тоже. Ему даже письма писали — один пожилой крестьянин на рыбалку приглашал. Проводы Джорджа были трогательными, его опекун и переводчик Рауно Пехка даже прослезился. Честно говоря, побаивался я индивидуальной игры негритянского баскетболиста — а они все яркие личности на площадке: есть что показать публике. Но уговор есть уговор. Мы заказывали трудолюбивого игрока, который не гнушался бы самой черной работы на площадке. И нас не подвели.

— А как приживался профи в нашем «любительском» спорте? А то мы все про «наших» на Западе пишем.

— Наш тренер Р. Сооник на предварительных переговорах подготовил Д. Джексона морально ко всем тяготам. И он в первых же интервью на эстонской земле подчеркивал, что вырос в более чем скромной семье. Однако, оглядевшись, очень скоро американец стал деликатно умалчивать о «тяжком детстве». Зато после первой же поездки по стране и знакомства с удобствами Аэрофлота он хватался за голову и приговаривал: «Ай эм крейзи». Другими словами, не в своем уме был, когда контракт подписывал. Были с ним и небольшие ЧП. В «закрытом» городе Николаеве перед самым матчем явилась милиция и потребовала разрешения на въезд в СССР. В Алма-Ате настаивали на уплате гостиничного счета в валюте, как за иностранца. Мы были готовы ко всему. Запаслись справками.

— А враги у вас есть?

— Нет, завистники. Не настолько я бездеятелен, чтобы всем нравиться.

— Содействовала победе политическая ситуация в регионе?

— Всегда утверждал, что спорт и политика взаимосвязаны. Спорт для большой страны — пропаганда, для маленькой — реклама. И грех нам, прибалтам, не пользоваться этим.

Достижение «Калева» для эстонцев равнозначно успеху местных политиков на переговорах с Москвой о достижении нашей независимости. Успеху, до которого еще, ох, как неблизко! А наша виктория свершилась! И как мне не гордиться, что во главе победивших калевцев был я.

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА

К директору цирка приходит наниматься на работу человек.

— А что вы умеете делать? — спрашивает директор.

— У меня уникальный номер. Посредине арены ставят открытую бутылку с водой. Я забираюсь под купол, прыгаю вниз и ныряю прямо в бутылку.

— Это невозможно!

— Вам я открою свой секрет. Когда я лечу вниз, то, подлетая к бутылке, быстро достаю из кармана воронку и вставляю в горлышко.

Две блохи выходят из ресторана.

— Так что,— спрашивает одна,— пешком пойдем или подождем собаку?

В коммунальной квартире девушка, стоя под душем, вдруг видит, что сквозь фрамугу на нее глядит небритая физиономия.

— Как вам не стыдно. Вы что, не видели обнаженную натуру?

— Плевать мне на твою натуру. Я смотрю, чьим ты мылом моешься.

— Если ты мне откажешь,— сказал он,— я умру.

Она отказала. Через шестьдесят лет он умер.

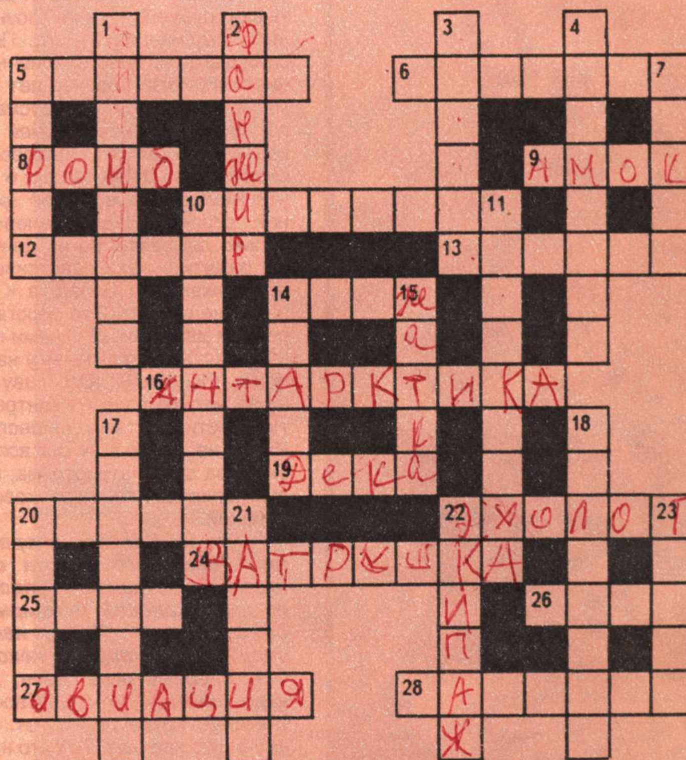
В зоомагазине.

— У вас есть попугай?

— К сожалению, нет, но можем предложить дятла.

— А что, он тоже говорит?

— Нет, но он овладел азбукой Морзе.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Остров в Филиппинском архипелаге. 6. Русский филолог и искусствовед. 8. Параллелограмм с равными сторонами. 9. Новелла С. Цвейга. 10. Финский композитор, глава национальной музыкальной школы. 12. Передвижение и группировка войск или флота на театре военных действий. 13. Столярный инструмент, деревянный молоток. 14. Город в Бельгии. 16. Южная полярная область земного шара. 19. Часть корпуса струнного музыкального инструмента. 20. Известный американский изобретатель, сконструировавший фонограф. 22. Гидроакустический прибор для измерения глубин моря. 24. Лепешка с творогом или вареньем. 25. Минерал, разновидность халцедона. 26. Действующее лицо в пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 27. Воздушный флот. 28. Река в Восточной Сибири.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сборник литературных произведений. 2. Построение в шеренге по росту. 3. Один из видов орешника. 4. Остров у побережья Австралии. 5. Судно, плот для переправы через водное пространство. 7. Денежная единица Древней Руси. 10. Хоровой дирижер, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. 11. Вид метонимии. 14. Река в Канаде. 15. Сельскохозяйственная машина. 17. Комедия Д. И. Фонвизина. 18. Французский скульптор XVIII века, автор памятника Петру I в Санкт-Петербурге. 20. Спутник Юпитера. 21. Порт в Норвегии. 22. Личный состав корабля, самолета. 23. Озеро в Заире.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Мужество. 8. Интуиция. 10. Хийумаа. 11. Пульпа. 13. Ростра. 15. Веста. 17. Скорняк. 18. Луапула. 19. Привал. 20. Стажер. 24. «Куранты». 25. Суринам. 26. Штифт. 27. Секста. 30. Мятлик. 32. «Надежда». 33. Институт. 34. Протазан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Тунгуска. 2. Жесть. 3. Птаха. 4. Отвар. 5. Синус. 6. Мистраль. 9. Курсив. 12. Пансионат. 14. Оранжерея. 15. Вкладыш. 16. Альтист. 21. Бумеранг. 22. Клипер. 23. Батискаф. 28. Смета. 29. «Анюта». 30. Мажор. 31. Тягач.

«СЕРВОИМПОРТ»

- СЕГОДНЯ ЭТО АВТОМОБИЛИ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ И ПРЕСТИЖНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА СОВЕТСКОМ РЫНКЕ:

-ВОЛЬВО
-ОПЕЛЬ
-СИТРОЕН

Мы гарантируем Вам оптимальные варианты покупки с нашего Консигнационного склада.

ВАШИ МАШИНЫ ЖДУТ ВАС!
ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕНЫ!
ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕРВИС!
ЕВРОПЕЙСКОЕ КАЧЕСТВО!

Оплата только в СКВ.
Те, кто не обладает конвертируемой валютой, не огорчайтесь.

ДЛЯ **ВАС** ЗА РУБЛИ:

- **телефонные аппараты**
- **телефаксы и бумага к ним**
- **бухгалтерские калькуляторы,**

а также телевизоры и двухкассетные магнитофоны ведущих производителей мира.

Наши телефоны: 963-23-13, 963-24-22.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ:

КОМПЬЮТЕРЫ, СОВМЕСТИМЫЕ с IBM PC/AT, XT С ЛЮБОЙ ПЕРИФЕРИЕЙ И ОРГТЕХНИКУ. А ТАКЖЕ ШИРОКИЙ ВЫБОР ДИГИТАЙЗЕРОВ, ПИШУЩИХ МАШИНОК, ЭЛЕКТРОННЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК, КАЛЬКУЛЯТОРОВ И Т. Д.

БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ.

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ? МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ

IBM PC/AT-286 — 44 000 руб.
IBM PC/AT-386
(Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ. 25 МГц) — 107 000 руб.

ПЛОТТЕРЫ

(графопостроители)
Формат А3 — 31 500—33 000 руб.
Формат А1 — 107 000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ

Формат А4
«LASERJET II P» — 51 000 руб.
«LASERJET III» — 85 000 руб.

КСЕРОКСЫ

Формат А4
«SHARP Z-50» — 28 000 руб.
«CANON FC-2» — 30 500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» — 62 000 руб.
«CANON 1215» — 80 000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ

«MURATE-M5» и «FI» — по 21 500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ

«PANASONIC» — 7750—8000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ

«PANASONIC» — 3400 руб.

Адрес: 109518, Москва, ул. Газгольдерная, 10 (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»). Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел. 450-67-88, 412-95-06.

1 руб. Индекс 70663